

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1974

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370604, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. ГАНИЕВ

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА -ЛА/-ЛӘ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (ОПЫТ СИНХРОННОГО И СИСТЕМНОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Древний тюркский глаголообразующий суффикс *-ла/-лә* в современном татарском языке весьма продуктивен. Он отмечается всеми исследователями глагольного словообразования в тюркских языках.

В тюркологии существует целый ряд гипотез относительно происхождения этого суффикса. Авторы «Грамматики алтайского языка» и Г. И. Рамstedт высказывают предположение о том, что суффикс *-ла/-лә* генетически связан с атрибутивным суффиксом *-лы*¹. Исследователь казахского языка А. К. Хасенова считает, что рассматриваемый суффикс восходит к полнозначному слову *де-/те-* 'сказать, говорить'².

В. Котвич и А. Г. Гулямов полагают, что суффикс *-ла/-лә* имеет непосредственную связь с суффиксом *-лан*³.

Н. Остроумов связывает суффикс *-ла* со словом *айла* 'делать'⁴. Но, как правильно замечает А. Н. Кононов, «это предположение ничего не объясняет, так как само *айла* < *ай* + *ла*»⁵.

Известна также гипотеза Ж. Дени, согласно которой суффикс *-ла* делится на два компонента: *-л* + *-а*, где главным является *-а*, что же касается элемента *-л*, то он возник в результате переразложения исходной основы⁶.

Поскольку *-ла* является одним из наиболее древних тюркских суффиксов, установление его этимологии представляет значительную трудность. Лишь исходя из некоторых косвенных данных, можно высказать предположение о составе этого суффикса.

В татарском языке в образовании производных глаголов немалую роль играли глаголы (впоследствии вспомогательные), превратившиеся в процессе развития языка в словообразовательные суффиксы.

Так, глаголы *югал-* 'потеряться', *төзәл-* 'выпрямляться', *сузыл-* 'потягиваться, потянуться', *карал-* 'становиться черным, почернеть' обра-

¹ См.: «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 46; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 175.

² А. К. Хасенова. К вопросу об основе слова в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 44.

³ W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków. 1936, стр. 29—30; А. Г. Гулямов. Об аффиксе *-ла* в узбекском языке. — «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического и учительского институтов. Серия общественных наук», вып. 1. Ташкент, 1947, стр. 50.

⁴ Н. Остроумов. Этимология сартовского языка. Ташкент, 1910, стр. 68.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 246.

⁶ J. Deny. Principes de grammaire turque («Turk» de Turquie). Paris, 1955, стр. 141—144.

зованы при помощи глагола *бул-* (фонетический вариант *ул-*) 'быть, становиться': *югал* < *юк* + *ул*, *төзэл* < *төз* + *ул*, *карал* < *кара* + *ул* и т. д.

Словообразовательный суффикс *-р*, *-ар/-эр* в глаголах *агар-* 'становиться белым, побелеть', *күгәр-* 'становиться синим, посинеть', *кызар-* 'становиться красным, покраснеть', *яхшыр-* 'улучшаться', *яңар-* 'обновиться' восходит к древнетюркскому глаголу *и-* (*ирде*, *ирсә*) 'быть, есть'.

Суффикс *-ай/-эй* в глаголах *матурай-* 'становиться красивым', *зурай-* 'становиться большим', *саргай-* 'становиться желтым, желтеть', *шәбәй-* 'становиться быстрым' является не чем иным, как фонетически измененным вариантом того же самого *и-* (*ирсә*, *ирде*) 'быть'.

Суффикс *-т/-ыт* в глаголах *жылыт-* 'согрывать', *суыт-* 'остужать' восходит к вспомогательному глаголу *ит-* 'сделать', исторически являющемуся формой понудительного залога глагола *и-* (*ирсә*, *ирде*) 'быть'.

Отсюда становится ясным, что многие суффиксы, ныне образующие глаголы, в древнем состоянии языка сами были глаголами⁷. Можно полагать, что суффикс *-ла* в этом отношении не представляет исключения и восходит к какому-то вспомогательному глаголу.

Судя по значению и внешнему оформлению суффикса, можно предположить, что этим вспомогательным глаголом является *и-* (*ирде*, *ирсә*) 'быть, становиться, есть'. Косвенно это подтверждается глаголами *көйрә-* 'тлеть', *ялтыра-* 'блестеть', *шалтыра-* 'греметь', *челтерә-* 'журчать', *мөңрә-* 'мычать', в которых элемент *-ра/-рә* представляет собой результат фонетического развития глагола *и-* (*ирсә*, *ирде*) 'есть, быть', с помощью которого, как мы убедились, были образованы новые глаголы от основ *көй*, *ялт*, *шалт*, *челтер*, *мөң* (*мү*).

Как известно, генетическая связь между суффиксами *-ра/-рә* и *-ла/-лә* в тюркологии не подвергается сомнению. Таким образом, с той или иной степенью вероятности можно предположить, что суффикс *-ла/-лә* этимологически связан с вспомогательным глаголом *и-* (*ирде*, *ирсә*) 'быть, есть'.

Превращение вспомогательного глагола *и-* (*ирде*, *ирсә*) 'быть, есть' в суффикс *-ла/-лә* могло произойти путем фонетического преобразования звука *р* в *л*.

В качестве производящих основ суффикса *-ла/-лә* выступают имена существительные, прилагательные, звуко- и образоподражательные слова. Производящими основами могут быть также, хотя и в значительно меньшей степени, числительные, наречия, междометия, предикативные слова и местоимения.

В современном татарском языке имеется довольно большое количество глаголов с суффиксом *-ла/-лә* и с неясными производящими основами, не употребляющимися самостоятельно в современном татарском языке. Возможно, что когда-то они были самостоятельными лексико-семантическими единицами. Однако в настоящее время отнесение их к той или иной части речи представляет значительные трудности. Например: *чәр-дәклә-* 'размозжить', *дөмбәслә-* 'дубасить', *сөйлә-* 'говорить', *сайла-* 'выбирать', *әрлә-* 'прятать', *шүрлә-* 'бояться', *шәйлә-* 'замечать' и т. д.

В таблице 1 представлено процентное соотношение слов по их лексико-грамматическому классу, используемых в качестве производящих основ суффикса *-ла/-лә*⁸.

⁷ См.: Г. Алпаров. Сайланма әсәрләр. Казан, 1945, стр. 65; Ш. Рамазанов. Татар телендә фигылләр ясалышы. — В сб.: «Татар теле буенча очерклар». Казан, 1954, стр. 177—178; В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 162, 164.

⁸ По материалам «Татарско-русского словаря» (М., 1966).

Таблица 1

№№	Части речи	Количество производящих основ	В %
1	Существительные	802	81,5
2	Прилагательные	118	12,0
3	Звуко- и образоподражательные слова	44	4,4
4	Числительные	6	0,6
5	Междометия	5	0,5
6	Наречия	4	0,4
7	Глаголы	3	0,3
8	Предикативные слова	2	0,2
9	Местоимения	1	0,1

С точки зрения структуры, производящие основы суффикса -ла/-лә могут быть корневыми, суффиксальными и сложными.

Производящие основы, представляющие собой непроизводные (корневые) слова: *чама+ла*- 'предположить', *чуп+лә*- 'выбирать', *шау+ла*- 'шуметь', *көй+лә*- 'напевать', *кыш+ла*- 'зимовать', *ан+ла*- 'понять'.

Производящие основы, являющиеся суффиксальными словами: *жаенке+лә*- 'сделать плоским', *уткен+лә*- 'заострить', *болганчык+ла*- 'мутить', *кыргыч+ла*- 'чистить скребницей', *сизем+лә*- 'ощущать', *тузгак+ла*- 'лохматить'.

Производящие основы, относящиеся к сложным словам: *билбау+ла*- 'подпоясаться', *акбур+ла*- 'белить', *чупчар+ла*- 'сорить'.

Следует отметить, что большинство производящих основ суффикса -ла/-лә в современном татарском языке является непроизводными словами.

В качестве производящих основ суффикса -ла/-лә выступают как исконно татарские, так и заимствованные слова.

Производящие основы, являющиеся татарскими словами: *өте+лә*- 'гладить', *болыт+ла*- 'заволакивать тучами', *борау+ла*- 'бурить', *кыр+ла*- 'гранить', *буй+ла*- 'измерить ростом глубину', *ак+ла*- 'белить', *кашы+ла*- 'встречать', *нигез+лә*- 'обосновать', *сагыш+ла*- 'тосковать'. Производящие основы, представляющие собой заимствования из европейских языков (через русский): *эксплуатация+лә*- 'эксплуатировать', *аттестация+лә*- 'аттестовать', *трансформация+лә*- 'трансформировать', *озон+ла*- 'озонировать', *брикет+ла*- 'брикетировать', *патент+ла*- 'патентовать'; из русского языка: *замазка+ла*- 'замазать', *расход+ла*- 'расходовать', *прокат+ла*- 'прокатать', *каток+ла*- 'выравнивать катком', *забой+ла*- 'вырубать забой'; из арабского и персидского языков: *газап+ла*- 'мучить', *дәва+ла*- 'лечить', *вәгазь+лә*- 'увещевать', *гаеп+лә*- 'винить', *хикәя+лә*- 'повествовать', *тәнкыйть+лә*- 'критиковать', *сихер+лә*- 'колдовать', *сөрмә+лә*- 'сурьмить'; из других языков — хинди: *ыспай+ла*- 'прихорашивать', монгольского: *нукта+ла*- 'надеть недоуздок', китайского: *көй+лә*- 'петь' и т. д.

Ниже приводится таблица процентного соотношения производящих основ суффикса *-ла/-лэ* в зависимости от языка-источника.

Таблица 2

№№	Язык-источник производящих основ	Количество производящих основ	В %
1	Собственно татарские слова	556	56,1
2	Займствования из европейских языков через русский	292	30,1
3	Займствования из русского языка	23	2,5
4	Займствования из арабского и персидского языков	100	10,3
5	Займствования из других языков	10	1,0

Прежде чем приступить к раскрытию значений суффикса *-ла/-лэ*, необходимо сделать следующие предварительные замечания. Многие производящие основы суффикса *-ла/-лэ*, как известно, полисемантичны. Однако, как показывают факты, производные глаголы имеют в большинстве случаев одно, лишь иногда два и очень редко большее количество значений. Так, у производящих основ *баш* (*башла-*), *күз* (*күзлэ-*), *аш* (*ашла-*) в современном татарском языке имеется несколько значений⁹. Образованные же от данных основ глаголы обладают лишь одним или двумя значениями. Например, от производящих основ *баш*, *аш* образуются глаголы только с одним значением: *башла-* 'начинать' (*баш* 'начало'), *ашла-* 'удобрять' (*аш* 'пища'), от производящей основы *күз* образуется глагол, имеющий два значения: *күзлэ-* 'подсматривать' (*күз* 'взор'), *күзлэ-* 'окулировать' (*күз* 'глазок'). Таким образом, в современном татарском языке глагольному словообразованию не свойственно явление, наблюдаемое в туркменском языке, где «в связи с многозначностью некоторых слов производные от них глаголы также соответственно имеют несколько значений»¹⁰.

Глаголы могут образовываться не от прямого, а от переносного значения производящих основ. Так, например, глагол *нигезлэ-* 'обосновать, аргументировать' образован от переносного значения существительного *нигез* 'основа, аргумент', тогда как от его прямого значения — «фундамент» глагол не образуется.

Часто у производных глаголов отмечаются значения, отсутствующие в их производящих основах. Например, у суффиксального глагола *майла-* наряду с прямым значением «смазать» имеется переносное значение «дать взятку». Последнее значение не является результатом словообразовательного процесса, ибо существительное *май* не имеет значения «взятка». Переносное значение указанного производного глагола возникло в результате его семантического развития. Итак, многозначность глагола не всегда результат суффиксального словообразования. Возникновение у производного глагола переносного значения, не связанного с производящей основой, должно изучаться семасиологией. Семантическая структура некоторых глаголов с суффиксом *-ла/-лэ* с современной

⁹ См. соответствующие статьи «Татарско-русского словаря».

¹⁰ «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 207.

точки зрения несколько затемнена, например, в глаголах *ташла*- 'бросать', *якла*- 'защитить', *юлла*- 'хлопотать', *эзлә*- 'искать', *юкәлә*- 'обманывать', *үпкәлә*- 'обижаться'. Современное значение не выводится непосредственно из их структуры и не имеет прямой связи со значением производящих основ. Однако в древнем состоянии языка их семантическая структура, несомненно, была ясна, и если проанализировать значение каждого из приведенных глаголов в историческом аспекте, то объяснение может быть найдено. Так, глагол *ташла*- первоначально означал «бросать камень», но с течением времени его семантика расширилась, и он приобрел значение «бросать что-либо вообще».

Хотя в современном татарском языке глаголов с затемненной семантической структурой и крайне мало, они все же должны стать объектом специального изучения.

Глаголы с суффиксом *-ла/-лә* имеют как переходное (*тышла*- 'переплести', *жишлә*- 'оковать латунью', *көмешлә*- 'серебрить', *бораула*- 'бурить', *имлә*- 'лечить ворожкой', *дәвала*- 'лечить', *эксплуатациялә*- 'эксплуатировать'), так и непереходное значение (*эренлә*- 'гноиться', *яңгырла*- 'дождить', *шаула*- 'шуметь', *чирлә*- 'болеть', *тавышла*- 'голосить', *зыңла*- 'звенеть'). Необходимо отметить существование переходного значения у большинства глаголов на *-ла/-лә*.

Суффикс *-ла/-лә* в современном татарском языке является одним из наиболее многозначных¹¹.

В трудах по общей грамматике татарского и других тюркских языков в большинстве случаев значения суффиксов не связываются с производящими основами. При раскрытии семантического содержания суффикса обычно перечисляются лишь его тематические значения, безотносительно к семантике производящей основы; причем денотативные значения суффиксальных слов выдаются за словообразовательные, и содержание производных слов зачастую не определяется системными связями, существующими между производящей основой и деривационным элементом. При таком подходе значения суффиксальных слов могут дробиться до бесконечности либо сводиться к одному, ибо они устанавливаются вне зависимости от производящих основ и не опираются на системные связи. Поэтому определение значений таких слов вне связи с производящими основами оставляет практически ничем не ограниченный простор для субъективных толкований значений суффикса. Исключение в этом отношении составляют лишь некоторые тюркологические работы¹². Сходная картина наблюдалась до последнего времени и в русском языкознании¹³.

¹¹ О значениях суффикса *-ла/-лә* в других тюркских языках см.: Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 313—317; Л. Н. Харитонов, Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 91—121; его же, Значение глаголов с аффиксом *-ла*. — В сб.: «Доклады на третьей научной сессии Якутского филиала Академии наук СССР», вып. 1. История и филология. Якутск, 1953, стр. 7—20; Аққал Хасенова, Қазақ тіліндегі *-ла/-лә* аффиксті туынды түбір егістіктер. Алматы, 1957; А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 246—248; Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 35—93; «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 251—256; «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 207—213; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 94.

¹² См. например: Э. В. Севортян, Указ. раб.; его же, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966; В. Исенгалеева, Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966; «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970; А. А. Юлдашев, Основные типы производных глаголов с аффиксом *-ла (лә)* в башкирском языке. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969.

¹³ См.: Г. С. Зенков, Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, стр. 38—40.

Однако в образовании значения производного слова словообразующий суффикс играет роль как бы «мостика», связывающего определенный аспект значения производящей основы со значением суффикса.

Способы словообразования характеризуются определенными словообразовательными типами. Словообразовательный тип суффиксального способа — это формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц и характеризующаяся общностью суффикса, отличающего производные слова от производящих слов. Например, «любая производящая основа+суффикс -ла», «любая производящая основа+суффикс -лан» и так далее являются словообразовательными типами. Каждый словообразовательный тип имеет свои модели. Словообразовательная модель — это такая формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, которая характеризуется общностью: суффикса, отличающего производные слова от производящих слов, и лексико-грамматического характера производящей основы. Например, «существительное+суффикс -ла», «прилагательное+суффикс -ла». Разные словообразовательные типы могут иметь различное количество словообразовательных моделей. Например, словообразовательный тип «любая производящая основа+суффикс -ла» характеризуется девятью моделями: 1) существительное+суффикс -ла, 2) прилагательное+суффикс -ла, 3) звукоподражательное слово+суффикс -ла, 4) числительное+суффикс -ла, 5) местоимение+суффикс -ла, 6) глагол+суффикс -ла, 7) предикативное слово+суффикс -ла, 8) наречие+суффикс -ла, 9) образоподражательное слово+суффикс -ла.

Модель «существительное+суффикс -ла» выражает следующие значения:

1) «совершить действие или мыслительный процесс, обозначенный производящей основой»: *алкышла*- 'аплодировать', *эшлэ*- 'работать', *аула*- 'охотиться', *ымла*- 'подавать знаки', *исбатла*- 'доказывать', *фикерлэ*- 'мыслить';

2) «подвергать кого-либо или что-либо действию, названному производящей основой»: *жэзала*- 'наказывать', *жэберлэ*- 'притеснять', *тэнкыйтлэ*- 'критиковать', *мэсхэрлэ*- 'оскорблять', *атакала*- 'атаковать', *назла*- 'нежить', *имлэ*- 'лечить ворожкой', *ремонтла*- 'ремонттировать';

3) «подвергать кого-либо или что-либо воздействию вещества, обозначенного производящей основой»: *агула*- 'отравить', *тузанла*- 'опылять', *борычла*- 'перчить', *көллэ*- 'золить', *кайрыла*- 'дубить';

4) а) «покрыть, заделать, обшить или огородить тем материалом, который указан производящей основой»: *күнлэ*- 'обить кожей', *тактала*- 'обить тесом', *пыялала*- 'застеклить', *алтынла*- 'позолотить', *көмешлэ*- 'серебрить', *рантла*- 'рантовать', *мүклэ*- 'конопатить', *коймала*- 'огородить забором', *кырпула*- 'опушить'; б) «снабжать, наделять что-либо (кого-либо) предметом, обозначенным производящей основой»: *энжелэ*- 'украшать жемчугом', *бүләклэ*- 'наградить', *жимлэ*- 'наживлять', *минала*- 'минировать', *маркала*- 'маркировать';

5) «придавать чему-либо форму предмета, обозначенного производящей основой»: *кирпечлэ*- 'дать форму кирпича', *гофрла*- 'гофрировать', *челтэрлэ*- 'изрешетить', *брикетла*- 'брикетировать', *кырла*- 'гранить';

6) а) «действовать орудием, средством, предметом, обозначенным производящей основой»: *өтелэ*- 'утюжить', *бораула*- 'буришь', *игаула*- 'точить напильником', *тырмала*- 'боронить', *пычакла*- 'резать', *кыргычла*- 'чистить скребницей', *чабагачла*- 'молотить цепом', б) «закрепить с помощью предмета, обозначенного производящей основой (или прикрепить этот предмет)»: *бинтлэ*- 'бинтовать', *төймэлэ*- 'застегнуть', *сапла*- 'при-

делать ручку', *тугымла*- 'прикрепить обод на спицы', *винтла*- 'закрепить винтом', *дагала*- 'подковать', *болтла*- 'закрепить болтом';

7) «совершать то или заниматься тем, что свойственно лицу или животному, обозначенному производящей основой»: *конвоирла*- 'конвоировать', *кияүлә*- 'быть женихом', *кодала*- 'сватать', *каравылла*- 'караулить', *кунакла*- 'гостевать', *кәжәлә*- 'упрямиться', *юргала*- 'бежать иноходью';

8) «удалять предмет, названный производящей основой»: *кишәнкәлә*- 'очищать от соплодия', *тәплә*- 'корчевать', *кылла*- 'очищать от ости (козий пух)';

9) «заболеть недугом, указанным производящей основой»: *маңкала*- 'заболеть сапом', *кычула*- 'заболеть чесоткой', *тимрәүлә*- 'заболеть экземой';

10) «происходить, иметь место то, что обозначено производящей основой»: *яшенлә*- 'блистать (о молнии)', *давылла*- 'бушевать', *яңгырла*- 'накрапывать (о дожде)', *жиллә*- 'ветреть';

11) «измерять мерой, обозначенной производящей основой»: *аршинла*- 'измерять аршинами', *метрла*- 'измерять метрами', *буйла*- 'измерять ростом (глубину)', *мыскалла*- 'измерять золотниками', *карышла*- 'измерять пядями';

12) «рождать детенышей, названных производящей основой»: *бозаула*- 'телиться', *бәрәнлә*- 'ягниться', *бәпкәлә*- 'выводить птенцов', *колыла*- 'жеребиться', *чагала*- 'плодиться';

13) «бить или воздействовать на то место, которое указано производящей основой»: *түбәлә*- 'бить по голове', *жилкәлә*- 'вышвырнуть', *яңакла*- 'бить по щеке', *бугазла*- 'резать (скот)';

14) «провести время года, обозначенное производящей основой»: *жәйлә*- 'провести лето, летовать', *кышла*- 'провести зиму, зимовать', *кәзлә*- 'провести осень';

15) «процесс наступления того времени, которое обозначено производящей основой»: *кичлә*- 'вечереть';

16) «произвести действие, движение в месте, обозначенном производящей основой»: *үрлә*- 'взбираться в гору', *буйла*- 'проходить вдоль', *салула*- 'съезжать на ухабах';

17) «приводить в состояние, обозначенное производящей основой»: *гипнозла*- 'гипнотизировать', *электрла*- 'электризовать', *магнитла*- 'магнитить', *вәсвәсәлә*- 'ввергать в искушение';

18) «пребывание в том состоянии или наступление того состояния, которое обозначено производящей основой»: *сагышла*- 'тосковать', *ваемла*- 'горевать', *махмырла*- 'захворать от излишнего употребления пищи', *тулгакла*- 'испытывать родовые схватки';

19) «превращать или превращаться в то, что обозначено производящей основой»: *фаршла*- 'фаршировать', *чүбеклә*- 'превращать в очески', *мунчалала*- 'измочалить', *йомычкала*- 'расщеплять', *эренлә*- 'гноиться', *тирлә*- 'потеть';

20) «появляться во множестве то, что обозначено производящей основой»: *кортла*- 'червиветь', *бетлә*- 'зшиветь', *борчала*- 'появляться блохам', *кәялә*- 'появляться моли';

21) «придавать то свойство, качество, которые обозначены производящей основой»: *үзлә*- 'сделать вязким', *тәмлә*- 'сделать вкусным', *яраула*- 'готовить лошадь к скачкам', *иллә*- 'наладить', *күәтлә*- 'усилить';

22) «помещать или помещаться в месте, названном производящей основой»: *жирлә*- 'хоронить', *ояла*- 'гнездиться';

23) «проявлять то свойство, качество или отношение, которое обозначено производящей основой»: *кадерлә*- 'ценить', *хәрмәтлә*- 'уважать';

санла- 'почитать', талымла- 'привередничать', сиземлә- 'чувствовать', әрлә- 'бранить', үгетлә- 'увещевать', сәламлә- 'приветствовать';

24) «издавать, производить или произносить то, что отмечено производящей основой»: тавышла- 'голосить', шаула- 'шуметь', такмакла- 'петь частушки', жырла- 'петь', көйлә- 'напевать';

25) «обозначить, отметить, разграничить что-либо способом, названным производящей основой»: дәрәжәлә- 'градуировать', тамгала- 'помечать', визирла- 'визировать', датала- 'датировать', билгелә- 'определить', ызанла- 'межевать', нормала- 'нормировать';

26) «образовывать то (или подразделять на то), что обозначено производящей основой»: бригадала- 'составлять бригады', төркемлә- 'группировать', кисәклә- 'разделить на части', парла- 'спаривать', ишлә- 'двоить'.

Модель «прилагательное+суффикс -ла» выражает следующие значения:

1) «наделять признаком, обозначенным производящей основой»: тигезлә- 'ровнять', жәенкәлә- 'сделать плоским', үткенлә- 'заострить', чуарла- 'пестрить';

2) «приобретать признак, названный производящей основой»: иркелә- 'чувствовать себя свободно', аксакла- 'стать хромым', акрынла- 'медлить', үлеклә- 'гноиться';

3) «проявить признак или отношение, отмеченное производящей основой»: уйнакла- 'резвиться', пысакла- 'моросить', ямансула- 'грустнеть', иркәлә- 'нежить', ирексезлә- 'неволиять'.

Модель «числительное+суффикс -ла» выражает значение «сделать столько или сгруппировать по столько, сколько обозначено производящей основой»: икелә- 'удвоить', өчлә- 'утроить', өчәрлә- 'сгруппировать по три', унарлә- 'сгруппировать по десять'.

Модель «звукотрадиционное слово+суффикс -ла» выражает значение «издавать примерно те же звуки, которые обозначены производящей основой»: кыйгакла- 'гоготать', мяула- 'мяукать', чырыйла- 'визжать', ула- 'выть', зыңла- 'звенеть'.

Модель «образотрадиционное слово+суффикс -ла» выражает значение «воспроизводить тот образ, который отмечен производящей основой»: мыжла- 'кишеть', дөрлә- 'пламенеть'.

Модель «глагол+суффикс -ла» выражает значение «приводить в состояние, обозначенное производящей основой»: үчкелә- 'дразнить', үртәлә- 'обжигать', бөгәрлә- 'мять'.

Модель «местоимение+суффикс -ла» выражает значение «обращаться к кому-либо со словом, обозначенным производящей основой»: синлә- 'тыкать'.

Модель «наречие+суффикс -ла» выражает значение «совершать действие, указанное в производящей основе»: жәяүлә- 'идти пешком', кулал-машла- 'работать, чередуясь', соңла- 'опоздать', кабатла- 'повторять'.

Модель «предикативное слово+суффикс -ла» выражает значение «проявлять то отношение, которое обозначено производящей основой»: жәллә- 'жалеть'.

Модель «междометие+суффикс -ла» выражает значение «произносить междометие, названное производящей основой»: әйдәлә- 'пону-

кать (повторением слова *әйдә*), *әйдүклә* — 'встречать гостеприимно' (повторяя слово *әйдүк*), *зинһарла* — 'умолять' (повторяя слово *зинһар*).

Как видно из вышеизложенного, словообразовательный тип «основа + суффикс -ла/-лә» в современном татарском языке имеет свыше трех десятков значений (функций).

Некоторые исследователи отмечают еще учащательное значение данного суффикса, однако факты татарского языка этого не подтверждают.

С нашей точки зрения, значение многократности восходит к совершенно другому элементу, ибо в некоторых тюркских языках встречаются формы, выражающие значение многократности без помощи суффикса -ла или его фонетических вариантов. Такие формы мы находим, например, в грамматике, составленной, по свидетельству П. М. Мелиоранского, приблизительно в конце XIII — начале XIV века: *алаган* 'часто берущий', *бирәгән* 'часто дающий', *көләгән* 'часто смеющийся'¹⁴.

Сопоставление форм многократности или учащательности, встречающихся в диалектах татарского языка и в других тюркских языках, подтверждает это предположение.

Так, в мишарском диалекте многократные глаголы имеют следующую форму: *йөр* — 'ходить', *йөргәклә* — 'похаживать', *кыр* — 'тереть', *кыргакла* — 'тереть время от времени'. Например: *Ул бу араларда безгә килгәкли* 'Он в последнее время к нам иногда приходит'; *Син шулай да миңа хатлар язгаклап тор* 'А ты все же пописывай мне письма'¹⁵. Очевидно, что мишарская форма является одним из фонетических вариантов суффиксов многократности -гала/-гәлә.

Отсюда следует, что элементы -га/-гә (в многократных глаголах татарского языка), -гак/-гәк (в мишарском диалекте) и -а/-ә (в интенсивных глаголах некоторых тюркских языков) восходят к одному общему источнику.

По нашему мнению, этим общим источником является суффикс -гак/-гәк, который, в свою очередь, представляет собой сочетание суффикса имени действия -гы/-ге и суффикса -ык/-ек. Суффикс -гак/-гәк мы находим в тюркских производных прилагательных, образованных от глаголов: *куркак* 'боязливый', *оныткак* 'забывчивый', *ябышкак* 'прилипчивый'¹⁶. Они выражают постоянное качество, свойство предмета, проявляющееся часто или время от времени, по мере необходимости или возможности.

Если же от таких форм образовать глаголы при помощи суффикса -ла/-лә, то получим, например: *йөр* 'ходи' — *йөргәк* 'часто ходящий' — *йөргәклә* — 'ходить, похаживать', то есть 'проявлять качество, заключающееся в постоянном, но прерывистом действии'.

Таким образом, с достаточной уверенностью можно утверждать, что значение многократности придается глаголу первой частью суффикса -гала/-гәлә (-кала/-кәлә). По крайней мере применительно к мишарскому диалекту это положение не вызывает сомнений.

Преобразование аффикса -гакла/-гәклә (-какла/-кәклә) в форму -гала/-гәлә (-кала/-кәлә) с точки зрения фонетических закономерностей не является чем-то исключительным. В данном случае имеет место простая элизия — опущение элемента *к* перед суффиксом -ла. Изменение же суф-

¹⁴ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. IX.

¹⁵ Л. Жәләй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 112.

¹⁶ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1. СПб., 1893, стлб. 1644, 1748; т. II, 1899, стлб. 988—989; т. III, 1905, стлб. 73.

фикса *-гак/-гэк* в *-а* в интенсивных глаголах связано, по-видимому, с регрессивной ассимиляцией элемента *к* с последующим его полным поглощением и элизией элемента *г*.

Таким образом, глаголы типа *куала-*, *соракла-* и другие, обычно приводящиеся в качестве примера на образования многократной формы с суффиксом *-ла/-лэ*, расчленяются на *ку+а+ла-* и *сор+ак+ла-*, где учащность выражается элементами *а* и *ак*. Следовательно, сам суффикс *-ла/-лэ* (в данных глаголах, так же как и в других) не привносит значения многократности.

Р. Х. ХАЛИКОВА, Ф. Н. ХИСАМЕТДИНОВА

К ВОПРОСУ О РЕЛИКТОВЫХ ЗВУКОСОЧЕТАНИЯХ, СОХРАНИВШИХСЯ В ЛЕКСИКЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕГО ГОВОРА)

Современный башкирский язык базируется на двух диалектах: южном (юрматинском) и восточном (куваканском). Особняком стоит средний говор, который сочетает характерные черты первых двух диалектов с рядом собственных специфических особенностей, в частности сохраняет в своей фонетической системе реликтовые звуко сочетания *lt*, *nt*, *ηt*, *ηk*, *mk*, характерные для древнетюркских памятников.

Эти фонетические сочетания в основном встречаются на территории Белорецкого, Кармаскалинского, Гафурийского, северо-востока Ишимбайского, а также бывшего Макаровского районов, то есть в районах распространения среднего говора. Примечательно, что данная особенность частично наблюдается и в некоторых селах Аскинского, Караидельского и Нуримановского районов, то есть на севере Башкирии. Большая часть населения деревень горно-лесной части Белорецкого района (60—70%) употребляет в своей речи звуко сочетания *lt*, *nt*, *ηt*, *ηk*, *mk*. Таким образом, факты языка свидетельствуют о том, что эти звуко сочетания не отмирают. Поэтому изучение их представляет большой научный интерес.

В настоящей статье исследуется более 100 диалектных слов с реликтовыми *lt*, *nt*, *ηt*, *ηk*, *mk*. Из них 31 слово с сочетанием *lt*. Например: *al-tyr* (лит. *alduyr*) 'деревянная чашка', *kübeltrek* (лит. *kübelterek*) 'очки', *karalty* (лит. *karaldu*) 'домашнее убранство' и т. д. 19 слов с сочетаниями *ηk* и *nt*. Например: а) *ηk* — *kaḡaḡky* (лит. *kaḡaḡy*) 'темный', *yḡkysak* (лит. *yḡyrsak*) 'седёлка', *boḡoḡko* (лит. *boḡoḡgo*) 'древний' и др.; б) *nt* — *aṣanty* (лит. *aṣandy*) 'пища', *mynta* (лит. *bynda*) 'здесь', *anta* (лит. *unda*) 'там'. Менее употребительными являются звуко сочетания *ηt*, *mk*, *mt*. Они встречаются в основном на стыке двух аффиксов, например, при склонении существительных с аффиксами принадлежности. Ср.: в литературном языке *kitabymdyḡ*, а в говоре — *kitabymtyḡ* 'моей книги'; лит. *kitabymdy*, в гов. — *kitabymty* 'мою книгу' и т. д. Таким образом, вместо звонкого аффикса *-d* в диалекте употребляется глухой *-t*. Статистический анализ показывает, что наиболее распространенными и устойчивыми сочетаниями являются *lt*, *ηk*, *nt*, другие же сочетания в процессе развития и становления языка заменились литературными вариантами *ng*, *ηg*, *mg* и т. д.

С точки зрения происхождения, слова, содержащие в своем составе реликтовые звуко сочетания, можно подразделить на следующие группы:

1. Исконно тюркские слова:

karalty (лит. *karaldu*) 'домашнее убранство', *araltyk* (лит. *araldyk*)

‘место впадения реки’, *öðänke* (лит. *öðänge*) ‘стремя’, *уңкыrsak* (лит. *уңгыrsak*) ‘седёлка’, *kübelterek* (лит. *kübderek*) ‘очки’ и т. д.

2. Заимствованные слова:

а) из арабского и персидского языков: *zänkär* (лит. *zangär*) ‘голубой’, *täüfikläntereü* (лит. *täüfikländereü*) ‘образумить’, *majðantar* (лит. *majðandar*) ‘площади’ и т. д.;

б) из русского языка (в сочетании с тюркскими аффиксами принадлежности): *šäškeñte* (лит. *šäškeñde*) ‘чашку’, *biršätkämte* (лит. *biršätkämde*) ‘мою перчатку’, *käzäñte* (лит. *käzäñde*) ‘козу’ и т. д.;

в) из западноевропейских языков: *haltat* (лит. *haldat*) ‘солдат’ и др.

Особо следует отметить заимствования послеоктябрьского периода. Ср.: *kombajntar* (лит. *kombajndar*) ‘комбайны’, *arteltär* (лит. *arteldär*) ‘артели’, *agronomtar* (лит. *agronomdar*) ‘агрономы’. Следовательно, реликтовые звуко сочетания *nt*, *ñt*, *lt*, *mt*, *nk*, *mk* употребляются не только в исконно тюркских словах, но и в заимствованиях, к тому же сравнительно поздних, в которых имеются аффиксы местного, исходного падежей, принадлежности, а также множественного числа.

Большой интерес представляет семантика слов с реликтовыми сочетаниями. По значению они могут быть разделены на следующие группы:

I. Слова со значением предметности, в свою очередь, подразделяющиеся на несколько подгрупп:

а) слова, обозначающие предметы быта и домашнего обихода: *karalty* (лит. *karaldy*) ‘домашнее убранство’, *kyrkunty* (лит. *kyrkundy*) ‘коврик из лоскутов’, *altyr* (лит. *aldyr*) ‘чашка’, *hantyk* (лит. *handyk*) ‘сундук’ и т. д.;

б) слова, обозначающие пищу: *ašanty* (лит. *ašandy*) ‘пища’, *büñäñke* (лит. *kartuf*) ‘картофель’, *juunty* (лит. *juundy*) ‘пищевые отходы’;

в) слова, обозначающие различного рода факты, связанные с явлениями природы: *irtänke* (лит. *irtänge*) ‘утренний’, *karañky* (лит. *karañyu*) ‘темно’, *jeřšeltäk* (лит. *jeřšek*) ‘слякоть’, *söñköl* (лит. *soñyol*) ‘омут’.

II. Большую семантически своеобразную группу представляют слова, обозначающие действие, состояние, процессы: *kañkyu* (лит. *kañyugyu*) ‘отупеть’, *barkyltau* (лит. *byžkyldau*) ‘крякать’, *bauyltau* (лит. *bauyldau*) ‘кричать’ и т. д.

III. Третью группу составляют слова со значением качественности. Эту группу, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы:

а) слова, обозначающие цвет: *zänkär* (лит. *zängär*) ‘голубой’, *bolan-kyrt* (лит. *bölängert*) ‘тусклый’;

б) слова, обозначающие духовные или физические качества человека: *añkyrtly* (вост. диал.: *añgyrtly*, лит.: *añly*) ‘знающий’, *bagymty* (вост. диал.: *bagymdy*, лит.: *kösölö*) ‘сильный’.

Соответствующий анализ позволяет установить, что реликтовые звуко сочетания *lt*, *nt*, *ñt*, *ñk*, *mk*, *mt* охватывают большой пласт лексики с самой разнообразной семантикой. Вместе с тем необходимо отметить, что в словах с непроемной основой и абстрактными, отвлеченными значениями эти сочетания не представлены и вместо них употребляется звонкий вариант, то есть литературная форма.

С морфологической точки зрения, слова с приведенными реликтовыми сочетаниями относятся к различным частям речи:

1. Имена существительные: *уңкыrsak* (лит. *уңгыrsak*) ‘седёлка’, *altyr* (лит. *aldyr*) ‘чашка’, *tamka* (лит. *tamya*) ‘метка’. Глухой вариант *t* употребляется в аффиксах родительного, винительного, местного, исходного, направительного падежей, множественного числа, а также в аффиксах принадлежности имен существительных, если их основа оканчивается на

т, ɳ, л: *uramtyŋ* (лит. *uramdyŋ*) 'улицы', *uramty* (лит. *uramdy*) 'улицу', *uramta* (лит. *uramda*) 'на улице', *uramtan* (лит. *uramdan*) 'с улицы', *uramka* (лит. *uramka*) 'на улицу'; *auyltar* (лит. *auyltar*) 'деревни'; *urmantar* (лит. *urmandar*) 'леса', *urmanymty* (лит. *urmanymdy*) 'моего леса'; *öjömto* (лит. *öjömto*) 'моего дома' и т. д.

2. Имена прилагательные: *boroŋko* (лит. *boroŋko*) 'древний', *irtänke* (лит. *irtänke*) 'утренний', *hunky* (лит. *hunky*) 'последний' и т. д.

3. Исключительно богато представлены эти звуко сочетания в глагольных формах. Так, они употребляются:

в переходных глаголах: *jantyr* (лит. *jandyr*) 'зажги', *kaltyr* (лит. *kaldyr*) 'оставь';

в глаголах, образованных от звукоподражательных слов и междометий: *bauyltau* (лит. *bauyltau*) 'кричать', *döpöltäü* (лит. *döpöldäü*) 'издавать глухой звук', *xixiltau* (лит. *xixildau*) 'хихикать';

в деепричастиях на *-ыр*: *barlantyr* (лит. *parlandyr*) 'парами'.

4. Эпизодически данные звуко сочетания встречаются и в наречиях места: *anta* (лит. *unda*) 'там', *mynta* (лит. *bynda*) 'здесь' и т. д.

5. Особо следует отметить частое употребление названных звуко сочетаний в составе образо- и звукоподражательных слов: *jalpyltau* (лит. *jalpyldau*) 'проявлять пронырливость', *laukyltau* (лит. *laukyldau*) 'пылать', *kužkyltau* (лит. *kužyldau*) 'охрипнуть' и т. д.

Итак, фонетические явления, свойственные орхон-енисейским памятникам V—VIII вв., наблюдаются и сейчас в среднем говоре современного башкирского языка.

Реликтовые звуко сочетания *lt, nt, ɳk, mk, nk, ɳt* сохранились не только в общеупотребительной лексике среднего говора, но и в топонимах, вернее, микротопонимах: *Borolto* — название возвышенности в горно-лесной части Белорецкого района Башкирской АССР (тогда как литературная форма должна была бы быть *Boroldo*), *Ut kabynty* — название покоса, *Obonkor biyu* — название поля, *Štan jabynkan jalan* — название поля, *Agaltuk* — название места впадения маленькой речки в реку Большой Инзер и т. д.

На основании изложенного можно сделать вывод, что диссимилятивное явление охватывает всю систему живого разговорного языка, на котором говорят представители большинства населенных пунктов Белорецкого района БАССР.

А. МЕМЕТОВ

СИНОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В изданных за последние годы работах по лексикологии, стилистике и лексикографии, написанных на материале разных языков, одно из центральных мест занимает проблема синонимии.

В настоящее время советское и зарубежное языкознание располагает богатой литературой, посвященной синонимам¹. Учеными разрабатываются вопросы о понятии синонимов, их лексико-грамматических типах, о возникновении синонимов в языке, о критериях синонимических отношений и роли контекста в их установлении, о доминанте синонимических рядов, о семантических, стилистических, эмоционально-экспрессивных и других особенностях синонимов.

Определенные успехи в разработке этой важной проблемы достигнуты и в тюркологии: появились содержательные работы узбекских, казахских, азербайджанских, татарских и других ученых². Однако в крымско-

¹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; В. К. Фаворин. Синонимы в русском языке. Свердловск, 1953; Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. М., 1953; В. Н. Клюева. Синонимы в русском языке. — «Русский язык в школе», 1954, № 3; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960; А. Б. Шапиро. Некоторые вопросы теории синонимов. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. VIII. М., 1955; Е. М. Галкина-Федорук. Синонимы в русском языке. — «Русский язык в школе», 1959, № 3; А. Д. Григорьева. Заметки о лексической синонимии. — В сб.: «Вопросы культуры речи». М., 1959, вып. 2; В. А. Сиротина. Лексическая синонимика в русском языке. Львов, 1960; А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1961; Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964; М. Ф. Палевская. Синонимы в русском языке. М., 1964; К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956; В. Н. Андреева. Лексикология современного французского языка. М., 1955; И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959; Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961; М. А. Родионова. Синонимия обстоятельственных конструкций с неличными формами глагола (на материале современного португальского языка). Канд. дисс. М., 1969 и многие др.

² См.: С. Ибрагимов. Кискача изоқли синоним лугати. — «Совет педагогикаси», 1940, № 6; Ф. Абдуллаев. Ўзбек тили лексикасининг баъзи бир масалаларига доир. — «ТАИ асарлари», т. I. Тошкент, 1949; Ф. Камалов. Ўзбек тили лексикаси. Тошкент, 1953; «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957; С. Муталибов. Морфология ва лексика тарихидан қискача очерк. Тошкент, 1959; С. Усманов. Ҳозирги замон ўзбек адабий тилида омонимлар ва синонимлар. — «ТДПИ илмий асарлари», т. 12. Тошкент, 1959; А. Ҳожиев. Ўзбек тилининг қискача синонимлар лугати. Тошкент, 1963; С. Исамухамедова. Синонимы узбекского языка. Канд. дисс. Ташкент, 1961; I. Кеңесбаев, Ф. Мұсабаев. Қазирги қазақ тили. (Лексика, фонетика). Алматы, 1962; А. Болғанбаев. Қазақ тилиндеги синонимдер. Алматы, 1970; А. М. Гурбанов. Мүасир Азербайжан әдәби дили. Бақы. 1967; И. Т. Мамедов. Грамматическая синонимия в азербайджанском языке (на основе глагольных форм). Канд. дисс. Баку, 1970; Ш. Ханбикова. Синонимы в татарском языке. Казань, 1962; В. Мескутов. Синонимы в современном туркменском языке. Канд. дисс. Ашхабад, 1962 и некоторые др. (Прим. ред.: ТАИ — Тил ва адабиёт институти, ТДПИ — Тошкент Давлат педагогик институту).

татарском языкознании синонимы до настоящего времени почти не изучались. Для лексики крымско-татарского языка, имеющего многовековую письменную литературную традицию, характерно широкое распространение синонимов в самых разнообразных (семантических, стилистических, эмоционально-экспрессивных и др.) функциях, и поэтому их исследование приобретает особую важность.

В настоящей статье предпринимается попытка дать описание синонимов в крымско-татарском языке, выявить источники их возникновения и пути образования, дать классификацию синонимов как по частям речи, так и по составу.

Анализ собранного автором фактического материала еще раз подтверждает мнение лингвистов, характеризующих синонимы как слова, разные по звуковой форме, но тождественные или близкие по значению, употребляющиеся для обозначения одного и того же понятия. Синонимы могут различаться между собой либо оттенками значения в пределах данного понятия, либо экспрессивно-эмоциональной окраской, либо употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами³.

Так, например, слова *къараман*, *пельван*, *батыр*, *такъатлы*, *къуветли* в крымско-татарском языке могут быть синонимичными в значении «сильный, не боящийся ничего»; однако *къараман* имеет еще значение «герой», *пельван* — «большой, огромный», *батыр* — «смелый, мужественный, дерзкий». Синонимичность этих слов была бы невозможна без общего для всех них значения. Слова *адам* и *инсан* обозначают одно понятие — «человек», но все же имеют разные оттенки значения, а именно: слово *инсан* более абстрактно и неопределенно, нежели *адам*.

Группы синонимов с общим значением образуют синонимичные ряды: *бет* — *юз* — *чере* — *бенъиз* 'лицо', *адам* — *инсан* — *киши* 'человек', *дост* — *ортакъ* — *ашна* 'друг', *акъча* — *пара* 'деньги'. Определение доминанты синонимичных рядов очень важно для употребления синонимов. Доминанта является стилистически более нейтральной по сравнению с остальными словами ряда, и сопоставление с ней выявляет оттенки их значений. В приведенных рядах доминантами являются *бет*, *адам*, *дост*, *акъча*.

Выбор слов из синонимичного ряда зависит, с одной стороны, от стиля речи, и с другой — от определенного признака предмета. Это обстоятельство, естественно, ограничивает сферу употребления синонимичных слов. Ср. *гузель*, *дюльбер*, *корюмли*, *яхшы*. Это разные слова с определенными номинативно-лексическими значениями, однако в некоторых случаях они легко могут заменять друг друга, поскольку обладают смежными значениями. В поэтической речи автор обычно отдаст предпочтение словам *дюльбер* и *корюмли* (*дюльбер къыз* — *корюмли къыз* 'красивая девушка'). Если же необходимо некоторые из этих эпитетов применить к неодушевленным предметам, то из синонимичного ряда отбираются сло-

³ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 162; А. П. Евгеньева. Словарь синонимов русского языка, т. I (предисловие). Л., 1970, стр. 10; С. Усманов. Указ. раб., стр. 53; А. Данияров. Стилистические функции синонимов в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967, стр. 4; «Хозирги ўзбек адабий тили», ч. I. Тошкент, 1966, стр. 128; А. Болғанбаев. Указ. раб., стр. 12; А. М. Курбанов. Современный азербайджанский язык. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968, стр. 38; Я. Пинхасов. Лексика современного узбекского языка. Ташкент, 1960, стр. 23.

ва *яхшы* и *гузель*: *яхшы стол* 'хороший стол', *гузель антер* 'хорошее платье'. Из синонимичного ряда *бет* — *юз* — *чере* — *бенъиз* поэтической речи более соответствуют *чере* и *бенъиз* 'лик, лицо'.

В лексическом составе крымско-татарского языка иногда встречаются слова, взаимозаменяемые в любой ситуации. В научной литературе их называют лексическими дублетами или абсолютными синонимами. К лексическим дублетам можно отнести такие слова, как *кѡл* — *эль* 'рука', *бору* — *кѡашкъыр* 'волк', *кемик* — *сюек* 'кость' и некоторые др. Значение лексических дублетов, как и синонимов, заключается в том, что они позволяют избегать повторов одних и тех же слов в литературной речи. Однако история языка указывает на то, что один из имеющихся в языке дублетов со временем выходит из употребления, целиком уступая свое место другому, более активному слову⁴.

В современном крымско-татарском языке, как и в других языках, возникновение синонимов обусловлено факторами как внеязыкового, так и внутриязыкового порядка.

1. Возникновение синонимов за счет внеязыковых факторов происходит путем заимствования слов из других языков. Как известно, в лексическом составе современного крымско-татарского языка имеется большое количество заимствований из арабского, персидского, русского (а через русский язык — интернациональных слов)⁵, греческого, узбекского и других языков. Процесс усвоения лексических заимствований нередко сопровождается параллельным употреблением собственно крымско-татарских и заимствованных слов, близких по значению. Исходя из этого, синонимы крымско-татарского языка делятся нами на следующие три группы, состоящие, в свою очередь, из подгрупп.

1) Синонимы, образованные собственно крымско-татарскими и заимствованными словами:

а) синонимия крымско-татарских слов и арабских заимствований: *юрек* — *кѡальп* (<kalb) 'сердце'⁶, *сайгъы* — *уръмет* (hogmat) 'уважение', *кучь* — *кѡувет* (kovvat) 'сила', *байлыкъ* — *девлет* (doulat) 'богатство', *баш язысы* — *такъдыр* (takdir) 'судьба, предопределение', *йыл* — *сене* (sape) 'год', *ад* — *исим* (esm) 'имя, название', *бала* — *саби* (şabi) 'мальчик, дитя', *ара-сыра* — *базы* (ba'zi) 'иногда, временами';

б) синонимия крымско-татарских слов и персидских заимствований: *бет* — *чере* (çehre) 'лицо', *балчыкъ* — *лай* (lāj) 'грязь', *истек* — *арзу* (āgezu) 'желание', *акъча* — *пара* (pāre) 'деньги', *татлы* — *шырын* (şirin) 'сладкий', *тюс* — *ренк* (rang) 'цвет', *чырайлы* — *дюльбер* (delbar) 'красивый', *келир* — *кяр* (k'ār) 'прибыль', *эс* — *яд* (jād) 'память', *колетке* — *сая* (sāje) 'тень', *кѡара* — *сия* (sijāh) 'черный', *оксюз* — *етим* (jatim) 'сирота';

в) синонимия крымско-татарских слов и русских (а также интернациональных) заимствований: *чапчакъ* — *бочка*, *мысырбогъдай* — *кокороз* — *кукуруза*, *сынав* — *зачет*, *буюк* — *гигант*, *чиркий* — *комар*, *баскъын* — *агрессор* и др.

2) Синонимы, образованные словами, заимствованными из различных языков:

⁴ См.: Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексика. М., 1956, стр. 31; А. М. Курбанов. Указ. автореф., стр. 39.

⁵ Далее для удобства вместо выражения «русские и интернациональные заимствования, посредством русского языка» будем употреблять «русские заимствования».

⁶ В скобках дается транскрипция арабских и персидских слов. Крымско-татарские слова даны на основе современной орфографии.

а) синонимия арабских и персидских заимствований: *зарар* (<zarār) — *зиян* (zijān)⁷ 'убыток, ущерб', *седа* (ṣadā) — *аваз* (āvāz) 'голос', *алем* (ālam) — *джиан* (žahān) 'мир, вселенная', *фактыр* (fakir) — *бичаре* (bičāre) 'бедный, нуждающийся', *талебе* (talabe) — *шегирт* (šāg'erd) 'ученик', *ихтимал* (ihtemāl) — *бельки* (balk'e) 'может быть, возможно', *муаббет* (mahabbat) — *достане* (dustāne) 'дружески, дружественно';

б) синонимия арабских и русских заимствований: *инкѣляп* (enkelāb) — *революция*, *шиве* (šive) — *диалект*, *гѣае* (ğāje) — *идея*, *муим* (moheṣm) — *актуаль*, *имтиан* (emtehan) — *экзамен*, *аскер* (ask'ar) — *солдат*, *усул* (oṣul) — *метод*, *мевзу* (mouzu) — *тема*, *мадде* (mādde) — *параграф*;

в) синонимия персидских и русских заимствований: *дестан* (dāstān) — *поэма*, *анбар* (ambār) — *склад*, *уста* (ostā) — *мастер*, *ренк* (rang) — *оттенок*, *бостан* (bostān) — *огород*.

3) Синонимы, образованные словами, заимствованными из одного языка:

а) синонимия арабских заимствований: *омюр* (<omr) — *аят* (hajāt) 'жизнь', *шавле* (šo'le) — *нур* (nur) 'луч, свет', *кѣаарь* (kahr) — *кѣасевет* (kasvat) 'беспокойство, раздражение';

б) синонимия персидских заимствований: *бичаре* (bičāre) — *начар* (nāčār) 'беспомощный, нуждающийся', *мерт* (mard) — *батыр* (bahādor) 'смелый', *тен* (tan) — *беден* (badan) 'тело', *азат* (āzād) — *сербест* (sarbast) 'свободный, вольный', *дунѣя* (donjā) — *джиан* (žahān) 'мир, вселенная';

в) синонимия слов, заимствованных из русского языка: *запас* — *резерв*, *каникул* — *отпуск* и др.

II. Внутриязыковые факторы обогащения крымско-татарского языка синонимами:

1) многозначность слов.

В современном крымско-татарском языке одно и то же слово может находиться в нескольких синонимичных рядах в зависимости от выражаемых им значений. Так, например, слово *япмакѣ* имеет значения: а) «делать», б) «закрывать», в) «строить» и т. п. В значении «делать» *япмакѣ* синонимично слову *этмек*: *Бу ишни санѣа япмакѣ (эт м е к) керек* 'Тебе нужно сделать эту работу'. В значении «закрывать» слово *япмакѣ* входит в синонимичный ряд со словом *кѣпатмакѣ*: *Эвге киргенинен, Абдулла кѣпаны япты (к ѣ п а т т ы)* 'Войдя в дом, Абдулла закрыл дверь'. В значении «строить» *япмакѣ* синонимично слову *кѣурмакѣ*: *Ишчилер буюк бир эв яптылар (к ѣ у р д ы л а р)* 'Рабочие построили большой дом'. Вместе с тем слова *этмек*, *кѣпатмакѣ* и *кѣурмакѣ* не связаны между собой синонимичными отношениями.

Слово *чалмакѣ* имеет значения: а) «косить»; б) «играть»; в) «воровать, украсть». В значении «косить» *чалмакѣ* образует синонимичную пару со словом *ормакѣ*, в значении «играть» — со словом *ойнамакѣ*, в значении «воровать» — со словом *кѣырсызламакѣ*. Ср.: *От ормакѣ (чалмакѣ) 'Косить траву'. Кемане чалмакѣ и Кеманеде ойнамакѣ 'Играть на скрипке'. Бир шей чалмакѣ (к ѣ ы р с ы з л а м а к ѣ) 'Украсть что-либо'. Следует отметить, что *кеманеде ойнамакѣ* и *бир шей чалмакѣ* употребляются в основном в разговорной речи.*

⁷ В синонимичном ряду первое слово заимствовано из арабского, а второе — из персидского языка.

Слово *бет* в значении «лицо» образует синонимичный ряд со словами *юз, чере, бенъиз*. Однако *бет* имеет еще значение «страница». В этом значении оно синонимично слову *саифе*: *Китапнынъ къыркъ бешинджи бет и (саифе с и) 'Сорок пятая страница книги'.*

Слово *кунъ* имеет значения: а) «день»; б) «солнце». В значении «солнце» *кунъ* синонимично слову *кунеш*: *Кунъ (кунеш) саат секизлерде къавушъ 'Солнце заходит в восьмом часу'.*

2) образование новых слов для более точной передачи различных оттенков значений: *бала+лыкъ — яш+лыкъ* 'детство', *эксик+лик — етишмемез+лик* 'нехватка, недостача', *чыдам+лы — сабыр+лы* 'терпеливый', *ошек+чи — ялан+джы* 'лгун, обманщик', *джыйыл+ыш — отур+ыш* 'сбор, вечеринка', *анъла+макъ — тюшюн+мек* 'понимать' и др.

Новые слова-синонимы образуются в крымско-татарском языке различными способами: лексико-морфологическим, лексико-синтаксическим, лексико-семантическим;

3) переход слов из диалекта в литературный язык.

В основу крымско-татарского литературного языка легли центральные говоры (*орта ёлакъ* 'средняя полоса'), уходящие корнями в куманский (половецкий) и близкие ему племенные языки Северного причерноморья⁸. Однако литературный язык обогащался лексическими элементами как южного (*дженюп*), так и северного (*шималь*) диалектов. Часто встречаются случаи параллельного употребления синонимичных слов из обоих диалектов:

Северный диалект

сюек
ит
бору
май
озю
тувгъан
коп
бай
ёнемек
экмек
къарамакъ
этик

Южный диалект

кемик
копек
къашкъыр
ягъ
кенди
сой
чокъ
зенгин
кетмек
сачмакъ
бакъмакъ
чызма

'кость',
'собака',
'волк',
'масло',
'сам',
'родня',
'много',
'богач',
'уходить',
'сеять, сажать',
'смотреть',
'сапоги';

4) образование фразеологических единиц.

Так, слову *безмек* синонимично фразеологическое словосочетание *джан(ы) янмакъ* 'надоесть, наскучить', *утанмакъ — ерге кирип кетмек* 'стесняться', *юваш — алланынъ тувары* 'тихий, спокойный', *ачувланмакъ — къан(ы) къайнамакъ* 'очень рассердиться', *тарсыкъмакъ — сыкълетленмек — юреги патлап кетмек* 'волноваться, беспокоиться', *макътамакъ — учурып къондырмакъ — башыны кокке еткизмек* 'расхвалить', *къоркъмакъ — отю патламакъ — джаны чыкмакъ* 'сильно испугаться', *сёгмек — акъылыны кетирмек — ит масхарасы этмек — турна къонгъан ерини косьтермек — джаныны чыкътармакъ (якъмакъ)* 'сильно ругать (кого-либо)'; *эр бир шейге киришмек — бурун сокъмакъ* 'совать не в свое дело, «быть каждой бочке затычкой»', *делирмек — акъылдан таймакъ — акъылдан азмакъ — акъылыны ашамакъ* 'сойти с ума', *су-*

⁸ Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. 2. Тюркские языки. М., 1966, стр. 234.

вукъ, *тлюкюрсенъ ерге тлюшмез* 'холодно'. Следует учесть, что фразеологическим единицам, в свою очередь, также присущи полисемантность, синонимичность и антонимичность⁹.

5) возникновение эвфемизмов, широко употребляющихся в современном крымско-татарском языке.

Так, например, вместо слова *ольди* 'умер' употребляют эвфемистические слова и выражения: *джан берди* букв. 'отдал душу', *вефат этти* букв. 'скончался', *козьлери юмуды* букв. 'у него закрылись глаза', *джаны чыкъты* 'испустил дух', букв. 'дух вышел', *кечинди* 'скончался', *геберди* букв. 'сдох'. Слово *догъмакъ* 'родиться' заменяется эвфемизмом *дуньягъа кельмек* 'появиться на свет', букв. 'прийти на свет'. Вместо *богъма* 'дифтерит' говорят *тамакъ агърысы* букв. 'болезнь горла'. Слово *къатын* 'жена' заменяется эвфемизмами *омюр ёлдашы* букв. 'спутница жизни', *чифт* букв. 'пара', *къыскааякълы* букв. 'коротконогая'. Вместо *догъды* 'родила' говорят *къутулды* букв. 'освободилась, избавилась'.

Итак, возникновение синонимов за счет внеязыковых и внутриязыковых факторов способствует не только обогащению лексического состава, но и совершенствованию стилистических возможностей крымско-татарского литературного языка.

Не все части речи в крымско-татарском языке одинаково богаты синонимами. Наибольшее число синонимов встречается среди прилагательных, существительных и глаголов:

1. Синонимия имен существительных: *кенар* — *чет* 'сторона', *къарынджа* — *къырмакъ* 'муравей', *тюз* — *ренк* 'цвет', *чамур* — *балчыкъ* — *лай* 'грязь', *бет* — *юз* — *чере* — *сима* — *бенъиз* 'лицо', *сес* — *седа* — *давуш* — *аваз* 'голос', *аш* — *емек* 'еда, пища', *киши* — *адам* — *инсан* 'человек', *юрек* — *къальп* 'сердце', *кунь* — *кунеш* 'солнце', *къалем* — *къарындаш* 'карандаш', *аран* — *ахыр* 'сарай', *сёз* — *лаф* 'слово', *аркъа* — *сырт* 'спина', *садеф* — *дёгме* 'пуговица', *къалай* — *мешребе* — *кружка* 'кружка', *таякъ* — *сопа* 'палка', *домуз* — *чочкъа* 'свинья', *сыра* — *сатыр* 'строка', *къашкъыр* — *бөрү* 'волк', *баи* — *кафа* 'голова', *ода* — *хане* 'комната', *алте* — *тата* 'сестра' и др.

2. Синонимия имен прилагательных: *акъ* — *безд* 'белый', *къара* — *сия* 'черный', *къызыл* — *къырмазы* 'красный', *дюльбер* — *гузель* — *яхшы* — *корюмли* 'хороший, красивый', *семиз* — *шишман* — *толу* 'полный, толстый', *кирли* — *пис* — *пусор* 'грязный', *темиз* — *пак* 'чистый', *зengin* — *бай* 'богатый', *чиркин* — *ибретли* 'некрасивый', *сабырлы* — *чыдамлы* 'терпеливый', *акъыллы* — *зийрек* 'умный, способный', *тюзли* — *ренкли* 'цветной', *мерт* — *девюрек* 'смелый', *арсыз* — *тертипсиз* — *низамсыз* 'непослушный', *татлы* — *шырын* 'сладкий', *кенъ* — *энъли* 'широкий', *онъ* (*тараф*) — *сагъ* (*тараф*) 'правая (сторона)', *хасис* — *ачкозь* 'жадный' и др.

3. Синонимия глаголов: *ишлемек* — *чалышмакъ* 'работать', *текрарламакъ* — *къайтармакъ* 'повторять', *болдурмакъ* — *ёрулмакъ* 'устанавливать', *яхшы олмакъ* — *тюзельмек* 'вылечиться, поправиться', *ольмек* — *кечинмек* — *вефат этмек* — *мерум олмакъ* — *гебермек* 'умереть', *бензетмек* — *ошатмакъ* 'уподоблять, делать похожим', *япмакъ* — *къапатмакъ* 'закрывать', *чыдамакъ* — *даянмакъ* — *сабыр этмек* 'терпеть', *айтмакъ* — *сёйлемек* — *лаф этмек* — *лакъырды этмек* 'говорить, разговаривать', *урмакъ* — *ялатмакъ* — *патлатмакъ* — *яндырмакъ* 'бить, ударить', *сезмек* — *фаркъламакъ* — *анъламакъ* — *манасына етмек* 'понимать, различать', *зорламакъ* — *меджбур этмек* 'заставлять, принуждать', *сорамакъ* — *су-*

⁹ Более подробно об этих явлениях см.: Ш. Рахматуллаев. Некоторые вопросы узбекской фразеологии. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1966.

аль бермек 'спрашивать', айтмакъ — джевал бермек 'отвечать', узьмек — кѳопармакъ 'оторвать', шенъленмек — зевкъланмакъ 'веселиться', ачувланмакъ — океленмек — дарылмакъ 'рассердиться, обижаться' и др.

4. Синонимия местоимений: озю — кенди 'сам', не вакъты? — кѳачан? — не заман? 'когда?', кѳач? — некъадар? 'сколько?', кѳайда? — не ерде? — кѳайерде? 'где?' и др.

5. Синонимия наречий: бирден — апансыздан 'внезапно, вдруг', ара-сыра — базы 'иногда', даима — эр вакъыт 'всегда, постоянно', тез — чабик — вызылдап 'быстро', керек — лязим 'нужно' и др.

6. Синонимия союзов: ве — эм 'и', амма — лякин 'но', яки — яхуд 'или' и др.

В современном крымско-татарском языке синонимы по своему составу могут быть корневыми, производными, сложными, парными и составными.

1. Корневые синонимы: акъыл — фикир — эс 'ум', йыр — тюркю 'песня', адам — киши — инсан 'человек', сес — седа — давуш — аваз 'голос', актѳа — пара 'деньги', кунъ — кунеш 'солнце' и др.

2. Производные синонимы: кучли — кѳуветли 'сильный', чамурлы — балчыкълы — лайлы 'грязный', зиянсыз — зарарсыз 'неплохой, безвредный', ишлемек — чалышмакъ 'работать' и др.

3. Сложные синонимы: огюскотен — итбурын 'шиповник', ачкозь — хасис 'жадный', девюрек — батыр — мерт 'смелый, отважный', кѳабакъ-баш — антѳаав 'простофиля', деликѳанлы — кѳуветли 'сильный', мысыр-богъдай — кокороз 'кукуруза', акъсакъал — кѳарт 'старик', кѳыскѳа-аякълы — кѳѳтын 'жена' и др.

4. Парные слова-синонимы: темиз-пак 'чистый', гѳам-кедер 'горе и печаль', шан-шурет 'честь и слава', бахт-сеадет 'счастье', сагъ-селямет 'жив-здоров', эсен-аман 'благополучно', таныш-билиш 'приятели, знакомые', ач-ялангѳач 'голодный и раздетый', гѳам-кѳасевет 'горе и забота'. Парные слова-синонимы приобретают в речи дополнительную окраску и усиливают значение, выражаемое их компонентами. Эти слова характерны прежде всего для экспрессивной речи.

5. Составные синонимы: меджбур этмек — зорламакъ 'заставлять', манасына етмек — антѳламакъ 'понимать', яхшы олмакъ — тюзельмек 'вылечиться, поправиться', сабыр этмек — чыдамакъ 'терпеть', пармакъ тишлемек — пешман этмек 'сожалеть, раскаиваться', отю патламакъ — джаны чыкъмакъ 'испугаться', эр бир шейге киришмек — баш сокъмакъ — бурын сокъмакъ 'совать не в свое дело', вефат этмек — джан бермек — козь юмулмакъ 'умереть, скончаться' и др.

Значение исследования синонимии языка общезвестно. Изучение синонимии крымско-татарского языка находится только в начальной стадии. В этой области предстоит еще большая работа.

Э. А. УМАРОВ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В ЯЗЫКЕ АЛИШЕРА НАВОИ

Одним из видов авторского преобразования фразеологизмов является фразеологическая контаминация¹. Фразеологическая контаминация представляет собой «смешение в одном двух или нескольких фразеологизмов»², приводящее к образованию новой авторско-индивидуальной фразеологической единицы. Фразеологическая контаминация — это стилистический прием, позволяющий автору более выпукло и ярко выразить ту или иную мысль³.

Алишер Навои в своих произведениях также использовал этот стилистический прием. В его диванах и поэмах можно найти много случаев фразеологической контаминации, создающейся обычно на базе глагольных и, реже, именных сочетаний, как правило, синонимичных или близких по значению.

Так, например, у Навои встречается фразеологизм *jutub kon jiylamok*:

Men jutub kon jiylaram, laling içib soyar k'ular,
Teng kadah içkan k'erak' ärdi barobar torsa haz

(БВ, 290)⁴

‘Я горько плачу, глотая кровь, а твой рубин, смеясь,
пьет из бокала,
Равно пьющим следует и есть одинаково’.

Это новообразование возникло из смешения двух синонимичных фразеологизмов: *kon jutmok* ‘быть в сильном горе’, ‘пережить большое горе’⁵ и *kon jiylamok* ‘горько плакать’⁶. Поэт здесь для большей выразительности создает новый фразеологизм, несколько отличающийся по

¹ Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец. О фразеологической контаминации в русском языке. — «Русский язык в школе», 1969, № 3, стр. 105; А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, стр. 34—41.

² А. И. Молотков. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском литературном языке. — В кн.: «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.—Л., 1966, стр. 105.

³ С. И. Ройзензон. Фразеологическая контаминация в современном английском языке. — «Труды Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои», новая серия, вып. № 219. Вопросы фразеологии, V (часть первая). Самарканд, 1971, стр. 198.

⁴ Цифры при сокращенных обозначениях указывают страницу издания.

⁵ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 621.

⁶ Там же, стр. 193.

мысли и экспрессии от фразеологизмов, к которым он восходит, хотя у Навои оба указанных фразеологизма часто встречаются и самостоятельно:

Jorsiz vajronda kon jiylarmen oxir, siz kiling
Jor birla gašti boýu lolazor, äj döstlar
(БВ, 144)

‘Без любимой я плачу кровавыми слезами среди развалин,
А с любимой — повсюду сад и цветник, о друзья’.

Habib ʔajr ila maj ičti, äj k'öngul kon jut,
Al ičsa vasl majin boku zahri hižron jut
(НШ, 86)

‘Милая с другим пила вино — о сердце, глотай кровь,
Если люди пьют вино свидания — смотри и глотай яд
разлуки’.

Контаминируя в другом месте два синонимичных фразеологизма: хупоб čekmok ‘очень горевать’ и hižron čekmok ‘мучаться в разлуке’, Навои создает новое авторское сочетание — хупоби hižron čekmok:

Labing nõš dorusidin ne osiý,
Men öldum ču xunobi hižron čekib
(ГС, 85)

‘Какая польза от целебного прикосновения к твоим губам,
Я умер, выпив кровавые слезы разлуки’.

Фразеологическая контаминация может быть создана и на основе двух близких по значению фразеологизмов: так, например, Навои, соединив близкие по значению фразеологизмы talx-talx jiylamok ‘горько плакать’, ‘плакать кровавыми слезами’ и šöroba tökmok ‘плакать’, создает новый: talx-talx šöroba tökmok:

Bu ‘holdin sultoni sohibkiron mizožiya ʔarib anduh va iztirob, tušub, vojat huzn va malolatdin talx-talx šöroba tökub, hoj-hoj jiyladi (ХМ, 101)

‘Из-за этого состояния всемогущий султан впал в печаль и уныние, и от чрезмерной скорби и беспокойства стал проливать горькие слезы и зарывал в голос’.

Навои использует разнообразные приемы контаминации. Создавая контаминированное сочетание, поэт порою вводит новые слова или связки, скрепляющие составные части новосозданного фразеологизма. Так, например, на основе двух фразеологизмов žondin k’ečmok ‘отказаться от жизни’ и žahondin k’ečmok ‘отказаться от мира’ поэт создает при помощи соединительного союза bila ‘и’ новообразование žon bila žahondin k’ečmok ‘отказаться от жизни и от мира’, ‘умереть’:

Manga agar degasiz: žon bila žahondin k’eč,
K’ečaj valek’ muni demangizk’i, ondin k’eč
(ФК, 102)

‘Если скажете мне: откажись от жизни и мира,
Я откажусь, но если не скажете (при этом) также:
отрекись от нее’.

Создавая другую разновидность этого же фразеологизма, Навои прибегает к помощи связочного элемента *u-k'eřmak* *žahonu žondin*:

*Gar k'erak' ořikka öz žononidin,
Saha āgur k'eřmak' žahonu žonidin*
(ЛТ, 63)

‘Если предстоит влюбленному порвать с возлюбленной,
Легче ему отказаться от жизни и мира’.

В третью разновидность поэт включает союз *balk'i: k'eřib žahondin balk'i žondin*:

*K'eřib avval dijoru xonumondin,
Vale sōngra žahondin, balk'i žondin*
(ФС, 325)

‘Оставив сперва страну и имущество,
Потом отказался не только от мира, но и от души’.

В некоторых случаях поэт создает фразеологическую контаминацию, сохраняя все компоненты исходных фразеологизмов. Выразительный фразеологизм *konu yussadur ičmak' emak'* (БВ, 411) ‘сильно страдать’ возник на базе двух полных фразеологизмов-синонимов *kon ičmok* ‘быть в сильном горе’, ‘переживать большое горе’ и *yussa emok* ‘страдать’:

*Hažringda konu yussadur ičmak'-emak'larim,
Išrat surudi nolaj zor ajlamaklarim*
(БВ, 411)

‘В разлуке с тобой моя пища и питье — кровь и скорбь,
Мелодия удовольствий — стоны и плач’.

В творчестве Навои встречаются также, помимо глагольных сочетаний, контаминации именных фразеологических единиц. Так, например, на основе именных фразеологизмов *ažal ujkusu* ‘смерть’ и *o'yig' ujkui* ‘крепкий сон’ поэт создает новый фразеологизм — *ažal o'yig' ujkusi*:

*Mahmud hik' ojačikim, ažal o'yig' ujkusiga bor'yondin sōngra
Masudning tuřiga k'irdi ya adolat ajnin pajdo kilur učun anga
pandlar berdi* (СИ, 664)

‘Рассказ о Махмуде, впадшем в тяжелый сон смерти, приснился Масуду и наставил его для свершения справедливости’.

Новообразование *baxti garon xob* представляет собой соединение двух персидских именных фразеологизмов — *baxti xob* и *garon xob*:

*Ujku xos ōldi mening baxti garon xobimya,
Ujkusizlik nečak'im dijdai girjonima xos*
(ФС, 293)

‘Сон сопутствует тягостным сновидениям
моего несчастья,

В той же мере, как бессонница — моим плачущим очам’.

Иногда поэтом контаминируются персидские и собственно узбекские фразеологизмы. Калькированный персидский фразеологизм *baxt*

ujkusi 'сон счастья' (ср. перс.-тадж. *baxti xob*) поэт соотносит с *oyir ujku* 'крепкий сон' и создает новообразование *baxt(im) oyir ujkusidin uyjonmadi*:

Ohkim, baxtim oyir ujkusidin uyjonmadi,
Garči juz ming fitna uyjondi men afyon ajlagač
(НШ, 101)

'О горе, мое счастье не проснулось от тяжелого сна,
Хотя сто тысяч уловок проснулись, заставляя меня
рыдать'.

Другая разновидность этого же фразеологизма *ujkuda solgan karo baxt* построена на основе следующих сочетаний: *baxti karo* 'несчастный' и *baxt ujkusi* 'сон счастья':

Somi hažrim šarxin āl afsona kildi ohk'im,
Ujkuda solgan karo baxtimni bu afsonadur
(FC, 171)

'Люди превратили в притчу пересуды о ночи
моей разлуки,
И эти пересуды погрузили в сон мое злосчастье'.

Новый фразеологизм создается поэтом не только путем использования целых глагольных или именных сочетаний, но также из соединения глагольного и именного фразеологизма, хотя последних примеров у Навои меньше. Фразеологизм *jomon k'ōz tegmasun* возник из смешения фразеологизмов именного (*jomon k'ōz* 'дурной глаз') и глагольного (*k'ōz tegmasun* 'не сглазить'):

Uči ham igna birla k'ōz duosin boška očkondin,
Jomon k'ōz tegmasun bōldi kõngul čekmakk'a kullobing
(ФК, 365)

'Подвешенная к голове согнутая игла —
молитва от сглаза,
Твой локон стал крючком у сердца, чтобы его
не сглазили'.

Подобным же образом создан и фразеологизм *xasta kõngul ovlatmok*, где соединены фразеологизмы *xasta kõngul* 'разбитое, истерзанное сердце' и *kõngul ovlatmok* 'утешать':

Xasta kõngul ovlamok ātmaj havas,
Ševa anga daštda ov ārdi bas
(ХА, 133)

'Не буду стремиться овладеть больным сердцем,
Достаточно и того, что на него охотятся в степи'.

В заключение остановимся на вопросе оформления и подачи подобных авторских индивидуальных фразеологических контаминаций во фразеологическом словаре поэта. По нашему мнению, авторские фразеологизмы целесообразно привести в конце словаря в виде указателя, пояснив при этом, из сочетания каких конкретно фразеологизмов, включенных в корпус данного фразеологического словаря, они возникли. Для наглядности ниже приводится образец указателя контаминированных фразеологизмов из различных произведений Алишера Навои.

УКАЗАТЕЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНТАМИНАЦИЙ В ЯЗЫКЕ
АЛИШЕРА НАВОИ:

1. jutub kon jiylamak (БВ 290) — kon jutmok + kon jiylamak
2. talx-talx šāroba tōkmok (ХМ 101) — talx-talx jiylamak + šōroba tōkmok
3. žon bila žahondin k'ečmok (ФК 102) — žondin k'ečmok + žahondin k'ečmok
4. žahonu žondin k'ečmok (ЛТ 63) — žahondin k'ečmok + žondin k'ečmok
5. kon yussadur ičmak' emak' (БВ 411) — kon ičmok + yussa emok
6. ažal oyir ujkusi (СИ 664) — ažal ujkusi + oyir uju
7. baxti garon xob (ФС 293) — baxti xob + garon xob
8. ujkuga solgan karo baxt (ФС 171) — baxti karo + baxt ujkusi
9. jomon kōz tegmasun (ФК 365) — jomon kōz + kōz tegmasun
10. xasta k'ōngul ovlamok (ХА 133) — xasta k'ōngul + k'ōngul ovlamok
11. k'ečib žahondin balki žondin (ФС 325) — žahondin k'ečmok + žondin k'ečmok
12. ašk'i xunfišoni rextan (ДФ 1 134) — ašk' rextan + xunfišon rextan
13. k'onglin olib kon kilmok (ФС 460) — k'onglini olmok + kon kilmok
14. k'ōz birla k'ōnglini karo kilmok (ФС 638) — k'ōz karo kilmok + k'ōngul ni karo kilmok
15. baxtim oyir ujkusidin uyjonmadi (НШ 101) — baxt ujkusi + oyir uju
16. xunobi yam čekmak' (НШ 610) — xunob čekmok + yam čekmok
17. lofidin urmok dam' (НШ 618) — lof urmok + dam urmok
18. k'ongulning rōzgorink'im karo kildi (ФК 319) — k'ōngulni karo kulmok + rōzgorini karo kilmok
19. karo baxtim masallik' ujuči (ФК 604) — baxti karo + baxt ujkusi
20. k'ōz jošini kilibon lolafom jiylarmen (БВ 480) — k'ōz josi kilmok + lolafom jiylamak.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БВ** — Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат («Диковины средних лет»). Тошкент, 1960.
- ФС** — Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сигар («Диковины детства»). Тошкент, 1959.
- ДФ** — Девони Фоний («Диван Фани»), кн. I и II. Тошкент, 1969.
- ЛТ** — Лисон-ут-тайр («Язык птиц»). Тошкент, 1968.
- НШ** — Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб («Редкости юности»). Тошкент, 1959.
- СИ** — Алишер Навоий. Садди Искандарий («Стена Искандера»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- ФК** — Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар («Полезные советы старости»). Тошкент, 1970.
- ФШ** — Алишер Навоий. Фарҳод ва Ширин («Фархад и Ширин»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- ХА** — Алишер Навоий. Хайрат-ул-аброр («Смятение праведных»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- ХМ** — Хамсат-ул-мутахаййирин («Пять изумлений»). Тошкент, 1968.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. БЛАГОВА

ПРИЧУДЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Методику изучения ориентализмов в русском словаре А. Н. Кононов считает одной из «сложных задач, до сих пор не получившей удовлетворительного решения»¹ в отечественной тюркологии. Подобное утверждение в полной мере может быть отнесено к проблеме изучения русских и интернациональных заимствований в тюркских языках; и это несмотря на то, что данная часть лексики в языках народов СССР уже не одно десятилетие находится в поле зрения исследователей. Напомним, что Н. К. Дмитриев, положивший начало подлинно научной разработке мощного пласта русизмов в этих языках, еще в 1929 г. выдвинул важные методические принципы решения этой проблемы². То, что эти принципы были в дальнейшем преданы забвению, проиллюстрируем лишь одним примером.

К «общему лексическому фонду в языках советских народов» среди многих других причисляют обычно и заимствования *машина* — *машинист*, *машинка* — *машинистка* (а также их дериваты, образованные средствами заимствующего языка). Чаще всего каждое из слов этого гнезда представляется исследователям настолько близким по значению соответствующему русскому слову, что они даже не дают толкования этих национальных слов, ограничиваясь лишь приведением русского оригинала и не давая никакого перевода. Однако эти слова далеко не всегда оказываются семантически идентичными соответствующим лексемам современного русского литературного языка (см. об этом ниже).

Таким образом, обращаясь к столь «банальным» и очевидным интернационализмам, необходимо следовать важному методическому принципу, четко сформулированному в трудах В. В. Виноградова и Н. К. Дмитриева и состоящему в том, что (перефразируя слова В. В. Виноградова) для исторической семантики любого языка «чрезвычайно существенно определение национального своеобразия, оригинальных черт», привнесенных данной народностью «в смысловую структуру... интернационального лексического фонда» этого языка³. Этот методический принцип сопряжен

¹ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Доктябрьский период. Л., 1972, стр. 252.

² Н. К. Дмитриев. Варваризмы в башкирском языке. — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее», IV. Л., 1929 (см. то же: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 433—464).

³ В. В. Виноградов. Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка. — «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 6. См. также: Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 79.

с другим, выдвинутым еще в 1929 г. Н. К. Дмитриевым⁴ и заключающим в том, что при изучении любой лексемы указанного фонда в национальном языке важно также не упускать из виду ее исторически обусловленные значения в языке-источнике, тем более, если это слово имело там широкую «семантическую амплитуду колебаний» (термин Н. И. Толстого).

В целом же для изучения заимствований в тюркских языках (как и ориентализмов в русском языке) необходимо привлекать также разработанную В. В. Виноградовым для русского материала историко-лексикологическую методику, одно из требований которой гласит: при исследовании семантического развития технического или научного термина (в том числе и заимствованного) «необходимо сочетать историко-морфологический анализ слов с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений или понятий»⁵. Именно параллельно проводимое культурно-историческое изучение самой реалии и историко-лингвистический анализ обозначающего ее слова как в языке-источнике, так и в заимствующем языке может быть плодотворным, ибо только при этом условии становится возможным, в частности, точнее датировать проникновение заимствования в воспринимающий язык, уточнить источник заимствования (разговорная речь, книжный язык), дать реалистическое объяснение семантическим сдвигам, происходящим в слове в процессе его заимствования и дальнейшего употребления.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу лексем *машина* — *машинист*, *машинка* — *машинистка* и их семантики в языках народов СССР и особенно — в тюркских, необходимо, согласно принятым методическим принципам, хотя бы бегло проследить семантическую эволюцию этого гнезда слов в русском языке. Заметим попутно, что история полисемантического слова *машина* уже привлекала внимание В. В. Виноградова и Ю. С. Сорокина.

В связи с проводившимися в 20—30-е годы XIX в. в Англии опытами по использованию паровых двигателей на ранее построенной железной дороге в русской прессе появились окказиональные словосочетания: «так называемые паровые или огненные машины», «паровая машина» (1830 г.) и проч. Позднее, после постройки в 1836 г. первой в России железной дороги, в общенародном словоупотреблении осталось только сочетание *паровая машина*, литературное происхождение которого было со временем забыто, и оно приобрело просторечную окраску⁶. В значении «паровая машина» в народном языке стало употребляться и одно слово *машина*; некоторое время сохранялось оно в этом значении и в литературном обиходе — им пользовались Тургенев, Н. Успенский, Салтыков-Щедрин, Гаршин, Л. Н. Толстой. Таким образом, полисемантическое слово *машина* [им по-прежнему обозначались многие механические двигатели и устройства — от швейной машины и механизмов, используемых в театре для перемены декораций, до «судна самого большого размера, которое тянут вверх по реке посредством лошадей, завозом» (ярославский диалект)⁷] обрело конкретизированное значение в общенародном словоупотреблении около середины XIX в.

⁴ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 79.

⁵ В. В. Виноградов. Из истории слова. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 104.

⁶ Ср. шутовское просторечное выражение: «В Питер на паровой, а из Питера на липовой машине (т. е. пешком в лаптях)» (В. В. Виноградов. Лексические заметки. — «Ученые записки Московского педагогического дефектологического института», I. Кафедра русского языка и литературы, 1941, стр. 50).

⁷ «Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением имп. Академии наук». СПб., 1852, стр. 112.

Это значение оказалось, однако, недолговечным: (*паровую*) *машину* заменило собственно русское сложное слово *паровоз*; в этих новых условиях соположение (уже, естественно, на новых началах) разновременных обозначений одной и той же реалии — *паровая машина паровоза* — было терминологизовано в специальной литературе.

Названная семантическая «конкретизация» слова *машина* оказалась сопряженной со смысловым развитием другого слова — *машинист*. Заимствование *машинист* проникло в готовом виде в русский язык, по-видимому, несколько позже уже использовавшегося в нем слова *машина* (по мнению А. Г. Преображенского и М. Фасмера, заимствование *машина* относится к эпохе Петра I). Одна из первых фиксаций слова *машинист* датируется 1730 г. В переведенной А. Кантемиром книге Фонтенелла «Разговоры о множестве миров» это слово объяснено как «тот, что машины делает»⁸; ср. в Словаре И. Нордстета (1780 г.): «тот, кто изготовляет различные художественные произведения». В Лексиконе И. Татищева (1798 г.) значение слова *машинист/махинист* истолковывалось как «машинный мастер» и более узко как «махиной мастер при театре», в «Словаре Академии Российской» (ч. III, 1814 г.) — как «изобретатель разных машин».

При обращении к французским и английским историческим словарям становится понятным, что такие русские толкования являются сколками с объяснений значений соответствующих французского и английского слов, помеченных во французском словаре 1643 г., а в английском — 1739 г.⁹

Таким образом, в начальные периоды своего употребления в русском языке слово *машинист*, естественно, не могло семантически соотноситься со словом (*паровая*) *машина*. Специфическое значение, ставшее позднее наиболее распространенным в русском языке, — «работник железнодорожного транспорта, водящий поезда» — слово *машинист* обрело только после внедрения в общенародный языковой обиход слова *машина* в значении «паровая машина», «паровоз», «поезд». Более раннее значение слова *машинист* как раз и составляет его семасиологическую особенность, позволяющую сделать заключение о его иноязычном происхождении и исключающую возможность видеть в нем существительное, образованное на русской почве посредством суффикса *-ист*. Последующие смысловые сдвиги в словоупотреблении *машина* почти не затронули слова *машинист*, как бы законсервировавшего в себе историческое, развившееся на русской почве, народное значение слова *машина*. Во всех других значениях слово *машинист* потребовало прибавления уточнительных определений, например: *машинист сцены*, *врубовой машинист шахты* и т. д.; сочетание *паровозный машинист*, встречающееся иногда в национальных переводных словарях, с точки зрения русского восприятия необычно и избыточно.

В паре *машинист — машинистка*, «спаянной грамматическим параллелизмом и соотносительностью форм словообразования» (по выражению В. В. Виноградова), казалось бы, должна была передаваться непосредственная родовая корреляция. Однако здесь прежде всего налицо словообразовательная и семантическая специализация, в основе которой

⁸ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 54.

⁹ См.: A. Hatzfeld, A. Darmesteter. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVIIe siècle jusqu'à nos jours, [2]. Paris, s. a., стр. 1437; «The Oxford English dictionary», VI, 1933, стр. 9.

лежит соотношение каждого слова из этой пары с различной основой¹⁰: *машинист* соотносится со словом *машина*, а *машинистка* (т. е. женщина, работающая на пишущей машинке) — со словом *машинка*, образованным от *машина* при помощи уменьшительного суффикса *-ка*¹¹: ср. роль омонимичного суффикса *-ка* в образовании слова *машинистка* (ср. *машинист*.) Ожидаемая родовая корреляция *машинистка* — *машинист* в чистом виде наблюдается только во втором значении слова *машинистка*, кстати сказать, непременно требующем уточнителя: *швей-машинистка*. В этом втором значении *машинистка* соотносится с другой, более поздней, семантической гранью слова *машина* — «швейная машина».

Иначе говоря, в современном языке пары слов *машина* — *машинист* и *машинка* — *машинистка* могут быть формально зачислены в одно гнездо слов, хотя ясно, что слово *машинка* произведено от *машина*, а *машинистка* образовалось не без влияния принципа «соотносительности форм словообразования» от слова *машинист*.

Семантическая разобщенность и одновременность образования слов, входящих в данное гнездо, особенно явственно проявились при проникновении их в языки народов СССР. Анализ материалов современных национальных двуязычных словарей показывает, насколько неодинаково проходил процесс освоения этих слов разными языками. В близкородственных русскому белорусском и украинском языках представлена вся группа изучаемых слов без каких-либо существенных отклонений в их семантике или словообразовании (ср. только отмеченную А. Г. Преображенским «малорусскую» форму *машыныстый*, а также в карпатских украинских говорах *машинка* 'самопрялка'); необычно для русского восприятия белорусское уточнительное словосочетание *паровозны машыніст* 'паровозный машинист'¹², свидетельствующее об утрате семантической мотивированности слова *машыніст* в этом значении на собственно белорусской почве. Примечательно, что аналогичное значение этого слова сохранило свою семантическую мотивированность в татарском языке, издавна тесно контактировавшем с русским: здесь для слова *машина* словари еще продолжают регистрировать устарелое разговорное «поезд»¹³,

¹⁰ Этого не учел Х. Бугазов, когда, говоря о «параллельном ... существовании слов, относящихся к лицам, как *тракторист* и *трактористка*», он включает в тот же ряд и пару *машинист*—*машинистка*, усматривая здесь только различие «по принадлежности к полу» (Х. Бугазов. О русских лексических заимствованиях в дунганском языке. — «Ученые записки филологического факультета Киргизского университета», вып. 3, 1957, стр. 140).

¹¹ Форма *машинка* с уменьшительным значением («eine kleine Maschine, une petite machine») зафиксирована И. Нордстетом в его «Российском с немецким и французским переводами словаре» (ч. I, СПб., 1780, стр. 349).

¹² Ср. также азерб. *паровоз машинисти* 'паровозный машинист' («Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1941, стр. 200; в словаре 1965 г. это сочетание отсутствует), чувашск. *паравус машинисче* («Чувашско-русский словарь». М., 1961, стр. 225), узб. и туркм. *паровоз машинисти* («Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 255; «Русско-туркменский словарь». М., 1956, стр. 309).

¹³ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 365. Самая ранняя фиксация слова *машина* в татарском языке датируется 1804 г. в «Словаре российско-татарском...» И. Гиганова (СПб., 1804, стр. 275); зарегистрировано это слово (без какого-либо толкования) и в «Полном русско-татарском словаре с дополнением русских и иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» К. Насыри (1892 г.), см. об этом: Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 113, 115. Характерно тем не менее, что производных форм на собственно татарской почве слово *машина* не дало. Заметим, что для обозначения паровоза в татарском и башкирском использовалось и словосочетание *ут арбасы* (дословно: 'огненная арба') (Р. Н. Терегулова). Ср. узб. диал. *этш эрвэ* «поезд» (Ш. Шаабдурахманов). Ср. зафиксированное В. М. Насиловым в 30-е годы тадж. *şajtonaroba* (букв. 'чертова арба') и узб. диал. *джън эрвэ/шайтан эрвэ* 'велосипед' (некоторую семантическую аналогию этого словосочетания можно усмотреть в устар. *адская машина* 'взрывной снаряд с часовым механизмом').

это же значение в башкирском языке для слова *ташпа* 'поезд' отметил Н. К. Дмитриев; без каких-либо помет оно приводится и для курдск. *машина*. Показательно также, что в чечено-ингушском языке производное *машиннекъ* означает «железная дорога». Семантическая связь соответствующих татарского, башкирского, курдского и чечено-ингушского слов с русским народным *машина* в значении «поезд» бесспорна. Все сказанное выше о смысловом развитии слова *машина* в русском языке позволяет, исходя из семантики заимствования, датировать его проникновение в заимствующий язык и уточнить источник заимствования (разговорная речь).

В полном своем составе изучаемое гнездо слов (*машина, машинист, машинка, машинистка*) отмечается в словарях ряда младописьменных языков народов СССР — чувашском, ногайском, калмыцком, марийском, удмуртском, осетинском, лезгинском, кабардинском, чеченском, а также в башкирском и туркменском.

В некоторых языках произошло своего рода «свертывание» этого гнезда слов — за счет совпадения в одном основном слове двух значений «машина» и «машинка». Такое совпадение наблюдается в азербайджанском языке, испытавшем влияние турецкого, в молдавском, на который, безусловно, воздействовал романский языковой ареал, а также в латышском и эстонском языках. Употребление основного слова в значении «машинка» регистрируют словари некоторых младописьменных языков народов СССР, см., например, тувинск. *бижик машиназы* 'пишущая машинка', ненецк. *падна мэта машина*, ср. монг. *бичгийн машин*; в бурят-монгольском наряду с *бэшэхэ машина* 'пишущая машинка' в том же значении зарегистрировано и слово *машинка*. В словарях таких младописьменных языков, как ойротский, эвенский, коми, приводится только ряд *машина, машинист* без каких-либо фонетических или семантических отклонений от соответствующих русских слов.

В языках прибалтийского ареала — литовском, латышском, эстонском — нет существенных различий в выражении соответствующих значений словами «машина», «машинист»; для обозначения другого ряда слов из этого гнезда в каждом языке используются свои словообразовательные модели (или: модели словосложения), ср. литовск. *mašinėlė* 'машинка' и *mašininke* 'машинистка', эст. *kirjutusmasin* и *masinakirjutaja (nna)*, латышск. *rakstāmmašina* и *masinrakstītāja*.

Материалы целого ряда как младописьменных, так и старописьменных языков народов Советского Союза показывают, что гнездо рассматриваемых слов проникало в эти языки из русского не одновременно и разными путями. Трансформированный фонетический облик таких якутских слов, как *массыына* 'машина' и *массыынка* 'машинка', с полной очевидностью свидетельствует о проникновении заимствований из русского языка в якутский устным путем (причем в недалеком прошлом: Э. К. Пекарский в своем словаре не привел этих слов); напротив, фонетическая первозданность якутск. *машинист, машинистка* говорит о совсем недавнем проникновении их книжным путем. Ср. также в дунганском: *машнэ* 'машина', но *машинист, машинистка*.

В языки Средней Азии русск. *машина* проникало неоднократно, причем впервые — еще до Великой Октябрьской революции. Это раннее заимствование было осуществлено устным путем¹⁴, на что указывают

¹⁴ Понски разговорно-просторечных и диалектных источников для фонетических вариантов ряда русизмов в башкирском языке осуществлялись Н. К. Дмитриевым (указ. раб., стр. 79 и сл.) и в наши дни успешно продолжены на соответствующем казахском материале Б. А. Сулейменовой (см.: Б. А. Сулейменова. Заимствованная русская лексика и вопросы диалектологии казахского языка. — «Казахская диалектология», вып. I. Алма-Ата, 1965).

как фонетические изменения (ср. тадж. *мошина* и мн. число, образованное по принципу арабского «ломаного» мн. числа, *мавошин*¹⁵; туркм. *машы:н* и диал. *машишын*; казахск. *мәшін*; кирг. *машийне*; узб. диал. *мәшинә, мәшнә, мәшән, мәшәм, мәшин, мәшийнә*), так и семантика заимствования — «швейная машина». В этом своем значении данное заимствование послужило основой для ряда производных слов и устойчивых сочетаний. Ср. узб. лит. *машиначи* «портной, портниха» наряду с *тикучи, чевар (аёл)*; в узбекских говорах то же значение чаще всего передается только словом *мәшнәчә, машәнчә* (ср., однако, в карлукском говоре Южного Таджикистана: *кийим:дўз*), в сайрамском говоре используется иной показатель (иранского происхождения) *-кәш* : *мәшинәкәш*¹⁶.

Участие аффиксов *-чи, -кәш* (как и *-дўз*, ср. тадж. *мошинадўз* «портной») в этих производных словах, образованных на основе раннего заимствования, никоим образом нельзя сводить всего лишь к «немотивированной замене интернационального суффикса *-ист* аффиксами родного языка»¹⁷. Подтверждением этому служит семантика производного слова «портной», в противном случае следовало бы ожидать значения «машинист» (именно это значение, правда, наряду с «портной» отмечалось в 1939 г. для уйг. *таҗини* — только в этом конкретном случае можно говорить о «немотивированной замене *-ист* аффиксом *-чи*»).

Примечательно, что производное слово *машиначи* «портной» встречается уже в языке Мукими; в то же время, ориентируясь на русское, скорее всего книжное словоупотребление, поэт использовал также словосочетание *мошин қазон* «паровозный котел»¹⁸, оставшееся, однако, окказиональным, поскольку оно не было понятно узбекскому народу, не знакомому в то время еще с железной дорогой, паровозом, поездом (кстати, в значении «поезд вообще» Мукими употреблял слово *воғун* <русс. *вагон*). Напротив, устойчивыми сочетаниями оказались те, в основе которых лежало слово *мәшинә* в значении «швейная машина». Таковы *мәшинә эп* «фабричная нитка», *мәшинә йз:ғ* «масло для швейных машин», *қўл мәшинә* «ручная швейная машина» и *эйз:ғ мәшинә* «ножная машина»¹⁹. Следует отметить, что кумыкское словосочетание *айакъ машин*, по своему лексическому составу и строению совершенно аналогичное приведенному узбекскому, имеет совсем другое значение — «велосипед»²⁰; семантика этого словосочетания обусловлена более поздним проникновением в кумыкский язык слова *машин* и, следовательно, новой модуляцией его значения в русском языке.

Показательно, что в отдельных узбекских говорах проведена семантическая специализация двух разных по времени проникновения и фонетически не совпадающих вариантов: *мәшийнә* — только «швейная маши-

¹⁵ См.: Н. Шаропов. Обогащение словарного состава современного таджикского языка в советский период. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1965, стр. 22.

¹⁶ С. Зуфаров. Сайрамский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 13.

¹⁷ Э. М. Ахунзянов. Указ. раб., стр. 293.

¹⁸ См. об этом: Ж. Хамдамов. Мукимий асарларида рус тили лексикаси ҳақида. — «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои». Новая серия, № 91. Филологический факультет. Кафедра узбекского языкознания. Самарканд, 1959, стр. 110, 109.

¹⁹ См. об этом: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, ч. I. Ташкент, 1969, стр. 53.

²⁰ См.: Р. Г. Шахманова. Казанищенский говор кумыкского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 16.

на' и *машын* — только 'автомашина'²¹ (ср., однако, в ташкентском говоре *мэшинэ* — 'швейная машина' и 'автомашина', но *мэшинэч* — только 'портной'). В ряд узбекских, казахских, киргизских говоров, предки носителей которых не были приобщены к городской жизни, это заимствование проникло в сравнительно позднее время в связи с новым социально-бытовым укладом жизни и имеет значение «автомашина», «механический двигатель». Ср. возникшее на этой основе устойчивое словосочетание в андижанском говоре узбекского языка *тэксэ мэшэна* 'такси' (ср. русск. *таксомотор*). В связи с этим сравнительно новым заимствованием в языки Средней Азии проникают главным образом через прессу слова, характеризующиеся своей фонетической нетронутостью, — *машинист*, *машинистка*.

Таким образом, в ряде языков среднеазиатского региона как бы сошлись результаты некогда происходившего активного, творческого процесса укоренения заимствования в лексической системе заимствующего языка (в том числе — посредством фонетической, а впоследствии и семантической филиации, словообразования: *мэйшинэ* 'швейная машина', *машиначи* 'портной') и более позднего заимствования, сохраняющего семантику слова-оригинала, влекущего за собой проникновение и его производных с сохранением их внутренней формы.

В результате, например, в таджикском языке также сосуществуют варианты *мошина* и *машина* — каждый со своим гнездом производных слов: разговорные *мошинадӯз* или *мошиначи* 'портной', *мошинадӯзи* 'портняжничество, портняжное ремесло', *мошинадӯзи кардан* 'портняжить, шить' и книжные *машинист*, *машинистка*. В киргизском разговорные *машийне*, *машине* 'швейная машина' и *машийнечи*, *машийначы* 'портной' (в словаре К. К. Юдахина с пометой «устарел.») зафиксированы рядом с книжными заимствованиями *машинист*, *машинистка*, *машинке*; ср. узб. *машиначи*, узб. диал. *мэшинэкэш* 'портной', с одной стороны, и *машинист* — с другой; каракалпакс. *машиншы* 'портной' и *машинист*, уйг. *машиничи* 'портной'²².

В тех языках, где гнездо слов заимствовалось одновременно, производные, образованные при помощи аффиксальных (или иных) средств заимствующего языка, оказались семантически равнозначными русскому *машинист* и даже иногда используются как равноправные варианты, представляющие это значение, например: кабард. *машинэзехуэ* и *машинист*. См. соответствующее словообразование на почве заимствующего языка: монг. *машинч* 'машинист', ненецк. *машинам*, *минрена*; абазинск. *машинанкэвцагIв* 'водитель машины'; ср. тувинск. *машинакчы* 'машинистка' при наличии *машинист*.

Об активном внедрении слов изучаемого гнезда в лексику многих языков народов СССР может свидетельствовать тот факт, что как более раннее заимствование *машина*, так и более позднее *машинист* оказались продуктивными основами для образования с помощью морфологических средств родного языка новых глаголов и имен (причем не только *Nomina agentis*). Ср. кирг. *машийнелеш-и*, монг. *машиндах* 'работать на какой-либо машине', монг. *бичиг машиндах* 'печатать на машинке', коми *машини-*

²¹ См.: Х. Данияров. Некоторые лексические особенности бахмалского говора в сравнении с узбекским литературным языком. — «Труды Узбекского государственного университета им. А. Навои». Новая серия, № 66. Филологический факультет. Кафедра узбекского языкознания. Самарканд, 1956, стр. 125.

²² «Уйгурско-русский словарь». М., 1968, стр. 696. Слово *машинист* в этом словаре не зафиксировано; *машинистка* имеется. Примечательно, что «Уйгурско-русский словарь» 1939 г. (М., стр. 93) дает для *maşinǝci* два значения — 1. портной; 2. машинист».

ставны 'работать машинистом'; ср. курдск. *машинсаз* 'машиностроитель', *машинсази* 'машиностроение' и азерб. *машынсазлајан* 'наладчик машин'; см. также чеченск. *машинки-барчик* 'пáзовая, прессованная черепица'; азерб. *машинистлик* 'занятие машиниста'. Ср. также многочисленные кумыкские кальки: *будай орагъан машин* 'жатка', *будай чачагъан машин* 'сеялка', *будай тазалайгъан машин* 'веялка' (букв. «машина, убирающая, просеивающая, чистящая пшеницу») ²³.

При нивелирующем рассмотрении перечисленных разновременных заимствований все эти семантические и словообразовательные процессы в национальных языках выпадают из поля зрения исследователя — точно так же, как и индивидуальная судьба каждого из неоднократно проникавших заимствований [например, слово *машина* проникало в национальные языки в своих исторически различно конкретизированных значениях в каждом случае (иногда в одном и том же языке) как новое заимствование]. При подобном подходе упускается из виду индивидуальность семантических ответвлений интернационализма в том или ином языке, а в лучшем случае просто констатируются «дикийные» изменения значений у заимствований без каких-либо попыток дать объяснение фактам. Это, например, относится к отмечаемым в отдельных узбекских говорах *көңке* (русс. *конка*) 'машина' ²⁴ (любопытно, что это слово имеет сходное значение и в таджикском языке); *ҳаптāвуз* (<русс. *автобус*) 'грузовая и легковая машина'; *самовор* 'чайхана'; *пеш* (<русс. *печь*) 'гостинная', 'столовая' (в узбекских говорах южной Каракалпакии и в ее туркменских говорах, причем в последних отмечено еще *лампа* в значении «керосин») ²⁵; *кāстим/кастум* 'пиджак' (ср. *кāстим-шым* или *кастум-бурук* 'пиджак-брюки', то есть именно «костюм»); *шāпкā* 'фуражка, кепка'; ср. в казахских говорах *кәрзеңке* (<русс. *корзинка*) и *жāшiк* (<русс. *ящик*) — оба в значении «чемодан»; *сāтнөк* (<русс. *всадник*) 'почтальон-всадник' и др. Без культурно-исторических экскурсов, без параллельного изучения истории слова в языке-источнике и заимствующем языке невозможно установить, на почве какого из языков (диалектов — причем не только тюркских, но и русских) произошли изменения (сужение, расширение и т. п.) в значении данного слова. При подходе, предлагаемом Н. К. Дмитриевым и В. В. Виноградовым, конечно, никоим образом нельзя отрывать изучаемое слово от соответствующих понятийных полей, сфере которых оно принадлежит в языке-источнике и в заимствующем языке, в их развитии: в отрыве от соответствующих понятийных полей трудно объяснить те или другие семантические сдвиги в заимствовании.

Если при изучении в разных языках Советского Союза таких общеизвестных заимствований, как *машина*, *машинист*, совмещать историко-лингвистический и культурно-исторический аспекты, то на территориях распространения этого бесспорного компонента «общего лексического фонда в языках советских народов» можно выделить своего рода семантический ареал. В родственных и неродственных языках Средней Азии, в культуре и исторических судьбах народов которой имеется много общего, среди значений слова *машина* можно с полной очевидностью вычлени-

²³ И. А. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1964, стр. 124.

²⁴ См.: Т. Юлдашев. Узбекские говоры Южного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 18.

²⁵ См.: Э. Ю. Уразов. Узбекские говоры южной Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 18 (*пешкэ кирэмиз* 'войдем в гостиную'); С. Аразкулиев. Говоры туркмен Турткульского района ККАССР. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1962, стр. 16.

так называемую ареально-историческую семему «швейная машина», оказавшуюся законсервированной и в словообразовании на национальной почве, главным образом в именах действующего лица. (Выделить подобный семантический ареал возможно, например, и для диал. узб. и туркм. *пеш* 'гостиняя', 'столовая', диал. узб. и тадж. *көңке* 'машина', 'автомобиль'; при ближайшем рассмотрении, вероятно, перечень заимствований с аналогичным семантическим сдвигом в ряде среднеазиатских языков можно было бы существенно пополнить).

При изучении общего лексического фонда в языках советских народов полезно также устанавливать степень внедрения интернационализма в лексическую систему любого из изучаемых языков, определяя в каждом конкретном случае, какими своими производными (схожими или несхожими суммами производных в различных языках) представлено это заимствование, и привлекая к изучению возможные конструктивные «параллели», бытующие внутри одного языка (типа узб. *машина-чи* 'портной' и *машинист*). Важно также учитывать семантическое развитие всего гнезда разновременных заимствований и их производных на национальной почве, принимая во внимание все возникавшие (а впоследствии — иногда и разрушившиеся) смысловые корреляции между компонентами этого гнезда, с одной стороны, и возможную смысловую обособленность их разновременных вариантов, различные семантические несоответствия (или отклонения), с другой. Именно эти последние могут оказать существенную помощь в хронологизации заимствования.

И. БАЖИНА

ОРФОГРАФИЯ КИРГИЗСКИХ СЛОВ В РУССКИХ ТЕКСТАХ

В Киргизии, кроме киргизов и русских, проживают представители многих национальностей (казахи, корейцы, немцы, евреи, армяне и др.).

Как и в других союзных республиках, языком межнационального общения в Киргизии является русский язык.

В условиях братского сотрудничества и все более крепнущей дружбы между народами, взаимного обмена духовными ценностями большую роль играют литературные переводы. За последние десятилетия с киргизского языка на русский переведены многие произведения киргизских поэтов, прозаиков, драматургов. Это позволило ознакомить с творчеством киргизских писателей не только русских, но и представителей других национальностей нашей страны, не владеющих киргизским языком.

В переводы, как известно, проникает немало слов языка оригинала. Одни из этих слов, заимствованные давно, хорошо известны широкому читателю, другие — менее или вовсе неизвестные читателю перевода, не имея переводных эквивалентов, предстают в тексте в виде окказионализмов и поясняются переводчиком.

В любом языке заимствованные слова приводятся в соответствие с законами, правилами и орфографическими нормами заимствующего языка, ибо «без графической передачи иноязычного слова соответствующими средствами оно воспринимается в тексте как иноязычное вкрапление, не связанное с окружающими словами»¹. С другой стороны, нельзя произвольно до неузнаваемости исказить написание заимствованных слов.

Т. Тачмурадов и Б. Чарыяров сообщают, что в Туркмении в ряде случаев неточное русское написание некоторых туркменских топонимов приводит к искажению лексического значения слов. В качестве примера приводится курьезный случай с топонимом *Йыланлы* 'местность, где водятся змеи', 'змеиная местность', русский вариант которого *Ильялы* означает «как народ»².

В связи с тем что современный киргизский алфавит базируется на русской графике, написание киргизских слов в русских текстах, казалось бы, не должно было вызывать особых затруднений, тем более что различия в алфавитах не столь уж существенны.

¹ Д. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 38.

² Т. Тачмурадов, Б. Чарыяров. Вопросы двуязычия и многоязычия в условиях Туркменской ССР. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 191.

Так, например, в киргизском алфавите буква **Н**, обозначающая носовой смычно-проходной согласный (*н* с проносом), в русском написании заменяется обычным русским *Н*. Киргизская аффриката *ж*, обозначаемая на письме буквой **Ж**, в русских текстах передается сочетанием букв **ДЖ**, в соответствии с традиционным написанием заимствованных слов, имеющих эту аффрикату (например, английских, *джермпер*, *джаз*, *джонка* и т. п.). Следует заметить, что правила русской орфографии допускают ряд исключений для иноязычных слов³.

С гласными дело обстоит значительно сложнее. Киргизские **Ө** и **У**, обозначающие на письме лабиализованные звуки *öb* и *üb*, отсутствующие в русском⁴ языке и, как отмечает М. Н. Шабалин, по своему качеству близкие немецким *о* и *у* (*умляут*), заменяются различными буквами: *О, Е, Ё, У, Ю*. Пожалуй, наибольшие затруднения возникают в транслитерации слов с этими буквами, что подтверждается расхождениями в их написании в русских текстах. Например, слово *көкбөрү* (или *көк бөрү*) 'скачки с козлом' в переводах на русский язык произведений киргизских писателей пишется различно. Иногда в разных произведениях даже одного и того же автора эта лексема орфографически передается различно: «... во время *көкбөры* он упал с лошади и выбил передние зубы» (Н. Байтемиров. «Последний патрон»); «... на празднике он вышел победителем в *кокбөрү*» (Н. Байтемиров. «Сам виноват»); «*Кокборе* происходило за кыштаком, на порыжевшем осеннем лугу» (Дж. Мавлянов. «Мать»); «Для *көкберю* купили козла у Касыма» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»); «Когда все люди увлекались веселой скачкой *кок-бору*, наш Очер-дурак садился на вороного иноходца и скакал из айла в айл» (А. Токомбаев. «Дорожная сказка»).

Слово *көлдөлөн* 'подстилка из мерлушек или саксака' тоже пишется по-разному: «Расстели, голубушка, *колделен*, гости к нам жалуют» (К. Баялинов. «Счастье»). «Саадат тотчас снял узорчатую, как змеиная чешуя, плетку... и незаметно сунул в складку *колделена* рядом с Колпакбековым» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»); «Ай, да что обо мне говорить..., сказала кривоногая Чолпон, усаживаясь на *кольделен*» (Н. Байтемиров. «Последний патрон»); «Стели на пол *көлдөлен* из мерлушек, чтобы гостю было где сесть» (Т. Сыдыкбеков. «Люди наших дней»); «Вот нам поспешили *көлдөнен* постлатъ, и люди здороваться к нам подошли» (А. Токомбаев. «Своими глазами»).

Слово *төр* 'место против входа в юрту, почетное место, передний угол' в русском написании постоянно варьируется: «Далбай указал Асанбаю место на *торе*, сам сел рядом с женой, как был в тулупе и тебетее» (Н. Байтемиров. «Последний патрон»); «Проходите на *тёр*, — пригласила хозяйка, показывая на угол, где лежали два шелковых одеяла и две подушки, и когда гость, переступив порог, ответил положенным «спасибо», она торопливо набросила на *тёр* подстилку из мерлушки» (Н. Байтемиров. «В одном совхозе»); «Шааргуль положила ложку и поднялась: — Пожалуйста, вот сюда, на *торь*» (К. Осмоналиев. «Пережитое»); «Дуйшенкул уверенно ступил на ковер, намереваясь пройти на *торь*, но Серкебай молча указал ему место у дверей» (Там же); «Ты на *тер* проходи!» (А. Токомбаев. «Своими глазами»).

³ Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956, § 3, стр. 7, 10 (примечание), стр. 11; § 70, стр. 33, § 71 (примечание) и др.

⁴ М. Н. Шабалин. О некоторых вопросах языкового строительства (на материале русско-балкарских языковых отношений). — В кн.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 241.

Слово *тундук* 'верхний деревянный круг остова юрты' пишется в четырех вариантах: «*Тюндюк* юрты сломался, и верблюда с трудом спасли четверо подоспевших всадников» (Н. Байтемиров. «В одном совхозе»); «Эркаим вышла из юрты, отвернула кошму, прикрывавшую *тюндюк*» (К. Джантошев. «Каныбек»); «Они появились там задолго до того, как в аилах успевали открыть *тундуки*» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»); «Сорванный *тундук* найти пытался, но мне, друзья, не повезло» (Ш. Токобаев. «Мечта сбылась»); «Я, юрта, дымок прямою струйкой длинной выпускаю сквозь *тундук* зимою» (С. Эралиев. «Спор»); «Луна засмотрелась в открытый *туньдюк*» (Н. Имшенецкий. «Сусамыр»); «Прозрачный дым очага легко поднимается вверх и уходит через *тундук*» (Т. Абдумомунов. «Сын Мамбеткула»); «... свежий утренний ветерок пролетел через *тундук* в дверь» (Ш. Бейшеналиев. «Сын Сарбая»).

Этих примеров вполне достаточно для того, чтобы убедиться в разное написание слов с гласными *ө* и *у*.

По нашему мнению, звук *ө* следовало бы передавать буквой *Е*, а *у* — *Ю*, тогда приведенные выше слова с гласными *ө* и *у* будут писаться *кекберю*, *кельделен*, *терь*, *тюндюк*. Такое написание более точно передает их звучание в киргизском языке и позволяет унифицировать их графику.

В киргизском языке существуют гласные фонемы *аа*, *ээ*, *оо*, *уу*, *өө*, *үү*⁵. Передача слов с долгими гласными *аа*, *оо* в русских текстах в некоторых случаях соответствует их написанию в киргизском языке, например: *баарчин* 'охотничий беркут после шестой линьки': «Теперь он своим видом напоминал проснувшегося после крепкого сна и хорошо отдохнувшего *баарчина*» (А. Токомбаев. «Раненое сердце»). Но это же слово встречается и в ином написании: «А-а! — зарычал он вне себя, — „*барчины*“, которые не отступают от сказанного и не упускают убегающей дичи» (К. Джантошев. «Каныбек»). Слово *саамал* 'молодой, еще не перебродивший кумыс' чаще пишется с двумя *АА*: «... нальют в большой бычий бурдюк под самую завязку выдержанного кумысу пополам с *саамалом*» (Н. Байтемиров. «Жылдызкан»).

В соответствии с киргизским написанием фиксируется лексема *ураан* 'боевой клич': «*Ураан*, видимо, возник на почве культа предков» (В. Виноградов. «Киргизская народная музыка»).

Часто встречающееся в переводных и оригинальных текстах слово *джайлоо* 'высокогорные летние пастбища' пишется, как правило, с долгим *оо*: «Зелены *джайлоо* на юге, и несметны стада в горах» (К. Маликов. «Юг»); «Мой родной Киргизстан! Цвети, как цветет на *джайлоо* тюльпан» (М. Токобаев. «По ленинскому пути»); «А здесь на *джайлоо*, куда ни глянешь, все усыпано цветами» (Ш. Бейшеналиев. «Сын Сарбая»); «Между тем у нас есть чабаны, которые, завершив весеннюю стрижку, перегоняют отару на *джайлоо*...» («Советская Киргизия», 7/IX 1968 г.).

Изредка наблюдается иное написание: долгий гласный заменяется дифтонгом *ау*, то есть графемой *АУ* или *ЯУ*: «А пятнадцатого ты уже отпавишься с колхозной скотиной на *джайляу*» (Т. Сыдыкбеков. «Темир»). Таким образом, слово имеет два варианта написания. Первый, более

⁵ И. А. Батманов. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946, стр. 32.

современный вариант, связан с тенденцией отождествления русского написания с киргизским; источником второго варианта служат русские толковые словари. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» это слово зафиксировано в двух вариантах: *джейлау* и *джайлау*⁶ (еще ранее в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона — «*джейлав* или *джейлау*»).

Написание слов с долгим *уу* также не отличается устойчивостью. Слово *куурдак*, например, пишется в двух вариантах: «Добавляй дровец, мой друг, есть казан для *куурдака*» (Н. Имшенецкий. «Сусамыр»); «... возьми в чыгдане *куурдак*, поешь» (М. Байджиев. «Тропа»); «И молоко давали, и свежую сметану, и *куардак*» (Т. Сыдыкбеков. «Люди наших дней»). Такие написания чаще всего встречаются в переводной литературе. В произведениях русских писателей это слово пишется в форме *кавардак*; так же зафиксирован этот тюркизм и в «Словаре Академии Российской» (1847 г.).

Написание слова *суу* 'вода' варьируется с *су*. Первый вариант встречается в художественной переводной литературе: «Срываются с болотистых *кара-суу* крикливые утки и несутся на поля, полные луж и озерков» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»). В географической литературе большее распространение получил второй вариант: «Такие речки очень извилисты. Они называются „*кара-су*”» (Б. Лунин. «Беседы по географии Киргизии»). Так же пишется этот компонент и в других гидронимах: *Сары-су*, *Ак-су* и т. п.

Для киргизского языка в большей степени, чем для других тюркских языков, характерен закон сингармонизма, что находит свое отражение и в киргизской орфографии. В связи с этим в русских текстах возникают большие затруднения в написании киргизских слов с гласными *и*, *ы* после шипящих и после заднеязычных *г*, *к*, *х*. Правила русской орфографии не допускают написания *И* после шипящих, тогда как киргизские слова типа *корбашы*, *кыякчы*, *манасчы*, *сыпайчы*, *чыгдан*, *шырдак* и другие требуют в соответствии с законами сингармонизма только такого написания. При графическом воспроизведении в русских текстах слов типа *джилик*, *мергенчи* правила русской орфографии не нарушаются.

По установившейся традиции слова с агентивным аффиксом *-чи* (*-чы*, *-чу*, *-чү*) в русском написании даются только в одном варианте: *азанчи*, *беркутчи*, *кыякчи*, *курбаши*, *манасчи*, *мергенчи*, *минбаши* и т. д. Обратимся к примерам.

«Какое же ты, *джалчи* ('батрак'), имеешь право мою перегораживать дорогу?» (К. Маликов. «Выбор имени»); «*Курбаши* ('начальник') тяжело дышал» (А. Токомбаев. «Раненое сердце»); «О силе, о славе поет *манасчи* (сказитель «Манаса») люди кругом сидят» (К. Маликов. «Вечер»); «Белая борзая *Айпара-мергенчи* ('охотничья собака, охотник') зарычала и даже залаяла было на Ишкыналы» (Н. Байтемиров. «Последний патрон»); «Эту историю часто рассказывал *сыпайчи* ('воин') Бекназар» (Ч. Айтматов. «Сыпайчи»).

Если шипящий в сочетании с гласным входит в состав корня слова, то в его графической передаче в русских текстах возникает разноречие; так, например, часто встречающееся слово *шырдак* ('орнаментированный войлок') пишется то с гласной *ы*, то с гласной *и*: «Трепетные багровые отблески огня выхватывали из полумглы то четкий орнамент *шыр-*

⁶ «Словарь современного русского литературного языка», т. 3. М.—Л., 1954, стр. 763.

дака, то яркий ситец и шелк сложенных горкой ватных одеял и подушек» (Ш. Бейшеналиев. «Путь к счастью»); «... разостлала в женской половине коврик-*шырдак* (Ш. Бейшеналиев. «Сын Сарбая»); «А мать уже хлопотала в доме, стелила на *шырдак* одно за другим одеяла» (А. Айтбаева. «Следы времени»); «Отец расстелил *шырдак*, приготовил постель и бережно уложил жену, а потом начал ставить юрту» (С. Шимеев. «Золотой ключ»).

По нашим подсчетам из двенадцати случаев в четырех пишется *шырдак*, в восьми — *ширдак*.

Русскому языку не свойственны сочетания *г, к, х* с гласным *ы*, и русским трудно произносить такие слова, как *кыргыз, кыргызчылык*, поэтому в русских текстах пишут и читают *киргиз, киргизчилик*.

Глубокозаднеязычные согласные *кэ* и *гэ* в киргизском языке требуют после себя гласного *ы*, что находит отражение в написании слов с этими согласными в киргизской орфографии, например: *акын* 'певец-импровизатор', 'поэт'; *ачкыл* 'напиток, изготовленный из дробленого ячменя', *кызыл аскер* 'красноармеец', *кызыл баш* 'вид диких уток', *кыз оюн* 'игра молодежи в жгут', *такыр* 'голое, без растительности место, покрытое глинистой коркой', *джаргылчак* 'ручная мельница, зернотерка'.

Так же пишутся указанные слова и в русских текстах, например: «Поет *акын* о радости своей» (К. Акаев. «Любовь и финиш»); «Он ел нехотя, выпил чашку холодного *ачкыла*» (Дж. Турусбеков. «Былое дело»); «Запах свежего хлеба и *ачкыла* приятно щекотал нос» (К. Баялинов. «Счастье»); «Другой раз ночами не спит: днем на работе, а с вечера садится за *джаргылчак*» (Ч. Айтматов. «Лицом к лицу»); «По ночам Сейде молола их (зерна) на *джаргылчаке*, пекла Исмаилу хлеб» (Там же); «Говори, собака, где рабочий отряд *кызыл-аскеро*в?» (А. Сальников. «Под небом Юга»); «... теперь он тоже *кызыл-аскер* — воин великой армии великого народа» (Н. Чекменев. «Семиречье»); «Токтогул становился желанным гостем на свадьбах, поминках, *кызоюнах*» (В. Виноградов. «Киргизская народная музыка»); «Ничто не росло и не жило на этих *такырах*, напоминавших дно высохшего моря» (Г. Тушкан. «Джура»).

Приведенные слова имеют стабильное, установившееся написание с гласной *ы*.

Слова *кыяк* 'музыкальный инструмент', *кыякчи* 'музыкант, играющий на этом инструменте' пишутся двояко: *кыяк, кыякчи* и *кияк, киякчи*: «*Кыяк* смеется, плачет, негодует, бранится, журчит и ласково ворчит» (В. Виноградов. «Киргизская народная музыка»); «Потом Джума вытащил из-под чапана *кыяк* и снова заиграл» (К. Джантошев. «Каныбек»); «Ого, там уже звенит *кыяк* — наш знаменитый инструмент!» (Т. Сыдыкбеков. «На трассе»); «... стал принимать участие в качестве *кыякчи*...» (В. Виноградов. «Киргизская народная музыка»); «В наши дни репертуар *комузчи* раньше и интенсивнее стал пополняться новыми произведениями на советскую тему, нежели репертуар *кыякчи*» (Там же). Но: «...будто заиграл *кияк*» (А. Токомбаев. «Сильнее смерти»); «Лучше послушаем *кияк*» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»); «Атай был известный в этом округе *комузист* и *киякчи*» (Т. Сыдыкбеков. Там же).

Зафиксированное в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» слово *кишлак* 'селение' имеет также различные варианты написания. Однако в местных русских текстах преобладает написание *кыштак*. Приведем примеры: «... спусться до русла реки, поворачивали к *кишлакам*» (Т. Сыдыкбеков. «Темир»); «Смывал с нагорий *кишлаки* неустойчивый вод разлив» (К. Маликов. «Текучая

вода»); Н. И. Имшенецкий, говоря об узбекских селениях, пишет *кишлак*, о киргизских — *кыштак*: «Брал золота у вас тогда я в меру, гуляя по узбекским *кишлакам*» (Н. И. Имшенецкий. «Сусамыр»); «Вырастут и *кыштаки* и села» (Там же).

У киргизских писателей и поэтов К. Акаева («Горная песня»), Н. Байтемирова («В одном совхозе», «Последний патрон»), Ш. Бейшеналиева («Путь к счастью», «Сын Сарбая»), Т. Сыдыкбекова («Люди наших дней», «Среди гор», «Ожидание»), А. Токомбаева («Мой Киргизстан»), А. Токтомушева («Наш кыштак»), Т. Уметалиева («Джангиджол»), Н. Чекменева («Семиречье») неизменно пишется *кыштак*. И это, по-видимому, более правильно, потому что соответствует написанию других родственных однокоренных слов, как, например, *кыштоо* 'зимовка, зимнее стойбище, зимнее пастбище, зимнее жилище', что важно для русских, изучающих киргизский язык⁷: устраняется необходимость осваивать слово в двух графических (а также и звуковых) вариантах.

Пестрым разнообразием характеризуется и написание слов с *й* в интервокальной позиции, например: *кийиз*, *кийик*. Здесь сталкиваются две тенденции: с одной стороны, стремление избежать отсутствующих в русском языке звуковых сочетаний и графических начертаний *-ийи-*, с другой — графически как можно точнее передать киргизское произношение. Наиболее наглядно эти тенденции прослеживаются в таких употребительных словах, как *ала-кийиз*, кирг. *ала-кийиз*; *туш-кийиз*, кирг. *туш-кийиз* 'богато украшенный войлочный или бархатный настенный ковер': «Сейде шла, опустив голову, и размышляла, как бы переправить Исмаилу большую кошму *ала-кийиз*» (Ч. Айтматов. «Лицом к лицу»); «В юрте на *ала-кийизе* постланы шелковые тюфячки, на белой скатерти возвышается поднос с пышными боорсоками, расставлены блюдечки с сахаром, конфетами» (Т. Абдумомунов. «Сваты»); «У нас таких *ала-кийизов* целых шесть» (М. Джангазиев. «Там, где теплый синий Иссык-Куль»).

Написание *туш-кийиз* встречается в трех вариантах: *тушкииз*, *тушкеиз*, *тушкийиз*. Расхождение касается также наличия или отсутствия дефиса, например: «Когда я развернула блестящий, вышитый разноцветными шелковыми нитками *тушкийиз*, все встали и с восхищением стали рассматривать подарок» (С. Сасыкбаев. «Жизнь старшей сестры»); «Джамиля вспомнила, что подобный *тушкеиз* недавно принес ей муж» (Т. Сыдыкбеков. «Темир»); «Оттого ли, что лучи солнца, падавшие на *туш-кийиз*, освещали девушку, или от волнения, лицо ее пылало ярким румянцем» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»).

Слово *киик*, кирг. *кийик* 'все раздельнокопытные дикие животные, кроме свиньи'⁸ пишется в русских текстах двояко: *киик* и *кийик*. «Пятки-то у тебя, смотри-ка, растрескались, стали похожи на копыта *киика*» (Ш. Бейшеналиев. «Сын Сарбая»); «Народ, словно *киики*, бежавшие от стрелы, начал прятаться в лесах, в горах, по речным берегам» (К. Джантошев. «Каныбек»); «*Кииков* тут и архаров табуны бегут в глуши» (Дж. Боконбаев. «Случай в ущелье»); «А *кийиков* ты видел, друг. — Как из ущелья прыгнул вдруг?» (А. Токомбаев. «Моя метрика»); «На другом берегу, на выступе скалы, вдруг появилась стайка *кийиков*» (К. Баялинов. «На берегах Иссык-Куля»).

Расхождение и непоследовательность можно видеть и в написании атрибутивных словосочетаний: ничем не оправдано написание через де-

⁷ Киргизский язык изучается русскими в Киргизии на филологических факультетах пединститутов и университета, а также в смешанных школах.

⁸ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 385.

фис таких сочетаний слов, как *ак калпак* 'белая шляпа', *ала кииз* 'орнаментированный войлок', *кок чай* 'зеленый чай', *тоо теке* 'горный козел', *кызыл аскер* 'красноармеец', *узун кулак* 'длинное ухо', то есть человек, осведомленный о всем происходящем', *темир комуз* 'варган', *ай балта* 'бердыш' и др. Написание подобных словосочетаний через дефис представляется необоснованным потому, что ни в русской, ни в киргизской орфографии не принято определение и определяемое слово писать через дефис. В киргизском языке подобные словосочетания, за редким исключением, пишутся раздельно.

Обратимся к примерам написания словосочетаний атрибутивного характера в русских текстах: «Аеткул быстро вскочил с постели, оделся, заткнул за пояс *ай-балта*» (К. Баялинов. «Ажар»); «Коней нам дарят, гостю — *ак-калпак*» (А. Токомбаев. «О думы, думы»); «Поодаль от лужайки собрались парни и девушки и под шум, хлопки в ладоши играли в национальную игру „*ак-чалмек*”» (Ш. Бейшеналиев. «Путь к счастью»); «Медведи охотятся и на илеков, *тау-теке* и архаров» (В. Лунин. «Беседы по географии Киргизии»); «Только замолкла она (песня), как послышался мелодичный шепот *темир-комуза*» (К. Баялинов. «Счастье»); «Возьми *темир-комуз*, сыграй „Плач верблюдицы”» (Ч. Айтматов. «Прощай, Гульсары»); «Благодаря услужливому *узун-кулак*, для нас приготовлен чай» (З. Рихтер. «Семафоры в пустыне»); «Большой *узун-кулак* не боится маленьких арыков» (Н. Чекменев. «Семиречье»); «Даже великолепные картины первомайских скачек и *аламан-байги* ('гандикап') оказываются подступами к основному — трудному, повседневному чабанскому подвигу» (Р. Шамурзина. «Испытание на прочность»); «Я вижу вновь озорником себя в руках с *су-мултыком* ('водяным ружьем')» (Дж. Боконбаев. «Ак-келин»).

Эта же неизвестно кем установленная традиция распространилась и на написание многих топонимов: *Джанги-Джол*, *Эркин-Сай* (названия селений); гидронимов: *Сары-челек* (озеро), *Кара-су* (речка) и др.; оронимов: *Ала-Тоо* и др., бывшие названия газеты «Советтик Кыргызстан» — «*Эркин-Тоо*», «*Кызыл-Киргизстан*» (в русских текстах).

В то же время ряд подобных словосочетаний необоснованно пишется слитно, тогда как в киргизском языке они представляют собой два слова: *акбаш*, кирг. *ак баш* 'мокрец': «Я — старый скотовод, знаю — *акбаш* в этом случае неизлечим» (Т. Сыдыкбеков. «Люди наших дней»); *аючач*, кирг. *аю чач* 'прангос' (растение, употребляемое против чесотки у животных); «Кто знает, в чем тут секрет: в лекарском ли искусстве Джумы, в чудодейственном ли свойстве *аючача*...» (К. Джантошев. «Каныбек»); *джарымболуш*, кирг. *жарым болуш* 'председатель аульного исполкома': «Он даже *джарымболуша* держит в страхе» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»); *джелбоо*, кирг. *жел боо* 'веревки, идущие от тюндюка вниз и служащие для укрепления юрты во время ветра': «На меня, упрямая, взгляни ты, нет *джелбоо* у меня на шее» (С. Эралиев. «Спор»); *марал-кулак*, кирг. *марал кулак* 'чемерица': «Это трава *маралкулак*, она удаляет из раны гной и помогает быстрее заживать» (К. Джантошев. «Каныбек»); *минбашы*, кирг. *мин. башы* 'ист. тысяцкий, южн. волостной управитель': «В таком случае я покоряюсь вам, *минбашы-аке*» (Там же); *тайтуяк*, кирг. *тай туяк* 'пастушеская обувь на конских копытах': «Здесь я, *тайтуяк* надев на ноги, байские стада овец гонял» (А. Токомбаев. «Это Ленин дал счастье народу»); *эркебала*, кирг. *эрке бала* 'балованный ребенок': «Вставай, *эркебала*, приказывай Иманбаю и Турду» (Т. Сыдыкбеков. «Среди гор»).

Слитное написание данных словосочетаний, видимо, объясняется правилами правописания сложных слов (существительных) в русском языке.

Некоторые атрибутивные словосочетания в русском тексте пишутся так же, как и в киргизском языке, то есть раздельно, в два слова: *бото кез*, кирг. *бото көз* 'большие карие томные глаза': «Он смотрел в глаза мне, называя их прекрасным словом *бото кез*» (Н. Имшенецкий. «Сусамыр»); *Тогуз коргоол*, кирг. *тогуз коргоол* 'сложная киргизская настольная игра, отдаленно напоминающая шахматы': «Два старика, увлеченные игрой в *тогуз коргоол*, отложили игру» (К. Баялинов. «На берегах Иссык-Куля»).

Правописание подобных словосочетаний не так уж трудно регламентировать и привести к единству.

Большие расхождения наблюдаются в написании слов *дасторкон* 'скатерть, стол с яствами' и *элик* 'косуля'.

Вариант *дасторкон* встречается в переводах произведений Н. Байтемирова («Сам виноват», «Последний патрон»), К. Джантошева («Каныбек»), Т. Сыдыкбекова («Среди гор»), Ч. Айтматова («Тополек мой в красной косынке»). Вариант *дастархан* характерен для переводов К. Осмоналиева («Пережитое»), С. Сасыкбаева («Весна в Сулукте»), А. Токтомушева («Радость Орокбая»), С. Токтосунова («Отец»), С. Эралиева («Поэма о любви»). Существует и третий вариант — *достархан*: «Когда гости вернулись в юрту, женщины успели разостлать длинную праздничную скатерть-*достархан*» (Ш. Бейшеналиев. «Путь к счастью»); «Был хозяином *достархан* на цветочный постлан ковер» (К. Маликов. «В Ак-суйской стороне»).

Разнобой в написании слова *дасторкон* объясняется, во-первых, тем, что в самом киргизском языке оно существует в двух вариантах: *дасторкон* и *дастаркан*, во-вторых, русским языком освоен аналог этого слова также из казахского и других тюркских языков Средней Азии. Воспринятое главным образом в переносном значении «праздничная скатерть, стол с яствами», это слово очень употребительно в переводах киргизских писателей и поэтому также требует унификации написания. Представляется более целесообразным писать его в соответствии с киргизским написанием, что не противоречит правилам русской орфографии: *дасторкон*.

Слово *элик* 'косуля', имея стабильное написание в переводных художественных произведениях, в сочинениях по географии (при описании фауны Киргизии), по непонятным причинам приобрело вариантное написание: «А помнишь, как он взял *элика*?» (Н. Байтемиров. «После дождя»). Здесь полное совпадение с киргизским аналогом; но: «Участки еловых лесов и заросли кустарников... служат местопребыванием многочисленных косуль (*иликов*)» (М. Картавов. «Фрунзенская область»); «А вот семья *илека*: самец, самка, детеныши» (Б. Лунин. «Беседы по географии Киргизии»).

Таким образом, на графическое оформление киргизских слов в русских текстах (оригинальных и переводных) воздействуют следующие факторы:

1) правописание этих слов в киргизском языке (орфография базируется в основном на фонетическом принципе);

2) русские орфографические правила, в частности написание *и* после заднеязычных и шипящих (хотя и малоустойчивое для киргизских слов), оформление киргизского слова в соответствии с русским слогостроением и др.;

3) многовековая традиция написания в русском языке древних тюркских заимствований из татарского и других языков (*аргамак*, *арба* и т. п.), а также относительно новых — из языков других народов Средней Азии и казахского.

Писатели, поэты и переводчики не регламентируют орфографию и не могут нести ответственности за написание тех или иных слов даже в авторизованных переводах. Отсутствие соответствующих справочников или каких-либо пособий по орфографии киргизских слов⁹ не позволяет возложить эту задачу на работников издательств.

Поэтому, как нам кажется, было бы целесообразным поручить авторитетной комиссии, включающей представителей Союза писателей Киргизии и языковедов республики, упорядочить и унифицировать написание киргизских слов в русских текстах и на этой основе выпустить соответствующий справочник для редакций и издательств. Возможно, аналогичная работа была бы небесполезной и для ряда других тюркоязычных республик.

⁹ Имеющийся «Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии» З. С. Шеломенцевой (Фрунзе, 1971) проблем орфографии киргизских слов в русских текстах не решает, к тому же он неполон (нет, например, слова *досторкан* и некоторых других), отсутствуют в нем также и ономастические наименования.

А. М. АСЛАНОВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОГО СОГЛАСОВАНИЯ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Развитие языка в лингвистике рассматривается с точки зрения его внутривидовых и функциональных изменений. Причем оба эти аспекта взаимосвязаны¹. Перемены в структуре языка обуславливаются не только законами его внутреннего развития, подчас они возникают под воздействием внешних факторов. «Внешняя среда на него (на язык. — А. А.) воздействует, — пишет Б. А. Серебренников, — и оставляет довольно ощутимые следы в самых различных его сферах»². Принимая имманентное развитие за основу, Б. Гавранек пишет, что существует внешняя мотивированность языкового развития, и здесь иноязычное влияние является одним из важнейших факторов³.

Синтаксический уровень языка сравнительно легко подвергается иноструктурному влиянию, уступая в этом отношении только лексике. Языковые контакты способствуют росту типологических сближений и сокращению генетически общих элементов, особенно в синтаксисе.

Хотя тюркские и кавказские языки ставятся в единый (агглютинативный) типологический ярус, в системе их синтаксиса все же имеются изоморфные и алломорфные черты. В этом сообщении мы коснемся лишь одного явления, наблюдаемого в ряде дагестанских языков, возникшего, на наш взгляд, под влиянием азербайджанского языка и находящегося в стадии становления.

Согласование подлежащего со сказуемым в азербайджанском языке имеет твердую основу и представлено сравнительно шире, чем в дагестанских языках. В азербайджанском языке сказуемое с подлежащим согласуется в лице и числе. При этом согласование в лице соблюдается более последовательно⁴. В аварском и цахурском же языках сказуемое с подлежащим согласуется в классе и числе, причем классное согласование является главенствующим. Таким образом, личное согласование, отсутствующее в аварском и цахурском языках, образует, так сказать, «пустую клетку», которая, естественно, должна заполниться. Вместе с тем

¹ Ю. Д. Дешериев. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики. — В сб.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 77.

² Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 11.

³ Б. Гавранек. К проблематике смешения языков. — В сб.: «Новое в лингвистике». Вып. 6. М., 1972, стр. 95.

⁴ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 212—213.

классное согласование оказывает соответствующее «сопротивление» влиянию азербайджанского языка. Итак, при напластовании различных структур возникают точки сопротивления. Ожидаемый результат следующий: личное согласование должно вытеснить классное и со временем занять его место.

И на самом деле, в некоторых дагестанских языках в настоящее время наблюдается тенденция к формированию личного согласования, связанного с категорией личного спряжения. Этот процесс еще не дошел до завершающей стадии⁵. Аварскому и цахурскому языкам личное согласование вообще чуждо, однако в отличие от дагестанских диалектов этих языков в их закатальских диалектах отмечаются зачатки личного согласования:

dun verov	'я пришел'
mun veri	'ты пришел'
dav veri	'он пришел'
dun vortlov	'я упал'
mun vorta	'ты упал'
dav vorta	'он упал'
dun vavilov	'я дрался'
mun vavila	'ты дрался'
dav vavila	'он дрался'

Наличию показателей класса и числа в первом лице противопоставлено их отсутствие во втором и третьем лице⁶. Заслуживает внимания особенность образования глагольных форм и в цахурском языке. В ряде случаев второе и третье лицо единственного числа противопоставляются первому лицу, в котором отсутствует классный показатель:

zy ejhi	'я говорю',
yu ejhi vod	'ты говоришь',
šenqve ejhi vod	'он говорит'.

Е. Ф. Джейранишвили указывает, что данная особенность цахурского языка свидетельствует, с одной стороны, об утере категории грамматического класса, а с другой — о появлении категории лица⁷.

Возникновение личного согласования сказуемого с подлежащим в дагестанских языках — факт неопровержимый. Вместе с тем нельзя не видеть различия в способах образования данной категории в иберийско-кавказских языках вообще и в дагестанских в частности. Эти различия тесно связаны с внутренними и внешними факторами. В одних языках возникновение указанного согласования является следствием имманентного развития, в других — результатом воздействия внешних факторов. Для наглядности сравним инновации двух порядков:

Лакский

bivkɾa	'я была' (девушка),	dirkɾa	'я была' (женщина)
bivkunna (bivkunra)			'ты был'
bivkunni (bivkunri)			'он был'

⁵ Г. В. Топуриа. Об одной возможности перехода классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. — «Иберийско-кавказское языкознание». Вып. 13. Тбилиси, 1962, стр. 66—67; С. М. Хайдаков. К вопросу о происхождении личного спряжения в дагестанских языках. — «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 87—91.

⁶ А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949, стр. 18.

⁷ Е. Ф. Джейранишвили. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках. — «Иберийско-кавказское языкознание». Вып. 5. Тбилиси, 1953, стр. 471.

Даргинский

livra	'я есть' (мужч.)
livri	'ты есть'
liv	'он есть' ⁸ .

При сравнении личных местоимений с показателями лиц сказуемого выясняется, что в формальном отношении между ними нет ничего общего. Например:

Личные местоимения							Аффиксы лица		
Аварские	dun	‘я’,	mun	‘ты’,	dav	‘он’	-ov,	-i,	-la,
Лакские	па	‘я’,	ина	‘ты’,			-га,		
Даргинские	пи	‘я’,	хи	‘ты’,	it	‘он’	-га,		-ги.

В удинском языке процесс перехода классного спряжения в личное уже завершился: *buzu* 'я есть', *bupu* 'ты есть', *bune* 'он есть'⁹. Формирование личного спряжения в удинском языке пошло по иному пути, то есть сказуемое (глагол) согласуется с подлежащим аналогично такому же согласованию в азербайджанском языке. Аффиксы *-zu*, *-pu*, добавляющиеся к удинскому вспомогательному глаголу *bi* 'есть', представляют собой местоимения первого и второго лица единственного числа (*zu* 'я', *pu* 'ты'). Сопоставим:

Удинское	Азербайджанское
<i>zu buzu</i>	<i>mān varam</i> 'я есть',
<i>pu bupu</i>	<i>sān varsan</i> 'ты есть',
<i>šeno bune</i>	<i>o var</i> 'он есть'.

И в табасаранском языке аффиксы спрягаемого глагола восходят к местоимениям¹⁰.

Табасаранское	Азербайджанское
<i>uzu vuza</i>	<i>mān varam</i> 'я есть',
<i>uvu vuva</i>	<i>sān varsan</i> 'ты есть',
<i>dumu vu</i>	<i>o var</i> 'он есть'.

Любопытно, что отсутствие формантов 3-го лица единственного числа в табасаранском, а также в даргинском языке и нулевое оформление его адекватно азербайджанской модели сказуемого 3-го лица.

Черты перехода классного согласования сказуемого с подлежащим в личное согласование наблюдаются и в цахурском языке. Часто отрицательная связка *deš* 'нет' и эпизодически сказуемое (глагол) оформляются личными аффиксами: *zu deš zu* 'я не буду' (букв. 'я нет я'), *puhesup pu* 'ты скажешь', (букв. 'ты скажешь ты'), *šu inapiš vixe šu* 'вы поверьте' (букв. 'вы поверьте вы'). Если подлежащее стоит в третьем лице единственного числа, то сказуемое с ним не согласуется в лице и имеет нулевой аффикс: *šepqe eheshup* 'он скажет', *šena dešda* 'его нет'. Аффиксы, прибавляющиеся к сказуемым, являются местоимениями: *zu* 'я', *pu* 'ты', *šu* 'вы'.

⁸ Г. В. Топурия. Указ. раб., стр. 66.

⁹ Г. В. Топурия. Указ. раб.; Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1966, стр. 55.

¹⁰ С. М. Хайдаков. Указ. раб., стр. 91.

Встречаются и такие сказуемые, как ehesunpu 'скажешь', deşzy 'не буду', inamişvixeşu 'поверьте', аналогичные азербайджанским deǰǰāksān, joxam, inapup, которые, по-видимому, возникли в связи с необходимостью избежать плеоназм. В цахурском языке в настоящее время происходит процесс деградации классного согласования. Все более усиливается личное согласование. *Verba infinitum* приобретает личные окончания.

Образование цахурских сказуемых типа: oxpejin 'ешьте', aletejin 'возьмите', he'ejin 'делайте' восходит, по нашему мнению, к аналогичным азербайджанским сказуемым, выражаемым глаголами повелительного наклонения второго лица: jejin, alup, edin. Параллельное употребление oxpe—oxpejin, se'e—se'ejin 'соберите' указывает на исконность первых и вторичность последующих форм. Такая форма повелительного наклонения довольно часто приводилась и в цахурских учебниках, выпущенных в тридцатые годы: Solni va saṇpi suralin žumlebi xadxejin 'Прочтите предложения, которые (находятся) слева и справа'. Saṇpi suralin žumleby oxpejin 'Перепишите предложения, которые (находятся) справа'¹¹.

Как видим, категория спряжения глагола (и соответственно согласования субъекта с предикатом в лице) в дагестанских языках имеет различные модификации. Удинское, табасаранское и цахурское согласование перенимает модель азербайджанского и вообще тюркского согласования. Повторение личного местоимения в ауслауте сказуемого, бесспорно, связано с аналогичным явлением в азербайджанском языке, так как в тюркских языках форманты сказуемости по своему происхождению восходят к личным местоимениям. И в древних и в современных тюркских языках личные местоимения используются в качестве аффиксов сказуемости. Словом, личная форма глагола обладает предикативностью:

Men student men 'я — студент'. Biz pioner biz 'мы — пионеры'.
Men nogaj men 'я — боец'. Men kolhozçimen 'я — колхозник'¹².

На переход классного согласования в личное в дагестанских языках, как уже отмечалось, указывают многие авторы. Однако некоторые из них дают морфологическую интерпретацию этого явления, то есть квалифицируют его как морфологическую категорию. Нам кажется, что в данном случае речь может идти лишь о синтаксисе, ибо в своих истоках это явление может быть характеризовано как синтаксическая категория, особенно в языках лезгинской подгруппы. Историю развития и формирования указанной категории мы представляем следующим образом: связи bu (удинск.), vu (табас.) употреблялись только в сочетании с местоимением лица zu bu, uzu vu 'я есть', а в дальнейшем zu buzu, uzu vuzu букв. 'я есть я'. Со временем местоимения лица, оказавшись лишними, отпали и утвердились более экономные формы buzu, bupu (удин.), vuza, vuvu (табас.). Развитие согласования шло от аналитизма к синтетизму: šu inamiş vixe šu → inamiş vixe šu → inamişvixeşu 'поверьте' (цахурское).

Отметим также, что в дагестанских языках существовала необходимость согласования в лице. Поэтому такое согласование должно было

¹¹ С. А. Джафаров. Учебник по цахурскому языку для первого и второго классов. Баку, 1936, стр. 42 (на цахур. языке).

¹² Н. З. Гаджиева. Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках? — «Советская тюркология», 1971, № 5, стр. 4.

рано или поздно возникнуть и без азербайджанского влияния. Здесь нельзя говорить о строгой системе; так, например, в лезгинском языке, испытавшем немалое влияние азербайджанского языка, указанное согласование встречается лишь в единичных случаях¹³.

Образование в дагестанских языках согласования в лице сказуемого с подлежащим по типу тюркских следует считать вторичным явлением, возникшим во многом благодаря языковым контактам. Здесь налицо бесспорное влияние азербайджанского языка, распространившееся на все уровни языков лезгинской подгруппы, особенно бесписьменных. Нам кажется, было бы наиболее правильным рассматривать данное явление как результат синтеза внутреннего и внешнего факторов.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в синтаксисе имеются как устойчивые, так и неустойчивые звенья, и поэтому синтаксис в целом не следует считать неизменяемым уровнем.

¹³ У. А. Мейланова. Лезгинский язык. — «Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки». М., 1967, стр. 539.

ОНОМАСТИКА

Дж. ЛАТЫПОВ.

ЭТНОТОПОНИМЫ МАРГИЛАНА

Этнотопонимы, то есть географические названия, образованные от этнических наименований, встречаются у всех народов нашей страны¹. Конечно, в топонимии того или иного региона находят отражение не все этнонимы данной территории, однако в составе географических названий могут сохраниться древнейшие этнические имена, давно забытые потомками их носителей.

Поэтому этнотопонимы представляют собой ценный фактический материал для изучения этногенеза населения той или иной территории. Исследование закономерностей перехода этнических имен в наименования географических объектов могут помочь в установлении некоторых характерных особенностей жизни, быта и языка племен и народов, населявших данную территорию в далеком историческом прошлом.

Так, изучение этнотопонимов Узбекистана, в частности Маргилана, представляет ценный материал, отражающий историю формирования узбекского народа и его языка.

В большей части Средней Азии, в том числе и на территории нынешнего Узбекистана, в глубокой древности обитали ираноязычные племена и народности, к которым в последующем присоединились тюркоязычные этнические объединения. В результате постепенной взаимной ассимиляции произошло слияние иранских и тюркских народностей, при этом в языковом отношении доминирующими оказались тюркские элементы.

Успешность исследования этнотопонимов определенного региона во многом зависит от уровня и качества накопленного этнонимического материала. Изучение родоплеменных названий тюркских народов, в частности узбекского, во многом обязано историкам и лингвистам: В. В. Бартольд, В. В. Радлову, Н. Ф. Катанову, Н. А. Аристову, И. И. Зарубину, В. В. Григорьеву, А. Ю. Якубовскому, А. Д. Гребенкину, И. З. Халикову, А. П. Хорошкину, В. М. Вяткину, Л. П. Потапову и др.

В последнее время по узбекской этнонимии был опубликован ряд исследований, в том числе работы Х. Даниярова и С. С. Губаевой², которыми теперь широко пользуются специалисты по топонимии Узбеки-

¹ А. П. Дульзон. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. — «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960; Н. А. Баскаков. Родоплеменные названия в топонимии южной Молдавии. — «Топонимия Востока». М., 1964.

² Х. Дониёров. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент, 1968; С. С. Губаева. Этнонимы в топонимии Ферганской долины. Автореф. канд. дисс. М., 1973.

стана. Большой интерес представляют также диссертационные работы Т. Нафасова, С. Караева, Т. Рахматова, посвященные анализу многочисленных тюркских и частично нетюркских этнонимов, входящих в состав топонимов. По данным кашкадарьинского лингвиста Т. Нафасова, на территории Кашкадарьинской области существует свыше четырехсот наименований географических объектов, восходящих к названиям народов, племен, родов, родовых подразделений, некогда здесь обитавших³.

Т. Рахматов дает подробную историко-лингвистическую характеристику примерно двух сотен топонимов, составной частью которых являются этнические наименования⁴.

Эти и аналогичные факты свидетельствуют о том, что многие тюркские этнические названия стали составной частью ныне употребляющихся географических названий. Характерно и то, что сотни этнических имен бытуют в самых различных говорах узбекского языка. Так, например, С. Караев отмечает, что согласно исследованию, проведенному К. Шаниязовым, только один узбекский род *Könpirat* включает в себя около пятисот родовых подразделений.

Согласно установленным С. Караевым статистическим данным по топонимии Узбекистана, от 10 до 30% названий узбекских населенных пунктов представляют собой этнотопонимы⁵.

Обилие этнотопонимов в Ферганской топонимии подтверждается и данными С. С. Губаевой. В частности, она пишет: «Анализ топонимии Ферганской долины показал, что здесь, как и во многих других районах с тюркоязычным населением (не только в Средней Азии, но и за ее пределами), количество их (этнотопонимов. — Дж. Л.) доходит до 30—50%, в других местах их меньше — всего 10—11%. Такое неравномерное распределение этнотопонимов объясняется составом населения рассматриваемых районов. В тех районах, где основное население составляют недавние кочевники или полукочевники, названий, образованных из этнонимов, больше, в тех же районах, где в основном издавна живет оседлое население, давно утратившее родоплеменное деление, подобных топонимов меньше. Это можно объяснить тем, что для бывших кочевников и полукочевников был характерен родоплеменной принцип расселения»⁶.

На территории Ферганской долины в прошлом жили потомки таких тюркских племен и родов, как *Kāḡyālī* 'ворона, с вороной', *Tōrt* 'четыре', *Ajūig* 'жеребец', *Akbora* 'белый верблюд', *Bālikči* 'рыбак, рыбаки', *Tujāči* 'погонщик верблюдов', *Baltāli* 'топор, с топором', *Bešbalā* 'пять детей', *Kājčili* 'ножницы, с ножницами', *Učujli* 'состоящий из трех домов', *Kirčak*, *Türk*, *Sāraj*, *Kenāgās*, *Ming*, *Juz*, *Pārčājuz*, *Mārkā*, *Mānyit*, *Kirk*, *Könpirat*, *Dorṡan*, *Kātāyon*, вошедшие ныне в состав узбекской национальности. Именно эти этнонимы и встречаются в составе топонимов Ферганской долины.

Так как этнотопонимы возникают «... из уже готовых этнонимов»⁷, изучение их не ограничивается только историко-этнографическими методами. Этнические имена, как фактор языка, возникали в различные эпохи и создавались различными как тюркскими, так и нетюркскими народ-

³ Т. Нафасов. Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 27.

⁴ Т. Рахматов. Топонимы Самарканда и его окрестностей. Автореф. канд. дисс. М., 1973, стр. 21.

⁵ С. Караев. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 20.

⁶ С. С. Губаева. Указ. раб., стр. 9.

⁷ Там же, стр. 8.

ностями и племенами. В топонимию они привносились также разными народами, для выявления которых необходим лингвистический анализ. Таким образом, чтобы определить языковую принадлежность, этимологию, семантику, структуру, закономерности образования и другие особенности этнотопонимов, необходимо обратиться к лингвистическим методам исследования.

Настоящее сообщение ставит целью дать по материалам топонимии г. Маргилана и его окрестностей краткую семантическую и грамматическую характеристику этнотопонимов данного региона.

Город Маргилан с окрестными его районами как по населению, так и по своему экономическому значению представляет собой ядро Ферганской области. Собранный нами топонимический материал (из исторических источников, периодики, а также непосредственно у населения) показывает, что в топонимии Маргилана немало географических названий, образованных от этнонимов. В настоящее время нами выявлено свыше 140 этнотопонимов Маргилана, которые по функциональным особенностям могут быть подразделены на две большие группы:

- а) непосредственно восходящие к уже известным этнонимам;
- б) опосредствованно указывающие на их образование от этнических наименований. Здесь главным признаком выступают конечные элементы топонимов, в полном соответствии с типичными моделями этнотопонимов.

Первая группа этнотопонимов, в свою очередь, подразделяется на: а) этнотопонимы, в основе которых лежат названия различных народов и национальностей, например: *Agābguzār* 'квартал арабов', *Agābmazar* 'кладбище арабов', *Tožikkočā* 'улица таджиков', *Ozbekmāhällā* 'квартал узбеков', *Lolimāhällā* 'квартал цыган', *Tažikkišlak* 'кишлак таджиков', *Kirγizlār* 'киргизы', *Kālmaklār* 'калмыки', *Türklār* 'тюрки', *Kāškārmāhällā* 'квартал кашгаров'; б) этнотопонимы, основу которых составляют названия тюркских родов и племен. Таких названий, по сравнению с другими группами этнотопонимов, больше, например: *Kirčakarik* 'речка кипчаков', *Sārajarik* 'арык сароев', *Kijat*, *Nājmān*, *Kātāyan*, *Jav* (*Jabu*), *Bāhrin*, *Kōnγirat*, *Kānγirγa* (*Haγziγā*)⁸, *Aksāri* букв. 'бело-желтый', *Kārçiγāj*.

Как видно из приведенных примеров, этнонимы в данном случае стали собственными именами либо при отсутствии служебных формантов, либо — в сочетании с географическими терминами. Возможно, что этнотопонимы, представляющие собой простые производные топонимы, первоначально возникли как словосочетания типа *Agāblārning guzāgi* 'квартал арабов', *Nājmānlārning kišlayi* 'кишлак найманов' или *Tažiklār jāšājdig'ān māhällā* 'квартал, в котором живут таджики' и т. п. В дальнейшем в результате частого употребления вторые компоненты — номенклатурные термины постепенно выпадали, что в конечном итоге приводило к полной топонимизации этих названий.

Вторая группа этнотопонимов — это образовавшиеся с помощью морфологических элементов, таких, как *-li*, *-lik*, *-lar*, и со словом *Top* (*i*) 'род, группа кого-то'. Следует отметить, что лингвистические особенности и модели образования как этнонимов, так и этнотопонимов узбекского языка еще полностью не изучены. Поэтому порой трудно определить значение некоторых топонимов, хотя они восходят к этимологически прозрачным словам и морфологическим элементам. Этнографиче-

⁸ Х. Дониёров. Указ. раб., стр. 81.

ские и топонимические исследования последних лет показали, что в образовании этнонимов активная роль принадлежит таким морфологическим элементам, как *-li*, *-lik*, *-lar*, а также слову *Top(i)*. С помощью этих служебных формантов были созданы многочисленные имена мелких родовых подразделений тюркских народов, в том числе и узбеков; например: *Alpli*, *Badrakli*, *Bajmakli*, *Ilanli* 'со змеей, имеющий змею', *Iḡrakli*, *Koḡpāli*, *Abakli*, *Ak ujlī* 'имеющий белый дом', *Pillākāšlār* 'коконмотальщики, шелкомотальщики', *Hastālār*, *Jartilār*, *Pärčälār*, *Kišliklār*, *Qarā bujruklār*, *Qarāhonijlār* 'караханиды', *Šadman topi* 'группа Шадмана', *Šadi topi* 'группа Шади', *Jāšiṡ topi* 'группа Яшига', *Kazak topi* 'группа Казаха' и др. Подобные этнонимы топонимизировались без изменения, причем всегда означали названия населенных пунктов.

Показатель множественности *-lar*, слово *Top(i)* в топонимии всегда обозначают этнические и социальные группы, а также группы людей по профессии. Топонимы же с аффиксами *-li*, *-lik* не всегда обозначают такие группы; например: *Terākli* 'с тополями', *Almāli* 'с яблонями, имеющий яблоки', *Terālik* 'холм' и т. п. Чтобы отличать этнотопонимы от других названий с указанными аффиксами, следует обратиться как к семантике основ данных названий, так и к выяснению объектов, наименованиями которых они являются; например, в основе таких названий, как *Atālik*, *Todālik*, *Comičli*, *Balyāli*, лежат слова, обозначающие буквально 'отец', 'группа', 'черпак', 'топор', вообще не характеризующие гидрографические или орфографические объекты. Следовательно, топонимы последнего типа должны быть отделены от этнотопонимов. Следует отметить, что эти топонимы являются названиями населенных пунктов и часто встречаются также и на других территориях Узбекистана.

Есть еще группа названий — комонимы на *-lik*, обозначающие переселенцев или выходцев из тех или иных населенных пунктов или местностей, например: *Kokanlik* 'кокандец', *Zārkentlik* 'заркентец', *Taylik* 'горец', *Taškentlik* 'ташкентец', *Kāškārlik* 'кашкарец' и др. Комонимы тоже могут быть включены в группу этнотопонимов.

На исследуемой территории очень редки этнотопонимы, оформленные аффиксами *-li*, *-lik*, и довольно распространены с аффиксами *-lar*, *-an (jan)* (таджикско-персидский аффикс множественности), а также со словом *Top(i)*.

Топонимы с аффиксами *-lar*: *Taškilār*, *Beklār*, *mājdan* 'площадь бека', *Türklār* 'тюрки', *Sārtlār* 'сарты', *Kičik Hokizlār* 'маленькие волы', *Qatta Hokizlār* 'большие волы', *Zinnilār* 'сумасшедшие', *Bāngilār* 'наркоманы', *Bākālār* 'лягушки', *Kosālār* 'безбородые', *Tākālār* 'козлы', *Kālmōklār* 'калмыки'.

Как отмечает С. С. Губаева, топонимы с аффиксами *-an (jan)* связаны с этнотопонимами, которые в свою очередь указывают на обитание иранских этнических групп в Ферганской долине⁹. Поэтому существующие в топонимии Маргилана такие названия, как *Šiṡāman*, *Čuvurṡan*, *Qazijan* 'кази, судьи', *Gāston*, *Besāgan*, *Hoṡāman* 'хаджи', *Rāmādan*, *Zohidan* 'евреи', *Kasāgāgan* 'гончары', *Zārgāgan* 'ювелиры', можно отнести к этнотопонимам.

Этнотопонимы занимают значительное место в топонимии, однако определить их связь с этнонимами и объяснить существующую между ними зависимость не всегда удается.

Среди наименований узбекских родов встречаются такие этнонимы, как *Bostan*, *Gālā* 'группа, стая, свора, толпа', *Gālāmuš*, *Ijārči*, *Polātči*

⁹ С. С. Губаева. Указ. раб., стр. 12.

‘сталелитейщик, кузнец’, *Tujäči* ‘погонщик верблюдов’, *Jälängajak* ‘босоногий, босоногие’, *Jälänpaş* ‘голый, голые’, *Ogta juz* ‘средний юз’, *Kizil baş* ‘красная голова’, *Qarā sijak*. По нашему мнению, приводимые ниже топонимы Маргилана образованы по аналогичной модели: *Bostan Bakaj*, *Devanā* ‘юродивый, сумасшедший’, *Gälätaj*, *Gälähumdan*, *Bäjtäl-či*, *Čuväläči*, *Ček šorā*, *Ziltin*, *Nanjemäs*, *Jukari okči*, *Quji okči*, *Käläči*, *Qarā sakal* ‘черная борода’, *Qarā kältäk* ‘черная палка’, *Aläkärqä* ‘серая ворона’ и другие.

На основании изложенного можно заключить, что большая часть этнотопонимов Маргилана и вообще Ферганской области возникла от этнических наименований, а топонимы, оформленные аффиксами *-li*, *-lik*, *-lag* и со словом *Top(i)*, если они являются комонимами, образованы от этнических имен.

Б. М. УЛАКОВ

К ВОПРОСУ О БАЛКАРСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Изучением балкарской антропонимии никто до сих пор специально не занимался¹. В данной статье делается попытка сгруппировать балкарские личные имена по семантическому признаку. Исходя из этого принципа, балкарские антропонимы можно подразделить на личные имена, восходящие: 1) к названиям планет солнечной системы; 2) к названиям и обозначениям цвета или того или иного качества; 3) к названиям предметов быта и хозяйственной деятельности; 4) к понятиям, выражающим отношение родителей к их ребенку; 5) к географическим названиям; 6) к названиям драгоценных камней и металлов; 7) к словам, обозначающим общественное положение; 8) к наименованиям домашних животных, диких зверей, птиц, растений, плодов и ягод; 9) к терминологии мусульманского лунного календаря.

Личные имена, восходящие к названиям планет солнечной системы, возникшие непосредственно под влиянием культов Тенгри (у балкарцев и карачаевцев «небесный бог»), солнца, луны, гор и рек, могут быть, в свою очередь, подразделены на две следующие подгруппы:

а) имена, восходящие к названиям явлений природы: с компонентом *aj* 'луна' — *Ajxan* (от *aj* 'луна' + *xan* 'хан, ханша' + *u* — аффикс притяжательности первого лица единственного числа, то есть 'моя лунная ханша, царица'); *Ajžajak* (от *aj* 'луна' + *žajak* 'щека', то есть 'луннощекая'); *Ajmölek* (от *aj* 'луна' + *mölek* 'ангел', то есть 'лунный ангел'); *Totaj* (от *tot* 'ржавчина, пятно; покрытый ржавчиной' + *aj* 'луна', то есть 'пятнистая луна'); имена с компонентом *tau* 'гора' — *Taulan* 'сын горы' (от *tau* 'гора' + *ulan* 'парень, сын'), то есть здесь по закону элизии гласный *u* первого компонента выпал перед таким же первым гласным второго компонента. Аналогичные явления часто можно наблюдать и в живой разговорной речи². *Taubij* 'горный князь' (от *tau* 'гора' + *bij* 'князь, властитель'); *Taulu* 'горец' (от *tau* 'гора' + *lu* — один из вариантов аффикса — *ly*). Этот аффикс в карачаево-балкарском языке «служит для образования имен существительных — названий лиц, связанных с гражданством, рождением, постоянным жительством»³. Сюда же относятся имена *Zulduz* 'звезда'; *Zulduzhan* 'звездная царица' (от *zulduz* 'звезда' + *xan* 'ханша, царица');

¹ А. Х. Соттаев дал небольшой перечень балкарских собственных имен. См.: «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965, стр. 138—150.

² А. М. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968, стр. 49—51.

³ А. Ю. Бозиев. Словообразование имен существительных, прилагательных, наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, стр. 7.

б) имена, восходящие к названиям языческих богов: в далеком прошлом балкарцы, сбивая масло, обычно пели песню *Dolaj*⁴ в честь бога изобилия, и это имя вошло в балкарскую антропонию. Об этимологии весьма редко встречающегося балкарского имени *Daule*, к сожалению, пока еще сказать что-либо определенное затруднительно. Другое мужское имя *Сорра* восходит непосредственно к поре язычества. У балкарцев существовал обряд, совершаемый над жертвой грозового удара: «Балкарцы связывали этот обряд с легендарным богатырским племенем нартов. По преданию нартов, когда кого-либо поражала молния, пели всегда какую-то песню Чоппа»⁵.

Большое место в балкарской и карачаевской антропонимии занимают имена описательного характера. Эти имена в какой-то степени призваны характеризовать те или иные признаки или качества их носителей и могут быть как женскими, так и мужскими: *Kaġabij* 'черный (смуглый) князь' (от *kaġa* 'черный' + *bij* 'князь, правитель'); *K'ök'k'öz* 'голубоглазый' (от *k'ök* 'голубой, синий' + *k'öz* 'глаз'); *Kaġabaš* 'черноголовый' (от *kaġa* 'черный' + *baš* 'голова'); *Temirbaš* 'железноголовый' (от *temir* 'железо' + *baš* 'голова'); *Buzžigit* 'ледяной (хладнокровный) парень' (от *buz* 'лед' + *žigit* 'молодой и храбрый парень'). Женские имена: *Kaġašač* 'черноволосая' (от *kaġa* 'черный' + *šač* 'волос'); *Akbaš* 'белоголовый, седоголовый' (от *ak* 'белый' + *baš* 'голова'); *Сумтак* 'чистобелая' (от *сум* — усилительная частица имен прилагательных + *ak* 'белый'); *Saġu* 'желтая, блондинка'; *Aġiužan* 'красивая душой' (от *aġiu* 'красивая' + *žan* 'душа'); *Kaġakaš* 'чернобровая' (от *kaġa* 'черный' + *kaš* 'бровь'); *Kaġak'öz* 'черноглазая' (от *kaġa* 'черный' + *k'öz* 'глаз') и т. д.

К именам, восходящим к предметам быта и хозяйственной деятельности человека, относятся:

а) женские имена, связанные с украшениями: *Tüjme* 'нагрудник, пуговица', *Tüjmekuz* 'девушка с нагрудником' (от *tüjme* 'нагрудник' + *kuz* 'девушка'), *Магžан* 'бусы, ожерелье';

б) мужские имена, связанные с животноводством — основным хозяйственным занятием балкарского народа в прошлом: *Koġbaġ* 'владелец баранов' (от *koġ* 'баран' + *baġ* 'бай, богач'); *Žylkuġbaġ* 'владелец лошадей' (от *žylku* 'лошадь'⁶ + *baġ*, то есть 'богатый лошадьми').

К четвертой группе из упомянутых выше групп относятся имена, выражающие отношения родителей к их ребенку. Если в семье первенцем была девочка, то иногда ее нарекали именем *Alkuz* 'первая девочка' (от *al* 'перед, передний' + *kuz* 'девочка'), а если первенцем был мальчик, то его называли именем *Altu* 'первороденный' (от *al* 'перед, передний' + *tu* — сокращенная форма от глагола *tuuġan* 'родившийся', то есть причастие прошедшего времени). Когда после долгого ожидания у родителей рождался сын, ему давали имя *Tuudu* 'родился' (настоящее совершенное время третьего лица единственного числа от глагола *tuuġa* 'родить, родиться'). Если в семье рождались только мальчики, а родители хотели иметь хотя бы одну дочку, то долгожданную новорожденную девочку обычно называли «отталкивающим», «отпугивающим» злых духов, именем, например: *Amankuz* 'плохая девочка' (от *aman* 'плохая, нехорошая' + *kuz* 'девочка'). Среднему сыну могли дать имя *Ortabaġ* 'средний бай' (от *orta* 'средний' + *baġ* 'богач, богатый'). Младший сын в семье мог быть

⁴ Подробнее см. в кн.: «Малк'яр поэзияны антологиясы». Нальчик, 1959, стр. 90.

⁵ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 315.

⁶ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 280.

назван K'ičibatyr 'младший храбрец' (от kiči 'младший, маленький' + batyr 'герой, храбрый') или просто Gitše 'маленький, малыш'. Когда ребенок рождался во время пребывания матери на временной стоянке на пастбище, то новорожденного нарекали именем Sauar 'надоит' (причастие будущего времени от глагола sauarğa 'дойти') в надежде на то, что младенец вырастет и будет доить корову, то есть владеть ею так же, как отец или мать. Именем Boldu 'хватит, достаточно' (повелительное наклонение от глагола bolurğa) нарекали ребенка в том случае, если родители не хотели больше иметь детей. В той семье, где часто умирали дети, родители давали новорожденному имя Tohtar 'остановится, останется' (причастие будущего времени от глагола tohtarğa 'остаться, остановиться') или Tohtasyn 'пусть останется, пусть не умрет' (повелительное наклонение от того же глагола, то есть tohtarğa 'остаться, остановиться'). Новорожденную девочку в этом случае называли Ölmezхап 'бессмертная ханша' (от ölmez 'бессмертная' + хап 'ханша'). Давая ребенку такое имя, родители надеялись уберечь его от смерти. Имена аналогичного характера часто встречаются у других тюркских народов. Вот что, например, говорит старик Чюкёбай, один из героев повести «На берегах Иссык-Куля» К. Баялинова⁷, бабушке Кюмюш об именах со скрытыми значениями: «Раньше киргизы давали своим детям разные имена. А какие были эти имена? Вот они: Итигул, Итибай, Итаяк — собачий раб, собачий богач, собачья чаша». У Абая Кунанбаева имеются стихи, посвященные Жамам-бале, то есть 'плохому ребенку'⁸ (от žamaп 'плохой' + bala 'ребенок, мальчик'). Любопытен обычай, описанный Д. Абдурахмановым и Э. Бегматовым⁹: старушки-узбечки, чтобы ребенок выжил, заворачивали новорожденного в тряпку и клали его на короткое время перед собакой, а затем, подняв ребенка, заявляли, что его даже собака не берет, то есть он не умрет и нарекали его именем Itolmas 'тот, кого собака не берет' (от it 'собака' + olmas — отрицательная форма причастия будущего времени¹⁰ от глагола olmak 'брать, взять'). В именах, происходящих от географических названий, могут иногда отражаться факты исторического прошлого. По словам А. В. Суперанской¹¹, почти каждое имя содержит в себе информацию о времени и месте своего возникновения, особенно это касается собственных имен данной группы. Так, например, девочку, родившуюся в поезде близ Урала на пути из Казахстана в Кабардино-Балкарию, нарекли именем Uralхап 'царица Урала' (от Ural 'Урал' + хап 'ханша, царица'). Известно, что Хорасан с древнейших времен был важнейшим культурным, экономическим и стратегическим центром на Востоке. Балкарцы часто давали это имя своим дочерям. Другим известным древним городом Средней Азии была Бухара. От названия этого города происходит мужское имя Mухага. В современном карачаево-балкарском языке широко распространены имена, восходящие к этнонимам и названиям стран, например, такие мужские имена, как: Арон 'японский, Япония'; Gürgü 'грузинский, Грузия'; Ерменbij 'армянский князь' (от Ермен 'Армения' + bij 'князь'); Kalmuk 'Калмыкия'; Кугууз 'киргиз, киргизский'; Кугуузбай 'киргизский бай' (от кугууз 'киргиз' + бай 'бай, богач'); Круг 'Крым'; Kazak 'казак (донской), казах'; Мак'edon 'македон-

⁷ К. Баялинов. Көл боюнда. Фрунзе, 1959, стр. 216.

⁸ А. Кунанбаев. Шығармалар. I т. Алматы, 1968, стр. 268.

⁹ Д. Абдурахманов, Э. Бегматов и др. Исмнингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968, стр. 9.

¹⁰ Э. М. Магзуфов. Словообразовательные и словоизменительные аффиксы в современном узбекском языке. — «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 723.

¹¹ А. В. Суперанская. Структура имени собственного (фонология и морфология). М., 1969, стр. 36.

ский'; Misirbij 'египетский князь' (от Misir 'Египет' + bij 'князь'). К этому же роду относятся и женские имена: Ingilizxan 'царица Англии' (от ingliz 'англичанка' + xan 'ханша'); Mak'k'a — от названия города Мекки; Madinaxan 'царица Медины' (от Madina — название города в Саудовской Аравии + xan 'ханша').

Имена, связанные с названиями драгоценных камней, металлов и дорогих тканей, в основном женские: Maržan 'коралл, коралловый', Nalmas 'яхонт', Altyn 'золото', Altynkyz 'золотая девушка', Altyncaš 'золотоволосая', K'ümuš 'серебро', Zibek 'шелк' и другие.

К именам, образованным словами, обозначающими общественное положение, относятся прежде всего первоначально служившие только титулами. Например, слово hažu 'паломник' прибавлялось к именам мужчин после их возвращения из паломничества в Мекку и Медину. В наше время этим именем можно назвать любого новорожденного мальчика. Другое титульное имя Efendi 'господин, сударь, учитель'¹² добавлялось к имени тех лиц, которые хорошо знали коран или обучали детей в медресе, как самостоятельное имя распространения оно не получило. Сюда же относится и имя Murgza 'царевич, писарь'. Вот, что об этом пишет А. Гафуров: «От частого употребления слово, ставшее уже титулом, почти вторым именем, претерпело некоторые изменения и в звуковом составе. Выпали начальный и два последних звука. *Амирзада* превратилось в *Мирза*... Через некоторое время стали детей при рождении называть Мирза, и тогда оно превратилось в личное имя»¹³. Добавим к этому, что ныне Мирза — полноправное имя, которое встречается даже в сочетании с титулами *хан* или *бек*.

В прошлом титульное имя Ваšču употреблялось только в значении «главарь», «предводитель в сражениях или походах». Ныне оно приобрело иную стилистическую окраску. Называя этим именем детей, родители хотят надеяться, что их чада когда-нибудь станут во главе какого-нибудь полезного и почетного дела. В этом же ряду имен стоят: Kral 'страна, государство'¹⁴, Kralbij 'правитель страны' (от kral 'страна' + bij 'правитель'). Любопытно отметить, что имена этой группы, восходящие к названиям денежных знаков, все женские: Minšom 'тысяча рублей' (от min 'тысяча' + som 'рубль'); Karasom 'черный рубль' (от kaга 'черный' + som 'рубль', то есть двадцать пять копеек); Züztümen 'сто десятирублевых' (от züz 'сто' + tümen 'десятирублевая банкнота', то есть тысяча рублей).

Желая видеть своих сыновей, живущими в мире, послушании родительскому слову, а также сильными и храбрыми, балкарцы, как и все родственные им народы, издавна выбирали имена:

а) связанные с названиями домашних и диких животных: Toklu 'ярка', Тапа 'телка-двухлетка', Kozu 'барашек', Kojbaj 'богатый овцами' (от koj 'овца' + baj 'богатый, богач'), Kojču 'овцевод' [от koj 'овца' + ču (-čü, -ču, -či) — словообразовательный аффикс, образующий, присоединяясь к существительным, название профессии¹⁵ или рода деятельности], K'üčük 'щенок', Ečk'i 'коза', Ulak 'козленок', Kočhar 'баран', а также Dommaj 'зубр', Zuyutur 'тур', Maral 'лань'. К этой же подгруппе относится и имя Sačij или sačik'aj 'осленок'¹⁶, ставшее в современном ка-

¹² «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 44.

¹³ А. Гафуров. Лев и Кипарис. М., 1971, стр. 99.

¹⁴ «Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1965, стр. 124.

¹⁵ «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1966, стр. 76.

¹⁶ L. Hadrovics, L. Gáldi. Magyar — orosz szótár. Akadémiai kiadó. T. I. Budapest. 1969, стр. 323.

рачаево-балкарском языке именем собственным. В качестве нарицательного имени употребляется слово *Gylyu* 'осленок', но оно может быть и именем собственным;

б) восходящие к названиям таких сильных хищников, как *Aju* 'медведь', *Karlan* 'тигр', *Böŕüka* 'волчонок'. Девочкам давали имена красивых зверей: *Kunduz* 'бобер', *Suusag* 'куница';

в) восходящие к названиям птиц (всегда женские): *K'uk'us* 'кукушка', *Varbuš* 'утка'. Сюда же можно условно отнести и женское имя *Gak'-k'u* 'яйцо';

г) восходящие к названиям растений, плодов и ягод: *Züzüm* 'виноград', *Nanuk* 'малина', *Ojdam* 'папоротник', *Ğagu* 'первые плоды фруктовых деревьев после цветения', диалект. 'почка', *Alabaj* 'пуповка'¹⁷ — имя одного из героев старинной балкарской шуточной песни «Голлу». Следующее отметить, что в современном караево-балкарском языке это имя утратило свое нарицательное значение.

Наряду с исконно балкарскими именами весьма часто встречаются имена, заимствованные из арабского и персидского языков. Они в основном составляют две подгруппы:

а) имена, связанные с мусульманским лунным календарем. Мальчику, родившемуся в месяц рамазан (девятый месяц мусульманского лунного года, в течение которого верующие мусульмане соблюдают пост), обычно дают имя *Ramazan*. Другое часто встречающееся календарное имя *Şaraban* (название восьмого месяца лунного года). Более редкими являются имена *Zauual* (название десятого месяца), *Oğazağ* (от *oğaza* 'мусульманский пост' + *aj* 'месяц, луна'). Имя *Nauguz* давалось в честь первого дня мусульманского Нового лунного года, совпадающего с днем весеннего равноденствия — 21 марта по солнечному календарю. А имя *Kırtan* 'жертва' связано с праздником курбан-байрам;

б) имена, не связанные с лунным календарем, — *Zuhra* 'планета Венера', *Zaŋnet* 'рай' и им подобные. По сей день весьма популярны в Балкарии имена, восходящие к мусульманским эпитетам аллаха: *Raşıt* 'благоразумный', *Malik* 'правлящий', *K'erim* 'щедрый', *Ahmat* 'славнейший'¹⁸ и так далее, имя пророка *Muhammat* 'хваленный' и его эпитеты *Rasul* 'посланник аллаха, пророк', *Mustafa* 'избранный'.

У многих народов Востока существует традиция называть мальчиков-близнецов именами *Hasan* и *Husej*, а девочек *Fatima(t)* и *Zuhra*. Иногда мальчикам дают и другие имена — *Hanafij* и *Şarafij*. А если близнецами являются мальчик и девочка, то их называют именами легенды *Tahir* и *Zuhra*.

По своему структурному составу балкарские имена собственные подразделяются на две группы. К первой группе относятся простые имена: а) существительные (имена мужские): *Zaşau* 'жизнь', *Kopak* 'гость', *Tokmak* 'дубина, колотушка', *Ulak* 'козленок', *Aşuk* 'открытый, ясный'; (имена женские): *Zulduz* 'звезда', *Kyzçuk* 'девочка', *Tauış* 'звук', б) прилагательные: *Oyuglu* 'добрый', *Sary* 'белокурая, желтая', *Zıcaş* 'покорная, спокойная', *Tugul* 'круглая'; в) глаголы: *Tıuđu* 'родился', *Kajt* 'вернись, возвращайся', *Zaŋŋan* 'загоревшийся, сгоревший' (причастие прошедшего времени от глагола *zaŋağ-a* 'гореть').

¹⁷ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 31.

¹⁸ Подробнее см.: А. В. Сугеранская. Указ. раб., стр. 29.

Ко второй группе относятся сложные имена, образованные сочетанием двух и более элементов. Женские имена: Куз-тушта 'девочкой родившаяся' (от kuz 'девочка, девушка'+tu — повелительное наклонение от глагола туагъа 'родить, родиться'+та — аффикс, при помощи которого образуются имена прилагательные от глагольных основ), Balakuš 'птенец' (от bala 'ребенок'+kuš 'птица'), Ajsal-kup 'лунная прохлада' (от aj 'луна'+salkup 'прохлада') и т. д. Мужские имена: K'ertiulan (от k'erti 'истинный, настоящий, действительный'+ulan 'сын, паренек'), Elbaj (от el 'народ, село'+baj 'богач, богатый').

У балкарцев, как и у многих других народов, существует обычай давать сыновьям (братьям между собой) имена, начинающиеся с одной и той же буквы или оканчивающиеся на один и тот же слог, а иногда рифмующиеся с именем отца; например: Šanybek', Заšarbek', Zauurbek' — у балкарцев; Sajymkul, Begimkul, Kadyrkul, Rajymkyl — у киргизов; Fahmutdin Muhitdinovič Šarafutdinov — у татар¹⁹.

Некоторые имена образующие слова-элементы в карачаево-балкарском языке к настоящему времени уже утратили свое самостоятельное значение, однако в сочетании с различными компонентами они образуют сложные имена, ставшие, можно считать, традиционными:

имена мужские:

а) имена с титульным словом Myrza 'писарь, писец, господин': Tau-myrza, Elmyrza, Zanmyrza, Myrzabek', Myrzakul;

б) имена с компонентом soltan 'султан': Soltanbek', Soltantok, Sol-tanmurat, но Bijsoltan, Tausoltan;

в) имена со словом bij 'правитель, князь, властитель': Ask'erbij, Ba-risbij, Batyrbij, Kurmanbij, Sarybij, Orusbij, но Bijnöger, Bijmyrza;

г) имена с титульным словом bek' 'крепкий, стойкий, правитель, властитель': Kanybek', Kurmanbek', Kuuanužbek', Kyzylbek', но Bek'bolat;

д) имена со словом baj 'богач, бай, богатый': Zemžan, но Zansurat; Baj, Tolbaj, но Bajkuat, Bajsoltan, Bajkul, Bajmyrza;

е) имена со словом kul 'паб': Aškul, Azatkul, Zumakul, Myrzakul;

ж) имена со словом gerij 'совет, пожелание'²⁰ (наиболее архаичные): Adylgerij, Azamatgerij, Matgerij, Muhammatgerij;

з) имена со словом bolat 'сталь, булат': Bek'bolat, Zanbolat, Kasbo-lat, Kambolat и т. д.

имена женские:

и) имена с компонентом žan 'душа'; встречаются изредка и мужские:

Ariužan, Balažan, Nalžan, Nüržan, Gülžan, Taužan, Zemžan, но Zansurat;

к) имена с компонентом хан/кан 'хан, ханша': Dögerхан, Kralхан.

Karaxan, Dauumхан, Erk'ехан, Majrusхан, Inqlizхан, K'enžekan, Žulduzхан, Süjdümхан, Kubulхан, Syrmahan, Nürхан;

л) имена с компонентом šah 'шах': Šahbiče, Šahnür.

Изучение балкарской антропонимии представляет значительный научный интерес. Оно может помочь установлению первоначальной семантики некоторых слов современного карачаево-балкарского языка. Утратив значение лексических единиц, эти слова сформировались в собственные имена. Исследование этой проблемы может пролить свет и на некоторые мало изученные вопросы этногенеза балкарцев и карачаевцев.

¹⁹ Газета «Коммунизмге жол», № 62 от 27 марта 1971 года.

²⁰ А. В. Суперанская, Указ. раб., стр. 180.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛКАРСКОГО ДИАЛЕКТА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Изучению фонетики диалектов карачаево-балкарского языка посвящен ряд исследований, в том числе и монографических¹. Однако фонетические особенности диалектов этого языка выявлены пока недостаточно, к тому же в опубликованных по этому вопросу работах встречается немало фактических неточностей.

В настоящей статье рассматриваются именно те фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка, которые не были описаны в литературе или же в их описании были допущены неточности.

К существенным особенностям фонетики малкарского диалекта относится *цокание* и *зокание*, то есть употребление /с/ и /з/ на месте литературных /č/ и /ž/, на что было указано еще одним из первых исследователей карачаево-балкарского языка В. Прёhle². Однако нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что переход литературного č > с в малкарском диалекте не имеет никаких ограничений. Так, Ш. Х. Акбаев пишет, что «шипящая аффриката /č/ основного диалекта и литературного языка заменяется свистящей аффрикатой /с/ в малкарском диалекте в любой морфологической части слова, в любой фонетической позиции, включая позицию после шипящего /š/, за которым не может следовать /с/»³.

Проведенное нами исследование показывает, что литературному /č/ в малкарском диалекте не всегда соответствует /с/, причем именно в тех случаях, когда после /č/ следуют согласные /b/, /z/, /s/, /d/, /t/, /č/, /š/, /ž/, /с/, независимо от того, происходит ли это на стыке корня и аффикса или же двух слов. Например: üс 'три' [но üšlü 'трехгодовалый' (о крупном рогатом скоте), üš litr 'три литра', üš čykkur 'три бочки', üššajlyg 'монета в 15 копеек', üš šara 'три слуги', üš calıysu 'три косаря', üšcük 'троечка', üš.

¹ W. Pröhle. Karatschaische Studien. — «Kéleti Szemle», X. Budapest, 1910; *его же*. Balkarische Studien, I. — Там же, XV, 1914—1915; II. — Там же, XVI, 1915—1916; А. К. Боровков. Карачаево-балкарский язык. — «Яфетический сборник», VII. Л., 1932; А. М. Анпаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960; «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». Нальчик, 1962; У. Б. Алиев. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.

² W. Pröhle. Balkarische Studien, I, стр. 171.

³ Ш. Х. Акбаев. Указ. раб., стр. 88—89.

žyлап 'три змеи'], күс 'сила' (но күш зохту 'нет сил', күшзүрек 'тот, кто близко воспринимает к сердцу'), ас 'голодный, открой' (но асса 'ты голоден', ас сабиј 'голодный ребенок'), аҕас 'лес, дерево', (но аҕашта 'в лесу', аҕаш түҗме 'деревянная пуговица').

Что же касается утверждения, что в позиции после /š/ в малкарском диалекте якобы не может употребляться /с/, то это явное недоразумение. Малкарцы говорят не заšуq 'паренек', beščik' 'пятерочка', qаgуndašcyq 'братик', таšcyq 'камешек' и т. д., как это считает Ш. Х. Акбаев⁴, а заš-суq, bešcik', qаgуndašcyq, таšcyq.

Аналогичные фактические неточности имеются и в описаниях перехода литературного ž > z в малкарском диалекте. Например, А. М. Аппаев, приводя примеры на зокание, включает в их число и слова, которые в малкарском диалекте употребляются с /ž/: zyлап 'змея' (вм. žyлап), zeti 'семь' (вм. žeti)⁵.

По Ш. Х. Акбаеву же, некоторое исключение из общего правила представляют всего четыре слова: žyžyп 'веревка', žyлап, žeti, žubуran 'суслик', в которых «...вместо ожидаемого /z/ в малкарском диалекте употребляется /ž/»⁶. Однако факты говорят, что таких слов в данном диалекте достаточно много. Приведем некоторые из них: хуžyп 'только', аžir 'жеребец', таžаg 'сообрази', žуmагuq 'фазан', žur 'косуля', qаmаžаq 'жук', таžаl 'лучше', qоžап 'кучный', муžуq 'мужик', qužžaj 'грыжа', гу-муža 'голый', žаnk 'пучок шерсти', žink' 'уголья', žyлап 'змея', žeti 'семь', žubуran 'суслик', žin 'бес', čibižij 'перец', šinži 'колючка', žаmауat 'народ, общество', žöх 'цинк', dараžа 'степень', šynžur 'цель', žarqa 'щепка', sereže 'вид самодельной лыжи', žokku 'гроздь', žyju 'запах', žuma 'пятница', žyju 'икра' и др.

По мнению А. М. Аппаева, замена литературного /ž/ звуком /z/ в малкарском диалекте «...влияет и на произношение русских слов со звуком /ž/. Например: *позалуста* 'пожалуйста', *журнал* 'журнал'»⁷.

Наши наблюдения над русским произношением малкарцев свидетельствуют о том, что в их речи звук /ž/ не заменяется звуком /z/. К тому же звук /ž/ в малкарском диалекте реализуется так же, как и в русском языке, то есть твердо во всех позициях; например: žyлап 'змея', žeti 'семь', žinirik' 'громкий плач' вм. žil'an, žeti, žinirik' литературного языка и основного диалекта.

Из других фонетических особенностей малкарского диалекта в исследовании отмечаются следующие:

1) переход литературного p > f: таfка 'полка', kofur 'мост', арfa 'ячмень' вм. тарка, k'öbrür, агра и т. д.;

2) переход литературных q, k > x: зохту 'нет, не имеется', esxi 'старый' и т. д. вм. žoqudu, esk'i.

Однако и здесь исследователями допускаются неточности. Так, А. М. Аппаев считает, что литературный /p/ заменяется на /f/ и в конце слов малкарского диалекта, например: аlyf 'взяв', boluf 'бывший', k'elif 'приходив', саf 'беги', uгуf 'ударив'⁸.

Следует, однако, подчеркнуть, что конечный /p/ литературного языка в малкарском диалекте переходит в /f/ только на стыке слов перед глу-

⁴ Ш. Х. Акбаев. Указ. раб., стр. 90.

⁵ А. М. Аппаев. Указ. раб., стр. 19—20.

⁶ Ш. Х. Акбаев. Указ. раб., стр. 72.

⁷ «Материалы и исследования...», стр. 15.

⁸ «Къарачай-малкъар тилин грамматикасы». Нальчик, 1966, стр. 9; См. об этом также: «Материалы и исследования...», стр. 15—16.

хими согласными. Что же касается абсолютного конца слова, то в этой позиции употребление /p/ в малкарском диалекте совпадает с употреблением в основном диалекте и литературном языке. Приведем сравнительную таблицу:

Литературный язык и основной диал.	Малкарский диалект	Перевод
k'öp tǔjǔldū	kof tujuldu	'не много',
k'öptürüp	kofurup	'надув',
qacyf k'et	qacyf k'et	'убегай',
öpk'eletip	ofxoletip	'обидев',
zip	zip	'веревка, аркан',
paɟɟalanyp	faɟɟalanyp	'воспользовавшись',
zoluyp	zoluyp	'встретившись',
k'ögür	koguf	'увидев',
pura	fura	'гниль (дерева)'.

Не полностью соответствует действительности и описание перехода литературных $q, k > x$ в малкарском диалекте. Так, А. М. Аппаев⁹ и М. А. Хабицев¹⁰ считают, что такой переход совершается во всех случаях и в подтверждение приводят следующие примеры: *zorlux*, *cyfcyx*, *škox*, *пех'*, *кох*, *zuxex'*, *škoxpni* *вм.* литературных *žorluq* 'насилие', *čyrčyq* 'воробей', *škok* 'ружье', *nek'* 'почему', *k'ök'* 'зеленый', *žürek'* 'сердце', *skokpu* 'ружье' (*вин. п.*). Это положение не подтверждается фактами малкарского диалекта. Здесь нет перехода литературных $q, k > x$, так же как и $p > f$, в абсолютном конце слова. В малкарском диалекте в отличие от перехода $p > f$ не наблюдается переход литературных $q, k > x$ в положении перед глухими согласными /k/, /q/ (например: *kokkoz* 'синеглазый', *aqqol* 'белоручка') и после /f/, /š/, /c/ (например: *tafka* 'полка', *bašk'es* 'головорез', *ašqagup* 'ненастный').

По нашему мнению, некоторыми учеными не совсем верно трактуется и вопрос об артикуляции малкарского звука /k/. Так, Ш. Х. Акбаев и А. М. Аппаев утверждают, что этот звук в малкарском диалекте более заднего образования¹¹ по сравнению с /k/ основного диалекта и литературного языка и что его артикуляция «...занимает среднее положение между /k/ и /q/. Это, в свою очередь, влияет на произношение последующих за ним гласных /i/, /e/, /ö/, /ü/»¹².

Действительно, артикуляция звука /k/ в малкарском диалекте в соседстве с гласными /i/, /ö/, /ü/ является более задней, нежели /k/ в литературном языке. Вместе с тем его произношение отнюдь не сближается с произношением литературного /q/. С нашей точки зрения, /k/ в малкарском диалекте в указанной позиции реализуется как звук, средний между /k/ и /k'/ литературного языка; ср.: *kuukuk* 'кукушка', *k'üčük* 'щенок' и малкарское *kučuk*; *kotur* 'куст', *k'ötür* 'подними' и малкарское *kotur*. Относительно же реализации в малкарском диалекте /k/ в соседстве с гласным /e/ необходимо отметить, что здесь /k/ реализуется точно так же, как и в литературном языке, то есть слова типа *k'el* 'приходи', *k'en* 'широкий', *k'elin* 'сноха', *eki* 'два' и т. д. реализуются не в виде *kel*, *ken*, *kelin*, *eki*¹³, а в соответствии с литературным языком, а именно в виде *k'el*, *k'en*, *k'elin*, *eki*.

⁹ А. М. Аппаев. Указ. раб., стр. 21—22.

¹⁰ М. А. Хабицев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 5.

¹¹ Ш. Х. Акбаев. Указ. раб., стр. 59.

¹² А. М. Аппаев. Указ. раб., стр. 22.

¹³ Там же, стр. 22—23.

При рассмотрении фонетических особенностей малкарского диалекта особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о явлении сингармонизма. Обычно принято считать, что в одном и в том же слове этого диалекта встречаются гласные заднего и переднего ряда, в связи с чем нарушается закон сингармонизма. Например, А. М. Аппаев, В. П. Сухотин, В. И. Филоненко пишут: «Там (в малкарском диалекте. — Ж. Г.) мы зафиксировали и проверили формы kunle (вместо künle 'дни'), kogüf (вместо kögür 'увидев'), где гласные заднего ряда /o/, /u/ встречаются в одном слове с гласными переднего ряда /ö/, /ü/, что и создает резкое нарушение законов сингармонизма»¹⁴. В действительности же здесь никакого нарушения законов сингармонизма нет. Поясним это.

Во-первых, малкарец не скажет kogüf, а скажет kogup, то есть вместо литературного /ö/ он обычно произносит гласный, средний между /o/ и /ö/, а вместо /ü/ — гласный, средний между /u/ и /ü/. Не отрицая этого, А. М. Аппаев вместе с тем утверждает, что данная особенность гласных /ö/, /ü/ в малкарском диалекте проявляется только после начального /k/¹⁵; тогда как реализация литературных /ö/, /ü/ в виде /o/, /u/ в малкарском диалекте не имеет ограничений. Сопоставим табличные данные:

*Литературный язык
и основной диалект*

Малкарский диалект

Перевод

k'örük'	koruk	'кузнечные мехи',
k'ündüz	kunduz	'днем',
k'ötür	kotur	'подними',
k'öpür	kofur	'мост',
k'ümüş	kumuş	'серебро',
k'ög'ürçün	kogurcun	'голубь',
ölük'	oluk	'труп',
ök'ül	okul	'адвокат'.

Следует внести ясность и в вопрос реализации гласного /e/ в малкарском диалекте. Все исследователи единодушно считают, что произношение /e/ в малкарском диалекте и в литературном языке совпадает, за исключением позиции после /k/, о чем уже говорилось.

Прослушивание магнитофонных записей и наблюдения над живой речью носителей малкарского диалекта убеждают нас в том, что звук /e/ в словах типа kope (лит. k'öpe 'корь'), kunle (лит. k'ünle 'дни') и типа tilek' 'просьба, желание', пеме 'что-то' произносится не одинаково. В словах первого типа /e/ произносится как звук, средний между /e/ и /o/.

Особо следует подчеркнуть произношение гласного /e/ после согласных /g/, /k/ и /x/, например: bokop (лит. bök'ep 'крепкий'), gogop (лит. k'ök'ep 'терн'), oïxo [лит. örk'e 'легкие' (в организме)], kosxon (лит. k'öç-gen 'откочевавший'), zugon (лит. züg'en 'уздечка'), tukon (лит. tük'en 'магазин'), kogot (лит. kög'et 'зелень'), oggo (лит. ögg'e 'вверх, наверх'), pogor (лит. pög'er 'друг') и т. д. В данной позиции произношение /e/ в малкарском диалекте вплотную приближается к произношению /o/.

Причину произношения в малкарском диалекте в указанных позициях /e/ в виде /o/ следует видеть в огубляющем воздействии губных /o/, /u/ на негубной гласный /e/.

В многосложных (три слога и более) словах это воздействие ослабляется. Иначе говоря, чем дальше находится звук /e/ от начальных /o/, /u/, тем слабее он подвергается огублению. Ср.: bokop (лит. bök'ep

¹⁴ «Материалы и исследования...», стр. 14.

¹⁵ А. М. Аппаев. Указ. раб., стр. 23—24.

‘крепкий’) — bokomlā (лит. bōk’emle ‘крепкие’) — bokomleg’e (лит. bōk’emleg’e ‘крепким’).

Что же касается произношения /e/ в словах типа пеме ‘что-то’, tilek’ ‘просьба’, то оно целиком совпадает с произношением данного звука в литературном языке.

Из сказанного следует, что слова типа k’ünle, k’ōme, k’ōg’et, örg’e, k’ögür, k’ög’ügšün и т. п. в речи малкарцев реализуются без нарушения сингармонизма, то есть в виде kunlo, koto, kogot, ogo, kogu, kogucun.

Выше мы говорили о тех фонетических особенностях малкарского диалекта, которые, на наш взгляд, до сих пор описывались и трактовались неточно. Теперь остановимся вкратце на фонетических особенностях этого диалекта, никем еще не отмеченных. К последним относятся:

1. $g > k$. Переход литературного начального $g > k$ представлен в малкарском диалекте широко. Изредка наблюдается он и в интервокальной позиции: gel’l’a > kel’l’a (форма обращения к бабушке или матери), gurt > kurt ‘наседка’, gyrt > kyrt ‘комок’, goguš > kokuš ‘индюк’, ginaz > kinaz ‘князь’, Gapalāy > Kapalāy (мужск. имя), gux > kux ‘грязь’ (детск.), galaū > kalaū ‘калач’ (детск.), gāy-guī > kāy-kui (звукоподр. слово), gampil > kampil ‘кайма’, gyga > kik’k’a ‘дитя’ (детск.), gurgka > kurgka ‘за-сов’, gosuk > kosuk ‘деталь ручки косы’, gyšmu > kyšmu ‘копыто’ и т. д.

2. $z > s$. Переход литературного $z > s$ можно наблюдать лишь в ограниченном числе слов, однако регулярно и в любой фонетической позиции, например: zyraf > syraf ‘попусту’, taz > tas ‘тазик’, izgilin > iskilin ‘отчужденный’, zek’at > sek’at ‘религиозный сбор’.

3. $s > c$. Переход литературного $s > c$ совершается на стыке корня и аффикса только перед глухими согласными /š/, /f/, /x/, /t/ и /s/, однако регулярно, особенно в речи старшего поколения: tüşsek > tüşcek ‘если слезем’, tafsun (лит. tapsun) > tafsun ‘пусть найдет’, taxsam (лит. tagsam) > taxcam ‘если привяжу’, betsiz > betciz ‘бессовестный’, assun > ascun ‘пусть вешает’ и т. д.

4. Как и в карачаевском варианте, в малкарском диалекте большинство мягких согласных в начале и в середине слова произносится твердо, что в ряде случаев способствует сохранению сингармонизма. Рассмотрим следующую таблицу:

Карачаевский вариант	Литературный язык	Малкарский диалект	Перевод
byšlaq	bišlaq	byšlaq	‘сыр’,
byçaq	biçaq	byçaq	‘нож’,
žylap	žil’an	žylan	‘змея’,
tušyguī	tiširyū	tušyguī	‘женщина’,
xatyr	xater	xatyr	‘услуга’,
munčaq	minčaq	muncaq	‘бусы’,
čunar	činar	sunar	‘чинар’,
čuxxap	čičxap	сuxxap	‘мышь’,
xučun	хуčin	хусун	‘хичин’,
syркуī	sirküī	syркуī	‘баловень’,
zyjna	zijna	zyjna	‘блудный’ и др.

Таким образом, звонкости и мягкости согласных, особенно начальных, основного диалекта и литературного карачаево-балкарского языка в малкарском диалекте в ряде случаев соответствуют глухость и твердость.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. МАТГАЗИЕВ

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СЛОВ — ВНУТРЕННИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Развитие производительных сил общества, достижения науки и техники неизбежно и весьма активно влияют на словарный состав языка. Однако «совершенствование лексики отнюдь не сводится к ее количественному увеличению. Не менее важно качественное преобразование лексики»¹. Поэтому процесс развития лексики следует рассмотреть в следующем плане: 1. Материальное развитие лексики: а) возникновение новых слов, б) исчезновение старых слов; 2. Фонетическое изменение слов; 3. Семантическое развитие слов: а) расширение значения, б) сужение значения, в) переосмысление значения, г) специализация значения, д) дифференциация значения; 4. Функциональное развитие слов.

Изучение истории семантического изменения слов — одна из актуальных проблем исторической лексикологии. Однако, как справедливо замечает Р. А. Будагов, семантическая история слов разных языков изучена еще недостаточно².

В настоящей статье рассматривается история семантического изменения некоторых слов в узбекском языке.

Языковые изменения обусловлены рядом причин, как внутренних, так и внешних. Появление новых слов в языке связано в основном с внешними причинами. Семантические же изменения происходят стихийно, без влияния внешних факторов. Так, например, в староузбекском языке вплоть до XIX в. слово *palas* употреблялось в значении «халат из грубошерстной ткани»: *Bārčā ulus kaga palaslar k'ijib* 'Все люди одевали черный халат' (РС, 182^a). В современном узбекском языке это слово обозначает: «1. Палас (ковер без ворса), кошма. 2. Все, что стелится на пол и выполняет назначение паласа»³.

Имеются, однако, случаи, когда семантические изменения слов косвенно обуславливаются влиянием внешних факторов. Так, например, после появления искусственного спутника Земли узбекское слово *joldaš* 'спутник', 'попутчик' приобрело новое значение, стало использоваться для обозначения нового космического аппарата, таким образом, объем его значения расширился.

В развитии лексики наблюдаются две тенденции: новые слова употребляются: а) для выражения старых понятий; б) для обозначения но-

¹ Р. А. Будагов. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965, стр. 52.

² Р. А. Будагов. История слов в истории общества. М., 1971, стр. 65.

³ «Узбекско-русский словарь». Главный редактор А. К. Боровков. М., 1959, стр. 317.

вых понятий. В обоих случаях возникают новые словоформы. Однако в первом случае ново только материальное выражение слова, во втором же случае новыми являются как материальное выражение, так и содержание слова.

При семантическом развитии материальная (внешняя) сторона слова остается почти неизменной, изменению подвергается лишь его смысловая (внутренняя) сущность, причем процесс семантического изменения слов протекает очень медленно. Чтобы проследить его, необходимо сопоставить факты хотя бы двух периодов истории того или иного языка: «На то, что у данной формы некогда было иное значение, часто указывают те контексты и словосочетания, в которых оно встречается в более древних письменных памятниках»⁴.

Письменные памятники узбекского языка дают богатый материал, позволяющий проследить семантическую эволюцию ряда слов как исконно узбекских (тюркских), так и заимствованных из других языков.

1. Расширение значений слов. Этот процесс может происходить в двух направлениях: а) по объему; б) по количеству.

В первом случае расширяется лишь объем значения данного слова. Так, например, в современном узбекском языке объем значений таких слов, как *Vatan* 'Родина', *k'üräş* 'борьба', *üç-* 'летать' значительно шире, нежели в староузбекском языке. Это изменение было обусловлено внешними факторами — развитием общества и техническим прогрессом.

Во втором случае на базе первоначального значения данного слова происходит образование (ответвление) новых значений. Например, слово *til* первоначально обозначало «язык», то есть орган речи и средство общения людей. В древнетюркском языке возникло новое значение этого слова — «пленник» («язык»): *jařıdan til tuttı* 'у врага поймал языка' (ДЛТ, III, 148). *Jamutdin til tutmaqça rujāda āzum boldı* 'Пешком отправились, чтобы поймать у ямутов пленника' (ГД, 139⁶).

В письменных памятниках XIX века слово *til* sporadicheski употреблялось и в значении «устный»: *Andıy soęra til sözüngüzni ajtyę dedi* 'Затем он (хан) велел мне пересказать (Ваши) устные слова' (АХХ, 280).

Как видно, при количественном расширении значений происходит омонимизация и полисемантизация слов.

2. Сужение значений слов. Значение древнетюркского слова *oęul* первоначально являлось более обобщенным — «потомство», «дитя»⁵. В дальнейшем оно стало употребляться только применительно к детям мужского пола⁶.

Интересно отметить, что слово *oęul* в таком же обобщенном значении встречается в «Бабур-наме»: *Neča k'ündin soęra er oęul tengri k'ā-gām kyldı* 'Через несколько дней бог одарил сыном' (БН, 286). Для конкретизации значения «сын» добавлено слово *er* 'мужчина'. В письменных памятниках последующих периодов слово *oęul* встречается только в значении «сын», «мальчик». Вместе с тем оно sporadicheski употребляется и в значении «самец»; например: *Cün oęul k'ijik'kim Nu'mānšah otrusyęa etüšti ersä* 'Когда напротив царя Нугмана появился олень-самец' ... (БВ, 320^a). В современном узбекском языке это значение передается словом *er k'äk* 'мужчина', 'самец'.

⁴ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 465.

⁵ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 16.

⁶ А. Н. Бернштам. К семантике термина *oęul* 'сын'. — «Язык и мышление», т. IX, М.—Л., 1940, стр. 97.

Слово *аууг* в древнетюркском языке обозначало «тяжелый», «весомый», «ценный», «дорогой»⁷. В староузбекском языке наряду с сохранением этих значений оно стало означать еще «многочисленный»⁸. Например: *Аууг қошун билә һәрәк'әт к'örgüzüb* 'Отправляясь с многочисленным войском' (ТС, 71^a). *Аууг мәлләрны тапуь алылар* 'Нашли много товаров' (ТС, 107^с). В современном узбекском языке слово *оууг* в значениях «дорогой» и «много» не употребляется. Таким образом, в староузбекском произошло расширение семантического объема этого слова, в то время как в современном узбекском языке его семантический объем сузился.

Сужение значения в большинстве случаев наблюдается в заимствованных словах: «...семантическая структура иностранного слова при заимствовании, как правило, упрощается: многозначное слово приходит в берущий язык с более ограниченным кругом значений по сравнению с языком-источником»⁹. Так, например, слово *тазг'а* (*مزرعة*) в арабском языке обозначает «обрабатываемое поле», «пашня», «нива»¹⁰. До XIX в. это слово употреблялось в староузбекском языке в приведенной выше форме и с теми же значениями; например: *Jamutnyū tazg'alaryūa suv ötk'ärmäj* 'Не пропустив воды на обрабатываемое поле ямутов' (ГД, 223^a). *Ul anhardum suv ucadurʻan er vā tazg'alar* 'Поливаемые из того анхора земли и пашни' (ТС, 210^с).

В современном узбекском языке это слово претерпело фонетические и семантические изменения: произошла метатеза звуков *z ~ r* и сузилось его значение. В настоящее время *тагза* означает «межа», «борозда», «граница земельного участка»; например: *Ergä tagza alyndy* 'Проведена межа на поле'.

Слово *märd* (*مرد*) в персидском языке выражает значения «мужчина», «муж» и «храбрый»¹¹. В тех же значениях оно употреблялось в староузбекском языке; например: *Cü k'ördimk'i bir märd bir za'if* 'Когда увидел мужчину и женщину'... (ЧД, 216). *Okub ʻamnäma-i haʻzimni här bir märd-ü zān juyʻlar* 'Прочитав мое печальное письмо о разлуке, станет плакать каждый мужчина и женщина' (Мужрим, 29). В современном узбекском языке это слово встречается только в последнем значении — «храбрый», «мужественный».

3. **Переосмысление слов.** Слово *žavān* (*جوان*) в персидском языке означает «юноша», «молодой человек». Оно впервые встречается в «Хийбат-ул-хакайик» Ахмеда Югнаки: *Salābat ičindä 'Omar tāg žavān* 'Юноша непреклонностью (своей) подобен Омару' (ДТС, 643). В староузбекском языке оно выражало те же значения. Л. Будагов в своем «Сравнительном словаре» передает его значения как «юноша», «молодой человек»¹². Эти значения сохранились и в языке письменных памятников XIX века; например: *Bu ri:gni kajtadyn žavān et* 'Этого старика снова сделай молодым' (ШИ, 4^с). В современном узбекском языке это слово употребляется в форме *živān* и означает «молодая женщина»¹³.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 18—19.

⁸ Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, т. I. Ташкент, 1966, стр. 104—105.

⁹ Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, стр. 256.

¹⁰ «Арабско-русский словарь». Составил проф. Х. К. Баранов. М., 1962, стр. 412.

¹¹ «Персидско-русский словарь», т. II. М., 1970, стр. 491.

¹² Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 443.

¹³ «Узбекско-русский словарь», стр. 159.

В персидском языке слово *mehnat* (محنت) означает «испытание», «трудность», «затруднение», «тяготы». Образованное от него слово *mehnatk'āš* значит «бедствующий», «испытывающий затруднения», «несчастный»¹⁴. В староузбекском языке слово *mehnat* употреблялось в тех же значениях и вместе со словами *ganž*, *k'ulfat*, *alam*, *mašakkat*, *azāb*, *ukubat* составляло один синонимичный ряд, например: *K'ōb mehnat vā asru mašakkatlar bilā ōz vatanlaryūa jetüštilār* 'С большими трудностями и многими мучениями добрались до своей родины' (ТС, 303^a), *Tola mehnat vā ganž tartyb* 'Испытывая много трудностей и огорчений' (ХН, 99^a). Для выражения значения «труд», «работа» употреблялись слова *iš* и *jumiš*. В современном узбекском языке слово *mehnat* является синонимичным *iš* и *jumiš*. Слово *mehnatk'āš* также было переосмыслено и употребляется в значениях «труженик», «трудящийся», «работающий человек». В этом факте нашло отражение изменение роли и сущности самого труда в нашем обществе.

4. **Специализация значений слов.** При специализации значения слова также происходит сужение его семантического объема. В результате специализации значения слов конкретизируются, родовые понятия переходят в видовые. Типичным примером специализации значения может служить история семантического развития слова *aš*. Это слово в древнетюркских памятниках означало «еда», «пища» (ДТС, 61—62).

Такое же значение оно имело и в староузбекском языке, например: *арының ашы* 'пища пчелы'¹⁵; *Ul avnuñ etlärinä k'ōb etlār vā türlük' aš-larñu košub* 'К мясу, добытому на охоте, прибавил еще много мяса и другой еды' (ШТ, 14^a). На последующих этапах развития староузбекского языка происходила семантическая дифференциация этого слова. Оно стало употребляться в значениях: 1) «пища, еда», 2) «плов». В свое время это заметил и автор словаря «Келур-наме» (XVIII век), переводивший это слово на персидский язык как: 1) *taām-i mašhūri* 'всем известная еда' (то есть плов); 2) *har taām* 'всякая пища' (КН, 32°).

В современном узбекском языке слово *aš* подверглось семантической специализации и стало употребляться в основном в значении «плов», а в обобщенном значении «еда», «пища» ныне употребляется слово *avakat*. В связи с семантическим изменением слова *aš* происходило и сужение значения глагола *aša-*, который раньше означал «вообще есть», «кушать», а в современном узбекском языке употребляется в значении «есть рукой (пальцами)».

5. **Дифференциация значений слов.** Этот процесс связан с фонетическими изменениями слов. Так, например, в староузбекском языке очень употребительным было слово *ün* 'голос'. От этого корня образован глагол *ündä-*, который приобрел разные значения: «подавать голос», «звать», «кричать», «приглашать», *Mundyn soñta bizni suhbat-i 'āli:jya ündämägäjsiz* 'Больше не приглашайте меня на беседу с вами' (БВ, 265^a). *Мәндә 'Алини үндайй бериң* 'Позовите ко мне Али'¹⁶.

В письменных памятниках XIX века встречается производное существительное *ündäk'či* 'вестник', 'глашатай'; например: *Bark misāl ündäk'či jubardy* 'Отправил быстрого, как молния, вестника' (ШИ, 170^a). В современном узбекском языке *ündäk'či* не употребительно, а *ün* встречается крайне редко. В результате фонетической и семантической дифференциации появились два варианта этого глагола: *indä-* и *ündä-* (причем *in*

¹⁴ «Персидско-русский словарь», т. II, стр. 478.

¹⁵ Э. Фазылов. Староузбекский язык, т. I, стр. 92.

¹⁶ Там же, т. II. Ташкент, 1971, стр. 456.

и ўп — равно старые формы), которые употребляются как два самостоятельных слова. Первое из них означает «отвечать», «говорить», а второе «приглашать», «призывать», «заставлять».

Краткие выводы:

1. Семантические изменения слов происходят в течение длительного времени, и этот процесс требует диахронического исследования, то есть сопоставления письменных памятников, относящихся к различным периодам истории данного языка.

2. В результате семантических изменений может происходить омонимизация или полисемантизация слов. В отдельных случаях (при пересмыслении) слова утрачивают свое первоначальное значение и приобретают совершенно новый смысл. Так возникают новые слова.

3. Все виды языковых изменений в целом представляют собой различные формы развития языка. Однако «... абсолютный прогресс выражается прежде всего в росте словарного состава языка и в увеличении количества значений слов»¹⁷.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХХ	— П. П. Иванов. «Архив Хивинских ханов XIX века». Исследование документов с историческим введением. Л., 1940.
БН	— Заҳриддин Муҳаммад Бобир. «Бобирнома». Тошкент, 1960.
БВ	— Восифи. «Бадое-ал-вакое» (перевод Диловара). Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инв. № 3344.
ГД	— Агахи. «Гульшан-и давлат». Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инв. № 7572.
ДЛТ	— Маҳмуд Кошғарий. «Девону луғотит турк». Тошкент, 1960—1963.
ДТС	— «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
КН	— Мухаммед Якуб Чинги. «Келур-наме». Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инв. № 5052.
МУЖРИМ	— Мужрим-Обид. «Газелы». Подготовил к печати Р. Камилов. Ташкент, 1960.
РС	— Мирхонд. «Равзат-ус-сафо», т. I (перевод Муниса). Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инв. № 7305.
ТС	— Эшмурад ибн Одинамухаммад. «Тарих-и Саидмухаммадхони». Ленинградский институт востоковедения Академии наук СССР, С-573.
ХН	— «Хатам-наме». Ленинградский институт востоковедения Академии наук СССР, С-172/1.
ЧД	— Хиромий. «Чор дарвеш». Нашрга тайёрловчи А. Азизов. Тошкент, 1960.
ШИ	— Агахи. «Шахид-ал-икбол». Ленинградский институт востоковедения Академии наук СССР, С-572.
ШТ	— А. Н. Кононов. «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского». М.—Л., 1958.

¹⁷ «Общее языкознание. Формы существования, функции, истории языка». М., 1970, стр. 306.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

К ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Научное изучение тюркских лексических элементов в русском языке началось еще в XVIII веке. Интерес к этой проблеме то усиливался, то ослабевал, но количество работ, посвященных исследованию тюркизмов, неуклонно росло, и поэтому появление критического обзора разысканий в данной области оказалось весьма своевременным. Обзоры предшествующих разысканий о тюркских заимствованиях, отличающиеся разной степенью полноты и глубины обобщения, содержатся почти во всех значительных работах, посвященных анализу тюркских по происхождению слов русского языка, хотя и носят здесь вспомогательный характер.

Специальным обзором литературы, посвященной изучению тюркизмов русского языка, явился опубликованный в 1966 г. Н. Поппе-младшим «Обзор исследований по тюркским заимствованиям в русском языке»¹. В 1971 году этот обзор в переработанном и дополненном виде был издан в Федеративной Республике Германии отдельной книгой под названием «Исследования тюркских заимствований в русском языке»².

В обоих вариантах обзора автор не стремился к библиографической полноте, что в значительной степени снижает ценность как статьи, так и монографии. Более того, исключив работы, посвященные отдельным словам, Н. Поппе-младший даже несколько сократил библиографическую часть своей книги, поэтому обзорная статья 1966 года в библиографическом отношении продолжает сохранять свое прежнее значение. В книге основное внимание автора сосредоточено на характеристике теоретического уровня работ и объема исследований тюркизмов в русском языке, носящих словарный характер, начиная с составленных нашими востоковедами И. Н. Березиным, А. К. Казембеком, В. В. Григорьевым, П. Я. Петровым и другими (по просьбе Второго отделения Академии наук на материале «Опыта областного великорусского словаря») глоссариев областных великорусских слов, «сходных или сродных» со словами восточных языков. Н. Поппе анализирует эти глоссарии, перепеча-

¹ *Nicholas Poppe, Jr.* A. Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language. — «Central Asiatic Journal», volum XI, № 4. December 1966, стр. 287—310.

² *Nicholas Poppe, Jr.* Studies of Turkic Loan-Words in Russian. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1971, X+70 стр. (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens. Herausgegeben für das Seminar für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn von Walter Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke und Nikolaus Poppe, Band 34).

танные в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» (т. 1, вып. I—III. СПб., 1854). Более раннее их издание в прибавлениях к «Известиям имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (т. 1, 1852 и далее) автором, по-видимому, осталось неиспользованным, хотя о нем есть упоминание без точных библиографических данных. Важным дополнением к характеристике «Замечаний о восточных словах в областном великорусском словаре» И. Н. Березина являются им же написанные и чрезвычайно важные в методологическом отношении «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке» («Москвитянин», 1852, август, № 15, стр. 106—109 раздельной пагинации, отд. III). Последняя публикация И. Н. Березина у Н. Поппе, к сожалению, не упоминается, как и более ранние высказывания Ф. И. Эрдмана о приемах изучения восточных слов в русском языке, содержащиеся в двух его разных статьях под одинаковым названием «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в русский» [1] Казанский вестник, издаваемый при Казанском университете, 1828, ч. XXIV, сентябрь, стр. 33—53 (и отдельный оттиск); 2) Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете, ч. V, кн. 1. М., 1830, стр. 215—245].

Далее Н. Поппе-младший дает подробную характеристику лексикологических работ выдающегося слависта Ф. Миклошича в связи с анализом тюркского вклада в славянские языки, причем им вскрывается определенная преемственность между трудами Ф. Миклошича и предыдущими работами. Разыскания Ф. Миклошича рассмотрены автором вместе с откликами на его работы со стороны нашего лингвиста-полиглота Ф. Е. Корша и тюрколога-востоковеда Ф. Крэлица-Грейфенхорста.

Обзор работ, касающихся анализа тюркских лексических элементов «Слова о полку Игореве», Н. Поппе-младший начинает со статьи П. М. Мелиоранского, считая ее первым исследованием по данному вопросу, хотя следовало бы начать со статьи Ф. И. Эрдмана «Следы азиатизма в „Слове о полку Игореве“», опубликованной в 1842 г. (октябрь) в части XXXVI «Журнала Министерства народного просвещения» (II отд., стр. 19—46). Не упомянут у Н. Поппе и заслуживающий особого внимания первый комментированный словарь тюркизмов «Слова о полку Игореве» в рецензии И. Н. Березина на стихотворный перевод «Слова» Н. Гербея «Игорь, князь Северский» («Москвитянин», 1854, № 22, отд. IV, стр. 68—71). В обзор следовало бы включить также разыскания о группах слов или об отдельных тюркизмах «Слова о полку Игореве», принадлежащие перу В. А. Гордлевского, Н. А. Баскакова, Х. Шёльда, Л. Лигети, Л. Рашоњи, О. Прицака и других, упомянуть в нем отклики на монографию К. Г. Менгеса, в первую очередь рецензию Н. Поппе (старшего) в журнале «Word» (1953, № 1). Лишь в библиографическом плане представляет интерес в целом дилетантская статья А. А. Зимина «К вопросу о тюркизмах „Слова о полку Игореве“ (опыт исторического анализа)», опубликованная в «Ученых записках Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР» (вып. XXXI. Исторический сборник. Чебоксары, 1966, стр. 138—155).

Главное место в своих обзорах Н. Поппе-младший отводит рассмотрению работы Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», которая была задумана автором в тяжелую военную зиму 1941—1942 гг. как тюркологический комментарий к четырехтомному «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Исследование как доклад «О тюркских заимствованиях в русском языке» было до-

ложено и обсуждено на четырех научных заседаниях комиссии по изучению современного русского языка в Институте языка и письменности Академии наук СССР в Москве 20 и 27 февраля, 6 и 13 марта 1942 года, причем на последнем заседании был также заслушан содоклад Б. В. Миллера об иранских словах в русском языке³.

Сам Н. К. Дмитриев считал свою работу предварительной, полагая, что ее автор «едва ли имеет право сказать: *fecit quod potui*»⁴. Опубликованное после смерти Н. К. Дмитриева его исследование «О тюркских элементах русского словаря» не лишено некоторых недочетов, связанных вопреки несправедливому мнению Н. Поппе не с тем, что Н. К. Дмитриев якобы «не владел в такой же степени сравнительным славянским и индоевропейским языкознанием, как тюркским» (стр. 39), что не соответствует действительности, а с тем, что исследование в целом не было завершено. Судя по третьему подстрочному примечанию к вводной части исследования («В последнее время вышли еще работы проф. Миртова, М. Овода, Белецкого, Абаева, Менгеса») ⁵, Н. К. Дмитриев знал работы К. Г. Менгеса о тюркизмах в славянских языках, но учесть эти работы более детально не смог. Н. Поппе же утверждает (см. стр. 297, 301 статьи и менее категорично на стр. 26 книги), что Н. К. Дмитриев с работами К. Г. Менгеса не был знаком. Есть в работе Н. Поппе-младшего и другие неточности. На стр. 40 своей книги Н. Поппе ставит в упрек Н. К. Дмитриеву то, что последний якобы возводит русск. *киоск* непосредственно к турецкому *кõшк* 'замок, вилла, особняк', хотя на стр. 537 книги Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков», на которую сделана ссылка, ничего подобного нет. Более того, во вводной части статьи (стр. 511 той же книги) Н. К. Дмитриев точно указывает, каким путем это слово проникло в русский язык: персидск. > турецк. > новогреч. > франц. > русск.

В целом же труд Н. К. Дмитриева получил в обзоре Н. Поппе-младшего очень высокую оценку как исследование, в котором разработка теоретических проблем гармонически сочетается с практическим анализом тюркизмов русского языка. Н. Поппе признает самостоятельность и оригинальность исследования Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» в противоположность Г. Дёрферу, который в своей большой работе о тюркских и монгольских элементах в новоперсидском языке, упомянув книгу Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков» (М., 1962), делает в скобках весьма едкое замечание: «поскольку совпадает с „Этимологическим словарем русского языка“ М. Р. Фасмера, не цитируется»⁶. Впоследствии, правда, и Г. Дёрфер вполне осознал, что статья Н. К. Дмитриева, опубликованная после выхода в свет словаря М. Р. Фасмера, никак с этим словарем не связана, и поэтому во II и III тт. своего исследования он нередко ссылается на статью Н. К. Дмитриева, вопреки обещанию не цитировать ее.

Н. Поппе-младший почему-то не упоминает и другой статьи Н. К. Дмитриева «Ударение в русских словах тюркского происхождения» («Сборник статей по языкознанию. Памяти М. В. Сергиевского». М.,

³ Эти сведения были нам любезно сообщены присутствовавшим на упомянутых заседаниях С. С. Высотским, которому, пользуясь случаем, автор выражает свою признательность.

⁴ См.: Н. К. Дмитриев. *Строй тюркских языков*. М., 1962, стр. 520.

⁵ Там же, стр. 515. В первом издании статьи («Лексико-географический сборник», III. М., 1958, стр. 11) этого примечания нет.

⁶ G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*, Bd I. Wiesbaden, 1963, стр. XVIII. Ср. последующие тома: Bd II, 1965; Bd III, 1967.

1961, стр. 96—104), которая по содержанию непосредственно связана с большим исследованием автора «О тюркских элементах русского словаря» и служит акцентологическим дополнением к последнему.

Последняя часть рассматриваемого обзора содержит общую характеристику этимологических словарей русского языка, в числе которых следовало бы упомянуть сохранивший сейчас лишь историческое значение «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка» Ф. И. Рейфа (т. I—II. СПб., 1835—1836). В этом словаре имеется немало удачных сопоставлений русских слов с тюркскими. Н. Поппе-младший характеризует этимологические словари лишь с точки зрения подачи в них тюркских заимствований.

Однако, хотя автор и ограничился в своей книге в основном характеристикой исследований типа словарей и глоссариев, можно и здесь у него отметить упущения: М. Овод. О тюркизмах в русском и украинском языках. — В башкирском журнале «Белем» («Знание»). Уфа, 1930, № 1, стр. 51—56, № 2, стр. 69—73; там же рецензия в № 5-6, стр. 79, 81; Martti Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte. — «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd XXIX. Helsinki, 1946, стр. 190—201. Последняя работа особенно важна, ибо М. Ряснен ставит вопрос о необходимости выделения среди прочих тюркизмов слов с чувашско-булгарскими чертами. Этот вопрос был выдвинут еще раньше Н. И. Ашмариным в книге «Болгары и чуваша» (Казань, 1902), в которой приводится список русских и церковнославянских слов, обнаруживающих сходство с чувашскими (стр. 112—114). Собранные Н. И. Ашмариным созвучные слова долго не находили исследователя.

Было бы полезным также не терять из поля зрения работы, в которых тюркизмы русского языка рассматриваются попутно. В первую очередь должны быть названы многочисленные тюркологические исследования М. Ряснена и Ю. Немета о бродячих словах. Ценные замечания о тюркских заимствованиях в русском словаре имеются в упоминавшейся уже работе Г. Дёрфера о тюркизмах и монголизмах новоперсидского языка.

Поскольку книга Н. Поппе-младшего содержит далеко не полный обзор литературы, особенно изданной в нашей стране, представляется целесообразным назвать работы, которые помогут значительно восполнить ее пробелы. Обзор дореволюционных исследований о русских тюркизмах дан в обстоятельной книге А. Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972, стр. 251—253)⁷. Современные исследования частично перечислены в статье К. Р. Бабаева «К истории изучения лексических заимствований тюркского происхождения в русском языке» («Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского», вып. 114. Серия лингвистическая. Горький, 1970, стр. 3—16).

Несмотря на то, что обзоры литературы по исследованию тюркизмов в русском языке Н. Поппе-младшего не могут быть признаны исчерпывающими и требуют дополнений и уточнения отдельных деталей, в целом оба варианта его работы представляют собой весьма полезное пособие, систематизирующее знания в области тюрко-славянских языковых связей.

⁷ См. также: «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». Под редакцией и с введением А. Н. Кононова. М., 1974.

С. ХАТТОРИ

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ЯПОНИИ (1946 — 1972 гг.)

0. В связи с тем, что труды японских ученых-ориенталистов обычно публикуются на японском языке, чтение на котором представляет чрезвычайную трудность для иностранцев, японское востоковедение остается почти не известным западному миру. Однако уже в восьмом веке в Японии началось серьезное изучение китайской классики, и именно эрудиция в этой области с того времени стала мерилом истинной учености. В результате изучения китайских книг и документов в конце прошлого столетия появились на японском языке исследования по истории не только Китая, но и других восточных народов. Интересу к истории этих народов сопутствовал, естественно, и интерес к их языкам, в том числе и к тюркским. И все же следует признать, что число японских лингвистов-тюркологов довольно ограничено. Но несмотря на это, историки, изучающие Центральную Азию, достаточно осведомлены в тюркских языках, а некоторые из них успешно ведут филологические исследования. Это является результатом традиции, сложившейся еще в эпоху Мейдзи*, когда именно историки были инициаторами изучения алтайских языков. Так, например, в Японии известны четыре перевода «Тайной истории монголов», и все они выполнены историками.

Среди авторов, приведенных в библиографии в конце статьи, М. Гох, С. Мураяма, М. Номура, С. Одзава, Н. Осада, М. Сато, Т. Сибата, К. Такеути и С. Хаттори являются лингвистами, а Т. Кобаяси, Ф. Мицухаси, М. Мори, Ю. Нагата, Дз. Ода, Т. Сагути, А. Ханеда и Н. Ямада — историками.

1. Исследование тюркских языков в сравнении с другими алтайскими языками.

В 1959 г. М. Номура и С. Хаттори независимо друг от друга пришли к заключению, что в протомонгольском языке наряду с краткими имелись и долгие гласные. С. Хаттори, проводивший сравнительные исследования монгольских языков и уделявший при этом особое внимание оппозиции между краткими и долгими гласными, пришел к выводу, что некоторые монгольские долгие гласные восходят к протомонгольским долгим. Тогда же М. Номура, сопоставляя монгольские долгие гласные с турецкими и тунгусскими, обнаружил ряд совпадений, указывающих на то, что соответствующие слова в протомонгольском, возможно, имели долгие гласные. Как известно, почти в то же самое время сходная теория развива-

* Мейдзи — по японскому летоисчислению период с 1868 по 1911 гг. — *Ред.*

лась и Н. Поппе. Позднее М. Номура расширил свои исследования в данной области (см. библиографию).

По мнению автора, нельзя с уверенностью считать, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки действительно составляют одну языковую семью, поскольку пока еще не получен убедительный ответ на вопрос о том, чем объясняется то или иное соответствие либо сходство — родством или заимствованием. Именно в этом заключается одна из причин того, что М. Номура в своих работах не уделил сравнению монгольских языков с другими алтайскими языками соответствующего внимания. Несмотря на ряд зафиксированных исключений из общего правила соответствия долгих гласных (причем, не только между группами языков, входящими в алтайскую семью, но и между языками одной группы), результаты, полученные М. Номурой, явились, безусловно, крупным шагом вперед в сравнительном изучении алтайских языков. Лишь после того, как будет дано убедительное объяснение соотношению совпадений и исключений, а также реконструирована прасистема долгот, можно будет считать, что одно из доказательств родства упомянутых трех языковых групп получено.

С. Мураяма (1958) также внес определенный вклад в разработку проблемы соответствий между алтайскими языками.

В 1816 г. Франц Бопп установил родство санскрита, греческого, латинского, персидского и немецкого языков. Однако потребовалось около шестидесяти лет на то, чтобы доказать в терминах звуковых законов несомненное родство индоевропейских языков. Установление Ф. Боппом родства этих языков стало возможным только потому, что они имеют флективную, то есть нерегулярную и сложную, систему спряжения. В случае же с алтайскими языками, которые, как известно, являются агглютинативными, простое сходство словоизменительных аффиксов еще не может служить доказательством родства этих языков (хотя и указывает на возможность родства), ибо частицы и агглютинативные окончания могут быть заимствованными, причем окончания часто ослабляются, что нередко приводит к нарушениям фонетических законов. Именно поэтому следует сравнивать главным образом лексику и выявлять фонетические закономерности, проявляющиеся в родственных словах и отличающие их от заимствований.

С этой точки зрения заслуживают упоминания публикуемые М. Гохом с 1967 г. части обширного сравнительного исследования маньчжурской, монгольской и тюркской лексики в пятиязычном словаре «Wu-t'i Ch'ing-wen-chien» (около 1790 г.). М. Гох пишет (1967), что из 18673 словарных единиц около 2000 обнаруживают сходство по форме и значению в двух или трех алтайских языках.

В одной из своих работ (1969) М. Гох перечисляет около 520 лексических единиц, имеющих сходство в маньчжурском и монгольском языках, в другой статье (1970) указывает около 330 единиц, сходных в монгольском и тюркском, свыше 270 — в маньчжурском и монгольском и 126 — в маньчжурском и тюркском языках. Эти списки, очевидно, включают не только родственные, но и заимствованные слова.

Для доказательства родства алтайских языков необходимо эти слова классифицировать и выявить подлинно родственные лексические единицы. Во всяком случае работы М. Гоха представляют собой полезную попытку, приближающую нас к цели.

С. Хаттори (1948, 1959), Т. Сибата (1955), С. Мураяма (1958, 1962) и Н. Осада (1966, 1972) исследуют тюркские языки, сопоставляя их с корейским, японским, монгольским и тунгусским языками.

2. Сравнительное изучение тюркских языков.

Будучи сторонником теории пратюркской оппозиции кратких и долгих гласных, К. Такеути (1954) считает, что *а и *ä представляли соответственно [æ] и [e:]. Однако это положение недостаточно обосновано.

Сравнивая между собой системы вокализма тюркских языков, С. Хаттори (1972) выдвинул следующую гипотезу: «Татарский (казанский) z-язык сформировался под влиянием субстрата — r-языка, языка волжских булгар. Чувашский, r-язык, в какой-то мере отличался от болгарского уже в VII веке (со времени переселения булгар с юга в соседний Волго-Камский район). С середины XVII века волжские булгары находились под влиянием тюрков-татар (кыпчакского племени, близкого, если не тождественного, куманам) и в результате восприняли их язык с характерной для него системой гласных. К этому языку и восходит татарский (а также башкирский)». Попутно С. Хаттори реконструирует глухой [1] (фонематически /eh/) для наблюдающего соответствия -ž (z-язык) || -l (r-язык).

3. Изучение отдельных тюркских языков.

Здесь следует выделить два аспекта изучения: 1) лингвистическое исследование и 2) филологическое исследование, а также переводы текстов.

3.1. Лингвистическое исследование.

В 1946 г. Т. Сибата описал саларский язык китайской провинции Цинхай.

К. Такеути издал грамматику турецкого языка (1970).

3.1.1. Фонетика и фонология.

Т. Сибата (1950, июль; 1953) пришел к заключению, что рунические знаки, обычно транслитерируемые как *nd* (*nt*) и *ld* (*lt*), обозначают сочетания звуков, последний из которых взрывной [d] (с тенденцией к оглушению), тогда как рунические знаки, обычно транслитерируемые как *d*, соответствуют фрикативному [ð]. Знак, обычно транслитерируемый как *ñž*, обозначает [ndž], тогда как знак, обычно транслитерируемый как *č*, передает [tš].

Т. Сибата (1952; 1953) сделал также ряд наблюдений над гармонией гласных в тюркских языках.

С. Хаттори (1951; 1961) занимался изучением вопросов фонетики татарского языка. В подготавливаемой к печати статье он высказывает мнение о том, что высокие гласные в татарском языке (по крайней мере в мишарском диалекте) могут интерпретироваться с фонологической точки зрения как дифтонги, оканчивающиеся на [j] или [w], то есть [i] /ej/, [ü] /ew/, [u] /əw/, [y] /əj/.

3.1.2. Грамматика.

Т. Сибата (1948) изучал синтагму [слово (в частности, оформленное суффиксами) с энклитиками] в турецком языке.

С. Хаттори (1950) предложил три универсальных критерия для отграничения проклитических и энклитических слов от префиксов, суффиксов и окончаний, представляющих собой не слова, а связанные формы. Если применить первые два критерия к турецкому языку, то получится, что *geldi*, *geldin*, *gelse*, *gelsen* и т. д. представляют собой слова, оформленные суффиксами и окончаниями, тогда как *mî*, *de*; *-dir*, *-sin* (*ev mî*, *ev de*; *evdir*, *talebesin*) — энклитические слова.

Т. Сибата (1972) дал структурное описание значений личных окончаний в турецком языке.

Согласно общепринятому мнению, в алтайских языках отсутствуют относительные местоимения. По наблюдениям С. Хаттори (1958), в татарском и монгольском языках в некоторых случаях вопросительные местоимения функционально приближаются к относительным местоимениям. Например: *Kemnen arbasəna utəgərsən, šünən žirən žərlarsən* 'Будешь петь песню того, в чьей повозке будешь сидеть'; *Qaja telejsen, šunda quj* 'Положи туда, куда хочешь'.

3.1.3. Лексика.

Т. Сибата (1968) рассмотрел в структурном аспекте термины родства в турецком языке.

3.2. Изучение и переводы надписей, документов и других текстов.

Как уже отмечалось выше, японские ученые, занимающиеся историей Центральной Азии, настолько хорошо владеют тюркскими языками, что свободно читают оригинальные тексты древних тюркских письменных памятников. Их упомянутые в библиографии статьи являются результатом изучения не только китайских книг и документов, но и источников, написанных на тюркских и других языках.

Т. Сибата посвятил ряд статей лингвистическому описанию орхонских памятников, а М. Мори широко исследовал тюркютские надписи в историческом аспекте.

Уйгурские документы изучались А. Ханедой, М. Мори и Н. Ямадой. М. Мори и Н. Ямада опубликовали переводы этих документов и исследования о них (см. библиографию).

Т. Кобаяси и М. Сато посвятили свои совместные публикации (1957, 1959) «Чингиз-наме».

С. Мураяма (1963, 1964) исследовал несторианские надгробные надписи.

М. Сато (1954) перевел несколько тюркских сказок, а Т. Сибата (1961) — ряд турецких сказок и легенд. С. Хаттори (1961) перевел три сказки выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая.

4. Преподавание тюркских языков.

С 1961 г. М. Мори преподает в Токийском университете современный турецкий, османо-турецкий, уйгурский и тюркютский языки. Дз. Ода с 1970 г. преподает в университете Киото современный турецкий и османо-турецкий языки, а также язык, на котором написана «Кутадгу билиг».

Н. Ямада в течение 1968 и 1969 гг. преподавал уйгурский язык в университете Осака.

К. Такеути преподавал турецкий язык в Парламентской библиотеке (1956), а затем в Токийском университете иностранных языков (1961, 1963, 1964) и в библиотеке Тойо Бунко (1971).

Т. Сибата в 1956 и 1967 гг. вел семинар по полемому исследованию турецкого языка в Токийском университете, а в 1968—1970 гг. преподавал там же турецкий язык.

С 1968 г. С. Мураяма преподавал турецкий язык в университете Кюсю, а затем, с 1972 г., в Индустриальном университете Киото.

С. Одзава преподавал турецкий язык в Министерстве иностранных дел (в 1963 и в 1968—1970 гг.).

5. Алтаистическая конференция.

В 1964 г. на одном из японских летних курортов (Lake Nojiri) состоялась конференция алтаистов (в основном историков), ставшая с этого времени традиционной. На конференции ее участники выступают с лекциями, докладами и сообщениями о результатах своих исследований.

Эти довольно непринужденные встречи, содействуя научному общению, способствуют дальнейшему развитию алтаистических исследований, проводимых японскими учеными.

6. Поскольку тюркские языки локализованы довольно далеко от Японии, нельзя рассчитывать на особенно ускоренное развитие тюркологии в нашей стране. Тем не менее тюркские языки стоят в центре внимания некоторых известных японских ученых, историков и лингвистов. Можно надеяться, что все возрастающий международный обмен научной информацией в значительной мере будет стимулировать тюркологические исследования в Японии, и круг ученых-тюркологов станет шире. Следует также отметить, что в нашей стране хорошо осведомлены о реформе турецкой письменности, и все те, кто заинтересован в латинизации японской графики, внимательно изучают опыт Турции и проявляют большой интерес к турецкому языку.

Перевел с английского В. ПИНЕС.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Гох, Минору
(Goh, Minoru)

1967, февраль.

Алтайская лингвистика и «Wu-t'i Ch'ing-wen-chien». Сравнительное исследование маньчжурской, монгольской и чагатайско-турецкой лексики. — «Okayama Daigaku Hōbungakubu Kiyō», 25, стр. 80—88.

1969, январь.

Сравнительное исследование лексики маньчжурского, монгольского и чагатайско-турецкого языков в многоязычном словаре «Wu-t'i Ch'ing-wen-chien». — «Gengo Kenkyū», 54, стр. 49—62.

1969, март.

То же, часть III. — «Okayama Daigaku Hōbungakubu Kiyō», 29, стр. 17—41.

1970, март.

То же, часть IV. — Там же, 30, стр. 181—202.

Кобаяси, Такасио; Сато, Макото
(Kobayashi, Takashirō; Satō, Makoto)

1957, июнь.

О «Чингиз-наме». — «Jimbun Ronkyū», 17, стр. 95—112; Текст «Чингиз-наме» (I), стр. 1—11.

1959, декабрь.

Текст «Чингиз-наме» (II), стр. 1—13.

Мицухаси, Фудзио
(Mitsuhashi, Fujio)

1953, февраль.

История изучения современного уйгурского языка в китайском Туркестане, в основном в связи с трудами С. Малова. —

* Названия книг и статей, опубликованных на японском языке, даны в переводе на русский язык; сведения об изданиях, в которых помещены статьи, а также выходные данные приводятся в авторской транслитерации. — *Ред.*

«Chiba Daigaku Bunrigakubu Kiyō Bunka Kagaku», 1:1, стр. 15—21.

1959, июль.

Культурные контакты между Анатолией и Мавераннахром в староосманский период. — «Shigaku», 32:2, стр. 1—21.

1970, март.

Japonya'da Türkiye'ye Ait Tetkiklerde Karşılaşılan Meseleler. — «Annual Report of the Foreign Student's College of Chiba University», 5, стр. 1—3.

1971, октябрь.

Китайское море в «Китаби Бахрие» Пири Рейса. — «Orient», 8:3/4, стр. 171—184.

Мори, Масао
(Mori, Masao)

1954, декабрь.

Введение в изучение официальных титулов восточных тюркютов. О титуле qaγan «Первой империи». — «Tōyō Gakuhō», 37:3, стр. 1—15.

1959, октябрь.

Об il~el в енисейском тюркском. — «Kodaigaku», 7:2, стр. 115—139.

A Study an Uyghur Documents of Loans for Consumption. — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», 20, стр. 111—148.

1960, март.

Торговый контракт винного двора, написанный по-уйгурски. — «Tōyō Gakuhō», 42:4, стр. 22—50.

1961, январь и февраль.

Исследование официальных титулов восточных тюркютов. О титуле šad «Первой империи», (I) и (II). — «Shigaku Zasshi», 70:1, стр. 1—33; там же, 70:2, стр. 29—58.

февраль.

Sīcī и Ssū-chin. — «Wada Hakushi Koki-kinen Tōyōshi Ronsō», стр. 29—58.

март.

Уйгурские торговые документы. — «Yūboku Shakai Shi Tankyū», 9, стр. 1—18.

март.

Уйгурские документы о займах. — «Seiiki Bunka Kenkyū», 4, стр. 221—254.

сентябрь.

Статья о гарантиях в уйгурских торговых документах. — «Tōyō Gakuhō», 44:2, стр. 1—23.

1962, июнь.

«Qu(о?)у» и «öz» в енисейских надписях. — «Tōyō Gakuhō», 45:1, стр. 1—33.

июль.

Государство тюркютов (преимущественно на материалах орхонских надписей). — «Kodaishi Kōza», 4, стр. 79—112.

сентябрь.

Уйгурский перевод «Suvaṇṇaprabhāsa». — «Shigaku Zasshi», 71:9, стр. 66—81.

декабрь.

Заметки о древнем тюркском обществе (преимущественно на материалах енисейских надписей). — «Kodaishi Kōza», 6, стр. 149—186.

1963, март.

Относительно работы Зейнап Коркмаз «Uçun, için, için v. b. çekim edatlarının yapısı üzerine». — «Tōyō Gakuhō», 45:4, стр. 134—143.

июнь.

Документ о разделе земли, написанный на уйгурском языке в период Юань. — «Iwai Hakushi Kōki-kinen Tenseki Ronshū», стр. 712—727.

декабрь.

Исследование официальных титулов восточных тюркютов. О титулах Ai-li-fa и Ai-chin племен T'ieh-lê. — «Tōyō Gakuhō», 46:3, стр. 1—30.

1965, март.

Рассказы Ходжи Насреддина (японский перевод 500 рассказов). Heibonsha. Tokyo, 310 стр.

июнь.

О некоторых отрывках из памятника, полученного Yang-ti из династии Суй от Ch'i-min qaṣan'a. — «Tōyō Gakuhō», 48:1, стр. 49—79.

сентябрь.

On Ch'i-li-fa (etäbär/eltäbir) and Ch'i-chin (irkin) T'ieh-lê Tribes. — «Acta Asiatica», 9, стр. 31—56.

декабрь.

Относительно вопроса, обсуждаемого Турецким лингвистическим обществом: «Dilde Özleşmenin Sınırı Ne Olmalıdır?». — «Tōyō Gakuhō», 48:3, стр. 121—124.

Ch'i-min Hakan'ın bir Çin İmparatorunagönderdiği mektubun üslûbu üzerine. — «Reşid Rahmeti İçin». Ankara, стр. 363—371.

1966, декабрь.

Японско-турецкий и турецко-японский разговорник. Daigaku Shorin. Tokyo, 132 стр.

1967, март.

Изучение истории древних тюркских народов. Yamakawa Shuppansha. Tokyo, 656 стр.

октябрь.

Еще раз об уйгурских документах о займах. — «Niida Noboru Hakase Tsuitō Rombunshū Ajia no Hō to Shakai», стр. 235—266.

1969, апрель.

«Bögü (bügü)-qaṣan» и «p'u-chü». — «Kamata Hakase Kan-eki-kinen Rekishigaku Ronsō», стр. 213—223.

июнь.

О «bögü (bügü)-qaṣan» в памятнике Тоньюкуку. — «Tōyō Gakuhō», 52:1, стр. 62—89.

1972, декабрь.

E-shih-tê-yüan-chên и Тоньюкук. — «Yamamoto Hakase Kan-reki-kinen Tōyōshi Ronsō», стр. 451—468.

Мураяма, Сисиро
(*Murayama, Shishirō*)

1958

Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen. — «Oriens», 11:1/2, стр. 224—230.

1959

Sind die Naiman Türken oder Mongolen? — «Central Asiatic Journal», 4:3, стр. 188—198.

Ueber das naimanische Wort *torluq*. — «Juntendō Daigaku Taiikugakubu Kiyō», 2, стр. 47—49.

1962

Etymologie das altjapanischen Wortes *irō* «Farbe, Gesichtsfarbe, Gesicht». — «Ural-Altaische Jahrbücher», 34:1/2, стр. 107—112.

1963

Die syrisch-nestorianischen Grabinschriften aus Pailing Miao und Ch'üan-chou. — «Transactions of the International Conference of Orientalists in Japan», 8, стр. 22—25.

1964

Eine nestorianische Grabinschrift in türkischer Sprache aus Zaiton. — «Ural-Altaische Jahrbücher», 15/D, стр. 394—396.

Ueber die nestorianischen Grabinschriften in der Inneren Mongolei und in Südchina. — «D'Oriente Cristiano nella storia della civiltà». Roma, стр. 77—81.

1968

Рецензия на книгу М. Мори «Изучение истории древних тюркских народов». — «Tōyō Gakuhō», 50:4, стр. 136—147.

1972

Современное состояние алтаистики. — «Tōyōshi Kenkyū», 31:3, стр. 93—103.

Нагата, Юдзо
(*Nagata, Yūzō*)

1969

Muhsin-zâde Mehmed Paşa ve a'yânlık müessesesi.

Номура, Масаёси
(*Nomura, Masayoshi*)

1959, март.

Долгие гласные в монгольском и возможность существования долгих гласных в протомонгольском. — «Nagoya Daigaku Bungakubu 10 Shūnen Kinen Ronshū», стр. 621—632.

1965, март.

Исследование системы гласных в протомонгольском, 1. — «Nagoya Daigaku Bungakubu Kenkyū Ronshū», 37, стр. 1—40.

1966, март.

То же, 2. — Там же, 40, стр. 1—10.

- 1968, декабрь.
То же, 3. — «Nagoya Daigaku Bungakubu 20 Shūnen Kinen Ronshū», стр. 483—489.
- 1971, март.
То же, 4. — «Nagoya Daigaku Bungakubu Kenkyū Ronshū», 52, стр. 1—30.
- 1972, март.
То же, 5. — Там же, 55, стр. 5—18.
- 1973, март.
То же, 6. — Там же, 58, стр. 5—33.

Ода (ранее Нагамото), Дзутен
[Oda (Nagamoto), Juten]

- 1963, июль.
О королевском доме Qomul в раннюю эпоху Мин. — «Tōyōshi Kenkyū», 22:1, стр. 1—38.
- 1969, ноябрь.
Заметка об исторических материалах «Khitay-name» Али Экбера. — «Shirin», 52:6, стр. 90—111.

Одзава, Сигео
(Ozawa, Sigeo)

- 1966, апрель.
Карманный японско-английско-монгольско-турецкий словарь. Daigaku Shorin. Tokyo, viii + 156 стр.

Осада, Нацуки
(Osada, Natsuki)

- 1966, апрель.
Наблюдения над корейскими односложными существительными в свете исторической и сравнительной лингвистики. — «Chōsen Gakuhō», 39/40, стр. 74—120.
- 1972, декабрь.
Исследование протояпонского языка. Попытка объяснить генеалогию японского языка. Kōbe Gakujiutsu Shuppan, 138 стр.

Сагучи, Тору
(Saguchi, Tōru)

- 1963, март.
Социальная история Восточного Туркестана в XVIII—XIX вв. Yoshikawa Kōbunkan. Tokyo, 755 стр.
- 1964, ноябрь.
Общество таранчи. История уйгуров в районе Или между 1760 и 1860 г. — «Shigaku Zasshi», 73:11, стр. 1501—1552.
- 1966, сентябрь.
Этнические группы казахов Большой орды. — «Tōyōshi Kenkyū», 25:2, стр. 129—162.
- 1966
Казахские кочевники в районе Тарбагатай. — «Kita Asia Minzokugaku Ronshū (Университет Каназавы)», № 3, стр. 1—37.
- 1967
Проблемы этнической истории саларов (с библиографией). — «Kanazawa Daigaku Hōbungakubu Ronshū», Shigaku Hen, 14, стр. 20—42.

1972, октябрь.

Этническая история желтых уйгуров. — «Festschrift for Professor Tatsurō Yamamoto». Yamakawa Shuppansha. Tokyo, стр. 191—202.

В печати:

The Uyghurs and Other Non-Moslim Turks under Mongol Domination, circa 1200—1350. — «Philologiae Turicae Fundamenta», vol. III (History). Wiesbaden.

The Turks in the Territory of the Chinese Empire from the End of the Mongol Empire to 1919. — Там же.

Сагo, Макото

(*Satō, Makoto*)

1954, октябрь.

Сказки тюркских народов. — «Sekai Minwa Zenshū», 8. Kawade Shobō. Tokyo, стр. 108—139.

1957, 1959 (см. Кобаяси, Такасино).

Сибата, Такеси

(*Sibata, Takesi*)

1946, октябрь.

О саларском языке в провинции Цинхай. — «Tōyōgo Kenkyū», 1, стр. 23—77.

1947, март.

Транслитерация и османо-турецкий язык. — «Tōyōgo Kenkyū», 2, стр. 8—22.

декабрь.

Открытие и изучение орхонских надписей. — «Tōyō Gakuhō», 31:3, стр. 79—103.

1948, ноябрь.

Синтагма и ее структура в турецком языке. — «Transactions of the Japan Academy», 6:2/3, стр. 163—186.

1950, январь.

Языковая реформа в Турции. — «Letters and Languages». Tōkō Shoin. Tokyo, стр. 161—187.

июль.

О звуках, передаваемых некоторыми знаками рунического алфавита тюркютов. — «Gengo Kenkyū», 16, стр. 54—58.

1952, март.

Гармония гласных в тюркских языках. — «Gengo Kenkyū», 21, стр. 1—27.

1953

Vowel Harmony of Turk Languages. — «Orbis», 2:1.

On Phonetic Equivalents of Some Letters in Runic Character. — «Orbis», 2:1, стр. 125.

март.

Рецензия на книгу Хони «Турецко-английский словарь». — «Tōyō Gakuhō», 35:3/4, стр. 161—165.

1954

Личные окончания в турецком языке. — «Gengo Kenkyū», 26/27, стр. 173—178.

1955, июнь.

Турецкий язык. — «An Introduction to the Languages of the

- World», ed. by S. Ichikawa and S. Hattori. Kenkyūsha, Tokyo, стр. 591—636.
- 1957, июль, август.**
Жизнь и язык турок. — «Gengo Seikatsy», 67, стр. 56—61; 68 стр. 43—49.
- 1960, сентябрь.**
Реформа алфавита в Турции. — «Gaikoku ni okeru Kokugo no Mondai», the Ministry of Education, стр. 36—67.
- 1961, февраль.**
Турецкие народные сказки и легенды. — «Sekai no Minwa to Densetsu». Tokyo, стр. 11—95.
- август.**
Энциклопедии в Турции. — «Sekai Daihyakka Geppō». Heibonsha, стр. 1—3.
- 1968, февраль.**
Термины родства как лексическая система в турецком, корейском и японском языках. — «Ajia Afurika Gengo Bunka Kenkyū», 1, стр. 1—19.
- март.**
Исламизация тюркских языков. — «Islam ni Kansuru Kyōdō Kenkyū Hōkoku». The Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Tokyo, стр. 67—81.
- сентябрь.**
Рецензия на японское издание книги Орхана Тюрели «Грамматика и разговорник турецкого языка». — «Tōyō Gakuhō», 51:2, стр. 90—95.
- 1969, март.**
Словари современного турецкого языка. — «Gakutō», 66:3, стр. 46—49.
- март.**
Рецензия на книгу Орхана Тюрели «Грамматика и разговорник турецкого языка». — «Ajia Afurika Gengo Bunka Kenkyū», 2, стр. 214—218.
- 1972, март.**
Структурные значения личных окончаний в турецком языке. — «Gendai Gengogaku». Sanseidō. Tokyo, стр. 329—348.

Такеути, Кадзуо
(*Takeuchi, Kazuo*)

- 1954, февраль.**
Реформа языка и алфавита в Турции. — «Utsukushii Kokugo Tadashii Kokugo». Kawaide Shobō, стр. 146—159.
- 1962, декабрь.**
О долгих гласных в тюркских языках. — «Gengo Kenkyū», 32, стр. 43—59.
- 1964, март.**
Склонение в современном уйгурском языке. — «Minzokugaku Kenkyū», 28:2, стр. 49—60.
- 1970, февраль.**
Введение в грамматику турецкого языка. Daigaku Shorin. Tokyo, 140 стр.

Ханеда, Акира
(*Haneda, Akira*)

1954, январь.

Королевство джунгар-калмыков и бухарцы. — «Tōyōshi Kenkyū», 12:6, стр. 33—52.

1959

Культура королевства джангар-калмыков. — «Jimbun», 5.

1961, февраль.

Документ о восстании Вали-хана. — «Tsukamoto Hakushi Shōju-kinen Bukkyō Shigaku Ronshū», стр. 62—78.

1961, март.

Предварительный список уйгурских рукописей, привезенных экспедицией Отани. — «Seiki Bunka Kenkyū», 4, стр. 171—206 (в соавторстве с Н. Ямада).

1963, июнь.

Ал-Кашгари и его «Дивану лугат-ит-тюрк». — «Iwai Hakushi Koki Kinen Tenseki Ronshū», стр. 521—526.

1964, ноябрь.

Перевод «Ghazāt-i-muslimin». — «Nairiku Ajishi Ronshū», стр. 324—339.

1965

Империя Мин и Османская империя. — «Seinan Ajia Kenkyū», 14.

1970, октябрь.

Устройство исламских государств. — «Iwanami Kōza: The History of the World», 8, стр. 125—168.

1971, август.

Ислам и турки. — «Oriento», 14:2, стр. 109—124.

В печати:

Суфизм и турки. — «Islam-ka Kenkyūkai Hōkoku». The Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa.

Хаттори, Сиро
(*Hattori, Shirō*)

1949, декабрь.

Отношение японского языка к рюкюскому, корейскому и алтайским языкам. — «Minzokugaku Kenkyū», 13:2, стр. 109—131. (Английский перевод опубликован в «Transactions of Asiatic Society of Japan» [после второй мировой войны, 1949]; однако этот перевод был выполнен без участия автора и содержит целый ряд неточностей и большое количество опечаток).

1950, апрель.

Синонимы и связанные формы. — «Gengo Kenkyū», 15, стр. 1—25.

1951, март.

Фонетика. Iwanami Shoten. Tokyo, 9+271 стр.

1958, май.

Алтайские языки. — «Kotoba no Kagaku», 1, стр. 221—237.

1959, январь.

Генеалогия японского языка. Iwanami Shoten. Tokyo, 5+450+6 стр.

декабрь.

Долгие гласные в протомонгольском. — «Gengo Kenkyū», 36, стр. 40—59. (Английский перевод, выполненный автором,

опубликован в «Mongolian Studies», ed. by Louis Ligeti. Amsterdam, 1970, стр. 181—193).

1961, февраль.

Сказки тюркских народов. — «Sekai no Minwato Densetsu». Sa E Ra Shobō. Tokyo, стр. 99—253.

июль.

Prosodeme, Syllable Structure and Laryngeal Phonemes. — «Studies in Descriptive and Applied Linguistics». International Christian University. Tokyo, стр. 1—27.

1972, декабрь.

Образование татарского и происхождение чувашского народов. — «Tōhōgaku Ronshū». Tōhō Gakkai. Tokyo, стр. 828—840. (Несколько сокращенный вариант на турецком языке был прочитан на Первой научной конференции по турецкому языку).

В печати:

A Phonological Interpretation of the Tatar High Vowels. — «Festschrift for Professor Karl H. Menges».

Ямада, Нобуо
(Yamada, Nobuo)

1958, март.

Фрагменты уйгурской рукописи «T'ien-ti Pa-yang Shên-chou-ching». — «Tōyō Gakuhō», стр. 79—97.

1961, март.

(см. А. Ханеда).

март.

Уйгурские документы по торговле и займам, привезенные экспедицией Отани. — «Seiki Bunka Kenkyū», 4, стр. 207—220.

1963, март.

Формы записей контрактов в уйгурских документах. — «Seiki Bunka Kenkyū», 6, стр. 31—62.

The Private Seal and Mark on the Uighur Documents. — «Aspects of Altaic Civilization», ed. by D. Sinor. Bloomington, стр. 253—259.

1965, март.

Формы уйгурских документов по займовым контрактам. — «Osaka Daigaku Bungakubu Kiyō», 11, стр. 87—216, илл. 1—6.

1967, декабрь.

Uighur Documents of Sale and Loan Contracts Brought by Otani Expeditions. — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», 23 (for 1964), стр. 71—118, илл. 1—4.

1968, июнь.

Рукописи из Восточного Туркестана, хранящиеся в Библиотеке Стамбульского университета (преимущественно уйгурские документы). — «Seinan Ajia Kenkyū», 20, стр. 11—29, 2 илл.

сентябрь.

Три уйгурских документа о купле-продаже раба по имени Пинтун. — «Tōyōshi Kenkyū», 27:2, стр. 79—104, 2 илл.

1970

A Survey of Uighur Documents Preserved in Various Countries. — «Proceedings of the Third East Asian Altaistic Conference». Taipei, 1969, стр. 237—240.

1971

Four Notes on Several Names for Weights and Measures in Uighur Documents. — «Studia Turcica», ed. L. Ligeti. Budapest, стр. 491—498.

1972, март.

Уйгурские документы о рабах и приемных сыновьях. — «Ōsaka Daigaku Bungakubu Kiyō», 16, стр. 161—268, илл. 1—12.

декабрь.

Уйгурские документы о заложниках. — «Yamamoto Tatsurō Hakase Kanreki-kinen Tōyōshi Ronsō». Yamakava Shuppansha. Tokyo, стр. 495—508.

В печати:

An Uighur Document for the Emancipation of a Slave. — «Festschrift for Proffessor Karl H. Menges».

РЕЦЕНЗИИ

DIVANÜ LUGAT-IT-TÜRK DİZİNİ

TÜRK DİL KURUMU YAYINLARI. ANKARA, 1972.

(О НОВОМ ИЗДАНИИ УКАЗАТЕЛЯ К «ДИВАНУ» МАХМУДА КАШГАРИ)

Уникальный памятник тюркских народов «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, как известно, дошел до нас в единственном экземпляре, переписанном в 664 г. х., 27 шаввала (1 августа 1265—1266 гг. н. э.) дамасским переписчиком, выходцем из Ирана, Мухаммедом ибн Абу Бакр ибн Абулфатхом ас-Сави. Рукопись была предназначена в дар Абулкасиму Абдуллаху ибн Мухаммеду Муктади, потомку аббасидов династии Хашимидов, правившей с апреля 1075 г. по февраль 1094 г.

Впервые рукопись была издана в Анкаре (т. I, II, 1915; т. III, 1917) турецким ученым Бильге Килисли Рифатом.

В 1928 г. в Будапеште при содействии Венгерской Академии наук вышел в свет немецкий перевод «Дивана», представлявший собой индекс слов, лишь в отдельных случаях иллюстрируемых цитатами из источника¹.

В 1934—1943 гг. «Дивану лугат-ит-тюрк» в переводе Бесима Аталая был издан Турецким лингвистическим обществом в Анкаре².

На основе этого издания Дехри Дельчин опубликовал в 1957 г. индекс на арабском алфавите³.

Узбекский ученый Салих Муталлибов перевел «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на узбекский язык и издал его в 4-х книгах⁴.

Четвертый том (индекс-словарь) снабжен грамматическим очерком (авторы Г. Абдурахманов, Ш. Шукуров). Параллельно с узбекским переводом в индексе дается и русский перевод⁵.

В 1972 г. в связи с 900-летием «Дивана» Турецкое лингвистическое общество выпустило новый индекс этого труда Махмуда Кашгари.

На первой странице индекса дано изображение почтовой марки, выпущенной в Турции в честь юбилея. На марке воспроизведена карта мира Махмуда Кашгари.

¹ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Mahmūd al-Kāšgaris Divān Lûghat at-türk. Budapest—Leipzig, 1928.

² Divanü Lûgat-it-türk tercümesi», çeviren Besim Atalay, c. 1. Ankara, 1939; c. 2. Ankara, 1940; c. 3. Ankara, 1941; «Divanü Lûgat-it-türk dizini—Endeks», yazan Besim Atalay. Ankara, 1943; 5-й том включал факсимиле «Дивана» Махмуда Кашгари.

³ Arap alfabesine göre «Divanü Lûgat-it-türk» dizini, hazırlayan Dehri Dilçin. Ankara, 1957.

⁴ Махмуд Кашгарий. Девону лугатит турк. Учтомлик. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. I том. Тошкент, 1960; II том. Тошкент, 1961; III том. Тошкент, 1963; IV том (индекс). Тошкент, 1967.

⁵ Подробнее о Махмуде Кашгари и его «Диване» см.: «Советская тюркология», 1972, № 1.

Издание открывается кратким предисловием проф. Умера Асыма Аксоя, в котором автор останавливается на различиях, имеющих между данными и предшествующим изданиями:

1. В новое издание, в отличие от предшествовавшего, включен перевод первых двух страниц «Дивана», а также приведены образцы отдельных пословиц, поговорок и стихотворных отрывков с их переводом.

2. Изменен ряд знаков, использовавшихся в первом издании для обозначения отдельных фонем оригинала: вместо $\check{g} \rightarrow g$; $dh \rightarrow d$; $x \rightarrow h$;

$ng \rightarrow \overset{\sim}{ng}$.

3. В первом издании слова со словообразующими и словоизменяющими аффиксами приводились в одной статье с основами и располагались после них. В рецензируемом же издании таким словам посвящены отдельные статьи. Существительные со словоизменяющими аффиксами в отдельных статьях не приводятся (что отмечается издателем), а их местонахождение в оригинале указывается в статье основы (том и стр.). В первом издании значения большинства существительных, образованных при помощи словообразовательных аффиксов, не приводились. В новом издании этим словам посвящаются отдельные статьи, в которых даются также пояснения в соответствии с текстом «Дивана» и «Древнетюркским словарем».

Следует отметить, что в новом индексе исправлены отдельные неточности и опечатки издания Бесима Аталая (*kün togsıg, tıgrak, yüg-gük, laşın*), уточнен алфавитный порядок, особенно в подаче сложных слов (типа *adı butlug, keklik, yik*), прочитаны некоторые трудночитаемые слова (типа *tarırku*). Издание дополнено сложными словами (типа *kısık bulmak, köl suw*), отсутствующими у Бесима Аталая, в нем уточнены некоторые взаимные ссылки типа *emig см. amig* (слова *amig* у Бесима Аталая нет) и др.

В конце книги приведены слова с пометами, указывающими на принадлежность слова к тому или иному языку.

Тщательное сопоставление данного издания с предшествующими позволяет выявить в нем ряд упущений и неточностей, на которых остановимся подробнее.

1. Ряд слов и устойчивых словосочетаний не вошел в данное издание: *ala ala yavaş yavaş* (I, 92); *awa awa insan bir şeyden acınır veya acı duyarsa söyler* (I, 89); *barık uzakta beliren karaltı* (I, 456); *büksek göğsün yukarı tarafı, göğusten yukarı olan kısım* (I, 476); *çaңcarga serçe kuşu* (III, 242); *çat çat urmak çat çat vurmak* (I, 320); *çawıkmak ün sahibi olmak, ünlemek* (II, 117); *çertmek elinden bırakmak; bir şeyin uçunu kırmak* (III, 426); *ıl kuş çatıya uzatılan direk* (I, 37); *ew okı atmaca* (I, 331); *imtili kılmak düşünüp taşınılmadan birdenbire yapılmak* (I, 141); *kizitlik enüki kelidi dişleri* (I, 72); *kaçıg kaçış; gitiş* (I, 386); *kaçgan her zaman kaçan* (III, 106); *katırlıg katırlı* (I, 495); *kawurgan daima sıkın* (I, 518); *kıdıglıg kenarlı kıyılı* (I, 496); *köl irkin karluk büyüklerine verilen ungun* (I, 108); *kudug tegresi kuyu halkası* (I, 421, 477); *kutrarmak kurtarmak* (II, 199, 200); *oguz tılı oguz dılı* (I, 336); *öçürgen daima söndüren, yatıştıran* (I, 522); *örük kalmak bir yerde bir müddet kalmak* (I, 69); *öz koniki ruh, can* (I, 46); *sagzıgan saksagan* (I, 439); *sayraşmak sayıklar gibi konuşmak, ötüsmek* (III, 194); *sözgine sözceğiz* (III, 359); *şel şül eliglig udumsuz, eli yöntemsiz* (I, 336); *tewşemek üşelmek, ufalanmak* (II, 235); *uwutgarmak utandırmak* (I, 290); *uzakı geçmiş zaman* (I, 88, 385); *yabaku tılı yabaku dili* (I, 336); *yak yuk kadaş uzak hısım* (III, 143, 160); *Yawlak Sarıg bir beyin adı* (III, 44); *yılığlık ılıkılık* (III, 51).

2. Бесим Аталай в своем индексе внес исправления в чтение отдельных слов, в каждом случае дав соответствующее пояснение. Издатели нового индекса учли лишь часть этих уточнений Бесима Аталая. Так, *andın* было исправлено Бесимом Аталая на *aydın*; в рецензируемом же издании оба эти варианта выделены в отдельные словарные статьи. Аналогичную картину можно наблюдать и в подаче слов: *aşaç, aşıc, eşic; bar- -- ber-; beder burhan -- bedez burhan; beküş- -- bekiş-; beküt- -- bekit-; berge -- berke; borık -- yorık; bükü -- bügü; çikik -- çekik; edlen- -- ewlen-; elwir- -- alwir-; emeçle- -- amaçla-; eringen -- erngen; éttür- -- iyttür-; gine -- kiye, ılın -- ilin-, ılış- -- iliş, ısın- -- isin-, ısış- -- isiş-, ir -- er, işlen- -- işlan-, ka- -- kıl-, kapıgılgı -- kapaklıgı, karı kurı -- kurı kurı, kawur- -- kawra-, kepit -- kebit, kıya kör- -- kaya kör-, kızga- -- kırga-, kodı -- kuđı koy -- kuy, kugur- -- kogur-, kuwur- -- kowur-, kuyma -- koyma, küfre- -- kefre-, kümürgen -- kümürken, odun- -- udun-, oğrag -- oğrug, oldağ -- uldağ, olduk -- ulduk, orılaş- -- urılaş-, orlaş- -- urlaş-, orunç -- urunç, otul- -- utul-, oz- -- uz-, öçür- -- üçür-, ödik -- üdik, öng- -- üng-, öngik yürgeyek -- öngik yörgeyek, örküç -- örgüç, örüng -- ürüng, öz -- üz, segirt- -- sekirt-, segre- -- sekre-, segriş- -- sekriş-, sengeç -- senkeç, sigrig -- sikrig, siş -- sış, söbi -- subı, söküt -- sögüt, sugrat- -- socrat-, sugur -- sogur, suk -- sok, talbın- -- talpın-, tapuz- -- tabuz-, tat- -- tut-, tatık -- tutuk-, teküzlig -- tüküzlig, temürgen -- temürken, tewlük -- tewlüg, tewlüklen- -- tewlügen-, tigin -- tegin, tigret- -- tikret-, tirik -- terig, tişi -- tışı, tötüklüg -- töküglüg, töle- -- tüle-, tör -- töz, tublu -- tuplu, tupul- -- tubul-, tupunlug tarıg -- tubunlug tarıg, turku -- torku, tuş kıl- -- tüş kıl-, tuşgutlan- -- buşgutlan-, түb -- түp, түbün -- tubun, türgek -- türkek, türü- -- tur-, türüt- -- törüt-, tüt(ü)n- -- tutun-, tüwiş- -- tewiş-, udgar- -- udgur-, udım -- udu, uđur- -- ödür-.*

3. В новом индексе имеется ряд расхождений с изданием Бесима Аталая в чтении и транскрипции слов:

Издание Бесима Аталая

Новый индекс

emrülme ^k	amrulmak/emrülme ^k
begsig	beksik
beglik	beglig
biligsizlig	biligsizlik
buşak	buşak/puşak
buşmak	buşmak/puşmak
buşug	buşug/puşug
bütürmek	bütürmek/pötürmek
çing	çing/çing
çü	çü/çu
edgölüg	edgölüg (-k)
erngen/eringen	eringen
ewüsmek	ewüşmek
hamir	hamir/hamur
imrem	imren
kâh kâh	kah kah
kargak tarmakı	kargak tarmak
kar ganmak	karganamak
kengeşlig	kengeşlik
kupsalmak	kupsalmak/kubsalmak

7. Приложенный в конце индекса список слов с пометами, указывающими на их принадлежность к тому или иному языку, не полон и нуждается в уточнениях: adrik (Türklerce), agıl (Oğuzlarca) koyun pisliği, ak at (Öbür Türklerce), anda (Türklerce), apa (Karluk Türkmenlerince), arı yağı (Suvar, Kıpçak ve Oğuzlardan başka Türklerce), arık (Oğuz ve Kıpçakça), arkamak (Oğuzca), arsalık (Oğuzca), aruklamak (Hakanlılarca) uyumak, aşamak (Hakanlılarca yalnız büyüklerin sofrasında; öteki Türklerce herkes için), aşatmak (Türklerin çoğunda, yalnız büyüklerin yemeklerinde; Oğuzlarca genel olarak), atlanmak (Oğuzca), av(?)n (Sayram dilinde), awuş (Bulgarca), aya yersgü (Çigilce), ayıtmak (Oğuzca), balık, (Oğuz ve Argu dilince), balık (İslâmlıktan önce Türklerce, Uygurca), balık (Arguca), benek (Arguca ve bir takımları dilince), bi (Oğuzlardan başka Türklerce), bög (Türk ve Türkmen dillerinden birinde), buşak (Oğuzlar ve uyanlarca), bügde (Türklerce), bükte (Oğuzca), büküm, etük (Oğuzca), bün (Oğuzlar ve uyanlarca), büşinçek (Kençekçe), büte (Oğuzlardan başkalarının), cinçü (Oğuz ve Kıpçak dillerince), cugdu (Oğuz ve Kıpçak dillerince), catpa (Çigilce), çer (Hakanlılar dilince), çerlenmek (Hakanlılar dilince), çétmek (Oğuz ve Kıpçak dillerince), çigne (Yağma dilince), çor (Oğuzca), çowlı (Kençekçe), çulıman (Kençekçe), çulıman iş (Kençekçe), çumalı (Çigilce), çumuk (Oğuzca), çüşek (Sogutça), dag ol (Arguca), devey (Oğuzlar ve onlara uyanlarca), dag (Arguca), elşemek (Çigilce), étmek (Oğuzca), eze (Oğuzca), geşür (Oğuzca), hiyar maraz (Argu ve Yağma dillerince), ıdrık (Arguca), ikit (Oğuzca), ilel (Hakanlılarca), ilrük (Uç dilince), ka (Arguca), kakumak (Arguca), kara kuş (Oğuzca), katarmak (Ö. Türklerce), katılmak karılmak (Oğuzlardan başka Ö. Türklerce), katlanmak (Ö. Türklerce), kayın (Oğuzlar ve uyanlarca), kaying (Oğuzlar ve uyanlarca), kayır (Ö. Türklerce), kayu (Ö. Türklerce), keyük («d» yı «y» yapanların dilince), kıldı (Oğuzca), kırgag (Uygurca), kız kişi (Arguca), kimi (Oğuzlardan başkalarının), kip (Oğuzca), kiş (Oğuz ve Kıpçaklardan başkalarının), kowı (Arguca), ködeç (Arguca), kömkök (Oğuzca), köpkök (Ö. Türklerce), köktesmek (Bulgarca), kumgan (Türklerce), kuşluk (Oğuzca), kuşun (Oğuzca), kuzgırmak (Kıpçakça), kuben (Oğuzca), küç (Çigilce), küfyen (Bir diyelekte), küjik (Arguca), kündi (Oğuzca), küvü (Oğuz), mamu (Öz Türkçe değil), merdek (g) (yalnız bir takım Türklerce), mı (mi) (bir kısım Oğuzlarca), nom (Çince), ohşamak

(Yemek, Yabaku ve göçebe halkın çokları dillerince), op (Arguca), ordu tal (Türkçe ile Türkmenlerin birinde), ottuz (Yağma ilinde kengütte), ökil (Kıpçakça), ölşemek (Çigilce), özle (Kıpçakça), pışık (Yağma dilince), pistik (Çigilce), pistik (Arguca), porsuk (Oğuzca), püşkel (Hakanlılar dilince), rapçat (Kençekçe), sasık (Uç şehri ve yöresi halkı veya sınır ve sınırın arkasındaki halk dilince), semürgük (Balasagun dilince), sen (Oğuzlarda büyüklere karşı «siz» yerinde), serker (Karlukça), sınguk (Oğuzlardan başkalarının), siz (Çigilce), sudmak (Barsgandan başka dillerde), sukınmak (Uç dilince), suvık (Kıpçakça), süm sücik (Oğuzca), kızıl sücik (Yağma, Toxsi, Çigil dilince: şarap; Ö. Türklerce: kızıl şarap), şutı (Öz Türkçe değil), şük turmak (Türklerce), takı (Türklerce), takuk (Türkmence-Oğuzca), tamgak (Türklerce), tar (Yabaku ve tatar dillerince), tarıg (Bü. Türklerce, Oğuzca: darı), tavar (Oğuzlar ve uyanlarca), tene (Uç ve Argu dillerince), tengelgün (Oğuzlardan başka öbür Türklerce), tengirgen, tengrigen (Müslüman olmıyan Türkler dilince), tengri (Müslüman olmıyanlarca), teşrüm (Arguca), tewi (Oğuzlar ve uyanlardan başkalarının), tıntın (Öbür Türklerce), tınma (Oğuzlarca), tiwi (Oğuz,

Kıpçak ve Suvarlardan başkalarınca), toh, toy (Çigilce), tubulmak (Oğuzca), tubun (Uç dilince), tugzaglanmak (Oğuzca), tulun (Türk ve Oğuz dillerinden birinde), tülüg yadım (Öz Türkçe değil), tülemek (Oğuzca), tuletmek (Oğuzca), tütümse (Arguca, öz türkçe değil), tüşürkün (bir dilde), udluk (Arguca), uslamak (Oğuzca), ügi (Öz Türklerce, Oğuzlarca, Kıpçakça), ügür (Oğuzlardan başkalarınca), yag ügüri (Oğuzca), üp (Çigilce), ürüng (Oğuzlardan başkalarınca), yabı (Çigilce), yagan (Türk ve Türkmen dillerinden birinde), yal (Bü. Türk dillerince), yalmak (Kıpçakça), yaŋan (Oğuzlar bunu bilmezler), yol yarasın (Oğuzlarca), yart (Oğuzca), yawa (Oğuzca), yawlak (Kıpçak), yemet (Ö. Türklerce), yemişlenmek (Kıpçak, Yemek, Oğuzlarca), yeŋmek (Oğuz ve Kıpçak dillerince), yöre (Oğuzca), yuğdu (Türklerce), yunmak (Oğuzlarca), yüligü (Oğuzlardan başkalarınca), yüng (Argu, Yağma ve Karluk dillerince).

8. К индексу Бесима Аталая был приложен обширный список имен собственных и географических названий. Это весьма полезное приложение по неизвестным причинам опущено в новом издании.

9. В книге встречаются и корректорские ошибки. Вот некоторые из них: sarılmak arılmak вм. arılmak sarılmak, awus вм. awuş, aya kök вм. ayas kök, vaat вм. vait, belek вм. bélek, belemek вм. bélemek, belelemek вм. belélemek, bel kılmak вм. bél kılmak, bésiklig uragut вм. bésiklig uragut, bititdeci вм. bititdeçi, bügri (bukri) вм. bügri (bükri), çapak вм. çapaç, çanaklamak вм. çapaçlamak, ça(n)aklık вм. ça(n)açlık, ewüşmek вм. ewüsmek, kangu вм. kanagu, kara karak (приводится дважды), kaşınmak (нет турецкого перевода), ketişmek вм. kétéşmek, küwşek étmek вм. küwşek etmek, ogrulayu вм. ogrılayu, bkz. öŋmek вм. bkz. üŋmek, sag yag (приводится дважды), tadun вм. tađun, agız toprak вм. sagız toprak, tudun вм. tuđun, yandrumak вм. yandurmak и др.

Несмотря на указанные недочеты, рецензируемое издание является, несомненно, вкладом в изучение труда знаменитого тюркского филолога: «Дивану лугат-ит-тюрк», представляющего собой золотые россыпи любопытнейших и тончайших наблюдений над фонетикой, грамматикой и лексикой тюркских языков (А. Н. Кононов) и содержащего бесценные этнографические, фольклорные, географические и исторические сведения о тюркоязычных народах.

Э. И. Фазылов

КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ДАСТАНА «ЮСУП И ЗУЛЕЙХА» АНДАЛИБА

АШХАБАД, ИЗД-ВО «ЫЛЫМ», 1973.

Успех изучения дореволюционной туркменской литературы во многом зависит от подготовки научно-критических текстов произведений туркменских поэтов-классиков. Если при отсутствии автографа того или иного автора ученый не будет располагать хотя бы критическим текстом его произведений, то он, естественно, не сможет создать сколько-нибудь значительной и полноценной научной работы о нем. Это важное обстоятельство подчеркивал еще видный востоковед Е. Э. Бертельс: «Без наличия критически проверенного текста ника-

кая иная работа... не может быть успешно осуществлена...»¹

Туркменские литературоведы лишь в последние годы приступили к решению этой актуальной задачи. Первой такой работой является подготовленный Гелди Назаровым критический текст дастана туркменского поэта-классика Нурмухаммеда Андалиба «Юсуп и Зулейха».

¹ Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Низами и Физули. М., 1962, стр. 458.

Как известно, автографы большинства туркменских дореволюционных поэтов до нас не дошли. Сохранившиеся списки, по вине сказителей и переписчиков, содержат многочисленные ошибки и искажения. Нередко тот или иной сказитель или переписчик сам «дописывал» авторский текст. Все это в конечном итоге привело к многовариантности произведений. Известны даже случаи приписывания стихотворений одного поэта другому. Подобное положение исключительно затрудняет составление критических текстов произведений дореволюционной туркменской литературы.

Г. Назаров, взявшийся за составление критического текста поэмы Андалиба «Юсуп и Зулейха», столкнулся со всеми этими трудностями.

Прежде всего составитель изучил все известные рукописи дастана, хранящиеся в рукописных фондах Ашхабада, Ленинграда, Баку, Тбилиси и других городов страны. В результате ему удалось установить наиболее древнюю и достоверную рукопись. Эта рукопись, хранящаяся под номером 1228 в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР, была принята за основу текста дастана. Сопоставляя эту рукопись с другими рукописями дастана «Юсуп и Зулейха», Г. Назаров в результате кропотливой текстологической работы установил, что около трех тысяч строк являются не авторскими, а были добавлены к тексту оригинала другими лицами. Эти добавления выделяются из общего контекста своим стилем и поэтическими особенностями. Они приводятся в «Приложениях» к книге и комментируются.

Г. Назарову удалось также обнаружить, что ряд стихов из дастана «Юсуп и Зулейха» Андалиба неоправданно приписывался великому туркменскому поэту Махтумкули.

Например, Махтумкули приписывалась и помещалась в его сборниках песня, начинающаяся строками:

Aрам, саға арзум ајтај
Менің отлы pyгааным баар.
Hiç tükenmez gyşy jaazda,
Arşa degen bostaаным баар².
‘Мать, тебе я говорю слово,
У меня огненное горе есть.
Нескончаемое зимой и весной,
Есть у меня сад, вознесенный
высоко’.

Г. Назаров доказал, что эта песня представляет собой поэтическую контаминацию двух газелей дастана «Юсуп и Зулейха» Андалиба. Вот соответственно первые строки этих газелей:

Bu gün arzy-dilim ајтај, менің
otlug pyгааным баар,

² *Магтымгулы*. Сайланан эсерлер, I том. Ашгабат, 1959, стр. 102.

Tükenmez gyşy-jaazu, giže-gündiizhk
dessaаным баар³.

‘Сегодня говорю я свое слово,
у меня огненное горе есть.
Нескончаемое зимой и весной,
у меня дастан и на день
и на ночь есть’.

Ažaaјp bir perii gördüm, nesiibim
bolsa jaarum баар,
Jüregimni tygy, yşky paara kyldy
aһy-zaarum баар⁴.

‘Увидел прекрасную девушку,
если повезет, моей любимой будет.
Ее любовь поразила мое сердце,
и у меня (теперь) горе есть’.

Как мы видим, строки песни «Pyгааным баар», приписываемые Махтумкули, восходят к приведенным двустийшим газелям. Причем внутренняя рифма и поэтичность строк в песне несколько пострадали. Да и само содержание песни также свидетельствует о ее принадлежности к дастану «Юсуп и Зулейха». Так, например, у Махтумкули не было основания говорить:

v
Zudaa düşdüm men атаамдан,
İbni Jemiin beni žaandan⁵.

‘Разлучился я с отцом,
С Ибни-Емином бени джаном’.

Men noјleјin golum baagly
Jüregimde жүз mün daagly
Boјnum zunžur күndää baagly
Könlümde жүз mün arғааным баар⁶.

‘Что я могу поделатъ — руки мои
связаны.

В сердце сто тысяч горь,
На шее — ярмо с цепями,
На душе — сто тысяч сожалений’.

До нашего времени не дошло никаких сведений о том, что Махтумкули имел родственника по имени Ибни-Емин и что сам поэт был куда-то увезен закованным. Эти события связаны с образом Юсуфа — главного героя дастана «Юсуп и Зулейха» Андалиба. Если учесть к тому же еще то обстоятельство, что Андалиб жил раньше, и что песня «Pyгааным баар» не встречается в рукописных списках произведений самого Махтумкули, то принадлежность ее к дастану Андалиба становится очевидной.

Работая над критическим текстом дастана «Юсуп и Зулейха», Г. Назаров обнаружил также не известные читателю стихи туркменского поэта Талыбы. Большой интерес представляет сообщение Г. Назарова о том, что в рукописном фонде Института

³ *Андалиб*. «Юсуп и Зулейха» (критический текст), стр. 64.

⁴ *Там же*, стр. 68.

⁵ *Магтымгулы*. Указанный сборник, стр. 102.

⁶ *Там же*.

языка и литературы им. Махтумкули хранятся стихи «Zoş gelse», «Bir gerek», «Tabşurdym», «Sövdügim» неизвестного ранее туркменского поэта Велмухаммеда.

Наряду с критическим текстом в рецензируемую книгу включены также исследования Г. Назарова о рукописях дастана «Юсуп и Зулейха», о возникновении и развитии данного сюжета, об идейно-художественных особенностях дастана Андалиба. Как и любовно-романические дастаны «Арзы и Гамбар», «Варка и Гулша», «Лейли и Меджнун», «Ширин и Перхат», дастан «Юсуп и Зулейха» широко известен на Востоке. Он отличается от любовно-романических дастанов оригинальностью образов, глубоким содержанием, древностью. Сюжет «Юсупа и Зулейхи» возник у арабов приблизительно в X в. до н. э. и получил широкое распространение в виде сказки-легенды. В IV в. н. э. этот сюжет утвердился в письменной литературе. К нему неоднократно обращались многие поэты и писатели Востока.

В арабской литературе одним из первых сюжет «Юсупа и Зулейхи» использовал сирийский поэт Афрема (IV в.), в персидской — поэт Абу-Муайят Балхи (X в.). В тюркской литературе первыми обратились к сюжету «Юсупа и Зулейхи» поэты Али и Шайят Хемзе. Причем каждый из поэтов разрабатывал этот сюжет по-своему. Поэтому их произведения отличаются друг от друга как идейно-художественными, так и стилистическими особенностями. Автор приводит в хронологической последовательности список 117 поэтов, использовавших сюжет «Юсупа и Зулейхи» в своих произведениях, в том числе на арабском, персидском, турецком, азербайджанском, узбекском, туркменском, хинди, грузинском, афганском и других языках. Дальнейшее изучение позволит, очевидно, расширить этот список. Г. Назаров отмечает, что дастан «Юсуп и Зулейха» Андалиба, созданный в XVIII веке, отличается от ранее существовавших дастанов не только формой, но и глубиной идейного содержания. Туркменский поэт воспекает великую силу любви Юсупа и Зулейхи, проявленную ими стойкость в самоотверженной борьбе за

торжество идеалов справедливости. Содержание поэмы не исчерпывается лирической темой. Поэт показывает кровавую феодальную междоусобицу, осуждает гнет и рабство, воспекает патриотизм и человеческое достоинство своих героев. Идейно-художественное содержание поэмы свидетельствует о разносторонности и широте взглядов туркменских поэтов-классиков, о глубоким знании ими истории и литературы Востока.

Если в европейской литературе символом стойкости и самоотверженности являлся образ Прометея, то в поэзии Востока эти качества ассоциируются с именами Насими, Мансура, Юсупа и Зулейхи. Поэты Востока обращались к образам Юсупа и Зулейхи для обличения социальной несправедливости и возвеличивания красоты возвышенных человеческих чувств. В рецензируемом издании Г. Назаров на материале различных литератур Востока подтверждает этот вывод.

В упрек автору хотелось бы поставить то, что он недостаточно глубоко осветил вопрос о зарождении и развитии сюжета «Юсупа и Зулейхи» в европейской литературе. Хотя это и не входило непосредственно в его задачу, тем не менее прослеживание разработки этого широко распространенного сюжета в европейских литературах хотя бы в общих чертах было бы весьма интересно для читателя, дало бы ему представление о глубоко интернациональном характере легенды о «Юсупе и Зулейхе», о характере взаимоотношений литератур разных народов. Следовало бы дать также краткий обзор всего творчества Андалиба, охарактеризовав идейно-художественные особенности его литературного наследия.

Весьма ценное начинание Г. Назарова необходимо продолжить. На очереди создание критических текстов произведений таких видных представителей туркменской литературы, как Байрамхан, Махтумкули, Гайыбы, Магрупы, Шабенде, Сейди, Зелили, Кемине, Молланепес и другие. И чем скорее будет начата и продолжена эта работа, тем большую пользу она может принести.

К. Атаев, Б. Мамедязов

«ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ, III»

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР. ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗД. «МЕЦНИЕРЕБА». ТБИЛИСИ, 1973, 352 стр.

Вышел в свет очередной выпуск тематического сборника Института востоковедения Академии наук Грузинской ССР — «Восточная филология», посвященный 75-летию со дня рождения известного совет-

ского тюрколога, академика Академии наук Грузинской ССР, доктора филологических наук, заведующего отделом тюркологии Института востоковедения АН Грузинской ССР, заслуженного деятеля науки

Грузинской ССР, профессора Сергея Си-моновича Джикия.

В богатом и разнообразном содержании сборника как бы нашли воплощение широкие научные интересы юбиляра. В том вошли статьи не только по тюркским языкам, филологии и турецкой литературе, но и по общему языкознанию, грузиноведению, семитологии, индо-иранскому языкознанию, арменистике. В числе авторов юбилейного сборника выступают широко известные советские и зарубежные ученые: А. Г. Шанидзе, Г. В. Церетели, Л. Фекете, А. Зайончковский, А. Н. Кононов, М. Ш. Ширалиев, Д. И. Кобидзе и др.

С жизнью и многогранной научной деятельностью С. С. Джикия читателей знакомит статья академика Г. В. Церетели. Ее дополняет список опубликованных работ С. С. Джикия.

Вопросам картвелологии посвящены статьи А. Г. Шанидзе «*Qoveltois*» и его синонимы в грузинском» и И. И. Кавтарадзе «Суффикс *-eu* в глаголах второй и третьей серий». В работе Д. И. Кобидзе «*Забилу, забилури, забулури*» говорится о грузино-иранских языковых взаимосвязях в области лексики. Интерпретация термина «*kpu TWR*» (гора Каф) из персепольской тринливты Шапура (III в. н. э.) и связанных с ней мифологических представлений у ряда восточных народов дается в работе Г. В. Церетели. Л. И. Мамулия рассматривает вопросы эволюции значения термина *nahv* у древнеарабских филологов.

Индо-иранское языкознание представлено в сборнике работами Г. Л. Нахуцришвили «Место эргативной конструкции в истории персидского языка» и М. С. Модебадзе «Об употреблении суффикса *si* в языке хинди». Источниковедению и культурно-историческим взаимоотношениям посвящены статьи Г. Г. Берадзе «Тамук», Р. К. Кикнадзе «Толкование восточных терминов грузинского анонимного историка XIV века», К. К. Куция «Ремесленные налоги в городах Восточного Закавказья» и Д. В. Кацитадзе «Сведения Фумени о Грузии».

Раздел арменистики в сборнике представлен работой И. И. Шилакадзе «Заметки о безличных формах глагола новоармянского языка».

Основную часть сборника составляют статьи известных советских и зарубежных тюркологов, а также молодых грузинских ученых, в основном воспитанников С. С. Джикия.

Статьи, посвященные тюркологической тематике, можно разделить на несколько разделов. Это работы историко-филологического характера по грузино-турецким историко-культурным взаимоотношениям, тюркскому языкознанию, грузино-тюркским языковым взаимоотношениям, тюркскому литературоведению.

Вопросам тюркского языкознания и языковым взаимоотношениям посвящены

статьи Г. П. Мельникова «Принципы системной лингвистики применительно к проблемам тюркологии», Э. В. Севортяна «Тюркские *aba, ana, ebe*», М. Молловой «Турцизмы в болгарском с начальным *đ* и их турецкие соответствия на *sa*», В. Т. Джангидзе «О передаче арабских кратких гласных в современном азербайджанском и турецком литературных языках», Е. В. Гудиашвили «О двух грузинских словах в турецких диалектах Восточной Анатолии», А. З. Абдуллаева «Об эволюции морфемы *garu* в тюркских языках», М. С. Михайлова «Причастия на *-dik* в турецком языке», В. Зайончковского «Уменьшительно-ласкательные формы в гагаузском языке», Н. Н. Джанашиа «О формальных группах турецкого глагола», А. Н. Кононова «Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков», А. Н. Баскакова «Неполные предложения в турецком языке», Н. А. Баскакова «Мифологические и эпические имена собственные в „Слове о полку Игореве“», М. Ш. Ширалиева «Термины, обозначающие род, племя», Э. М. Мамулия «О некоторых вопросах полисемии турецких идиом», Д. Теодоридиса «Заимствованное из армянского в османско-турецком слово *ragi* и его варианты», М. С. Джикия «Антропонимы турецкого происхождения в грузинском», Ш. В. Габескирия «К происхождению слово *baçapa*», Л. И. Рухадзе «О нескольких словах турецкого происхождения в грузинском», Н. А. Гургенидзе «О некоторых турецких лексических кальках в месхском диалекте грузинского языка», Э. Р. Тенишева «Руническая надпись из Кувы», Г. Хазаи «Транскрибированный кириллицей османско-турецкий текст».

Сборник содержит ряд работ по вопросам азербайджанской и турецкой литературы: А. Тице «Поэт и базарная площадь», Г. Н. Шакулашвили «Некоторые особенности любовной лирики Вагифа», Р. Моллов «Трагедия Нефи», Э. Д. Джавелидзе «К вопросу о понимании сатиры Нефи», И. С. Гоциридзе «К вопросу о понимании поэзии Ахмеда Хашима», К. К. Пагава «О заглавии одной комедии Мирзы Фатали Ахундова».

В числе тюркологических работ в сборнике опубликован ряд статей историко-ведческого и историко-филологического характера: А. Зайончковский «Арабские, персидские и турецкие трактаты о военном искусстве», В. Н. Габашвили «Грузия и тюркский мир в XI—XII вв.», Л. Фекете «Два тюркских документа, выданные первыми сефевидскими шахами», Ц. А. Абуладзе «Три турецких фермана», В. П. Мутафчиева «Бертрандон де ля Брокьер о состоянии вооруженных сил Османской империи в XV в.», В. Г. Чочиев «Ирано-турецкое перемирие 1554 г.», Н. Н. Шенгелия «Османский историк Челеби-заде о завоевании крепостей Тбилиси и Гори», М. Х. Сванидзе «Д. З. Бакрадзе в Стамбуле в 1888 г.»,

Г. Г. Аласаниа «К разъяснению двух терминов в сочинении второго историка Тамар».

В сборнике богато представлен также раздел «Критика и библиография», в котором помещены в основном статьи грузинских ориенталистов: Г. В. Церетели «A. F. L. Beeston. Written Arabic» (1968), В. Г. Ахвледиани «ابو علي ابن سينا مخارج الحروف تهران» 1970.

«В. Т. Джангидзе. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка» (1965), Л. Г. Члаидзе «Б. А. Карриев. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов» (1968), М. Х. Сванидзе «Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в.» (1971), И. Д. Грдзелидзе «S. Sterndand, S. Walzer. Three unknown Buddhist

stories in an Arabic version» (1971), В. Н. Габашвили «Osman Turan. Selçuklar ve İslamiyet» (1971), Д. Ш. Гиунашвили «S. Amin-Madani, D. Lutz. Persische Grammatik» (1972).

Широта тематики помещенных в сборнике статей и их высокий научный уровень, безусловно, должны заинтересовать широкий круг специалистов и всех интересующихся вопросами восточной филологии.

Издание юбилейного сборника и состав его авторов еще раз наглядно показали, что заслуги Сергея Симоновича Джикия в области науки снискали ему высокий авторитет крупного ученого-тюрколога и глубокое уважение его многочисленных коллег как старшего, так и молодого поколения.

Н. Н. Джанашиа

«ДИАЛЕКТЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА»

ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ. АБАКАН, 1973

Становление хакасской диалектологии связано с именами М.-А. Кастрена, В. В. Радлова, В. И. Вербицкого, Н. Ф. Катанова и С. Д. Майнагашева.

За годы Советской власти работа в этой области развернулась особенно широко: были монографически описаны все четыре диалекта современного хакасского языка — сагайский, качинский, кызыльский и шорский, изучались отдельные, наиболее своеобразные говоры, было опубликовано много статей, посвященных фонетическим, лексическим и грамматическим особенностям последних. Однако эти публикации, рассеянные по разным изданиям, не всегда были легко доступны читателям.

Рецензируемый сборник содержит краткие очерки трех диалектов хакасского языка: качинского, сагайского и шорского, а также бельтирского говора сагайского диалекта. Кроме того, в него включена статья Н. Ф. Катанова «О звуках сагайского диалекта» и заметка В. Я. Бутанаева о лексике качинцев Енисея.

Весьма интересен раздел «Публикации», подготовленный М. И. Боргояковым и Д. Ф. Патачаковой. Здесь можно ознакомиться с обзором словарных материалов по хакасским диалектам, собранных в XVIII веке¹, а также русско-кызыльско-качинско-

сагайским словарем Г. И. Спасского (1804 год). Сборник завершается «Списком литературы», который фактически представляет собой библиографию (хотя и неполную) по хакасской диалектологии. В текст книги вклеена карта-схема диалектов хакасского языка.

Несмотря на то, что авторы предисловия адресуют сборник молодым специалистам-хакасоведам, студентам-филологам и учителям, его значение гораздо шире, ибо он содержит много сведений, полезных для всех тюркологов, занимающихся проблемами диалектологии и истории тюркских языков. Так, в очерке, посвященном качинскому диалекту (автор Д. Ф. Патачакова), выделяются его примечательные фонетические особенности:

1) сохранение *š*, *ž* (в говоре староикосовцев), которым в литературном языке соответствуют *s*, *z*: *taš* 'камень', *tōžek* 'постель';

2) сильное сокращение (вплоть до исчезновения) узких безударных гласных: *xuzgux* 'хвост' < *xuzugux*, *čiripste* 'по нашей земле' < *čir-ibis-te* и т. д.;

3) своеобразная мелодика речи (это положение осталось, к сожалению, не раскрытым, ибо вопрос, видимо, требует изучения с применением инструментальных методов);

4) щелевой характер *č* (=графеме *ч*, передающей аффрикату литературного языка);

5) чередование ауслаутного *s* с интервокальным инлаутным *š*: *kis-* 'переходить' — *kišerge*;

6) удлинение корневого гласного для образования интенсивной формы прилагательного и наречия: *u:luu* 'большой-пребольшой', *ša:уу* 'близко-близко';

¹ См. также: М. И. Боргояков. Словник Г. Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 122—130; *его же*. К истории формирования хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка и литературы». Абакан, 1973, стр. 153—168.

7) смысловозначительная функция ударения: *alysty* 'помогал покупать', *alysty* 'купил', *xoldaq* 'из руки', *xoldaq* 'рукой'.

К морфологическим особенностям относятся, например, аффиксы орудного падежа: *-bunaŋ/-bineŋ* и его варианты, формы дательного падежа личных местоимений: *ma:ya* 'мне', *sa:ya* 'тебе', уменьшительная форма прилагательного с аффиксом *-xupa/-kiŋe*: *silikkine* 'красивенький', наречия на *-la:n/-le:n*, *-ta:n/-te:n*: *šaxsyla:n* 'получше', причастие на *-dyruŋ*, формы возможности на *-a:l/-e:l*: *ide:lem* 'смогу сделать' и др.

В очерке приводится перечень некоторых лексических особенностей качинского диалекта: лексические, семантические и фонетические диалектизмы и даны образцы текстов.

Два следующих очерка, написанных Д. Ф. Патачаковой (качинский диалект) и Н. Н. Межековой (шорский диалект), построены по той же схеме: фонетика, морфология, лексика и образцы текстов.

Из фонетических особенностей сагайского диалекта упомянем следующие:

1) соответствие *a ~ y*: *čala:s ~ čyla:s* 'голый', *upaŋ ~ upuŋ* 'дружный';

2) факультативное (? — Л. Л.) произношение *и*, *и*: и *й*, *й*: вместо литературных *о*, *о*: и *б*, *б*: : *up* 'десять', *čul* 'большой', *ülŋ* 'смерть', *ülŋ* 'стадо';

3) соответствие (в говорах) *y ~ a* и *i ~ e*: *tajam* 'дядя по матери' < *tajum*, *kilne* 'его невестка' < *kilni*;

4) соответствие саг. *m* (в говорах) ~ литер. *p*: *malta* 'топор', *masxa* 'молоток', *müzik* 'высокий';

5) упрощение удвоенных согласных на стыке основы и аффикса: *ti:ppeŋ* 'белки' > *ti:peŋ*;

6) особенности в распределении вариантов некоторых аффиксов: *-lyu*, *-la*: *alduŋ* 'просторный' ~ литер. *alluŋ*, *tilden* 'говорить' ~ литер. *tillen* 'браниться', то есть появление варианта с *d* после основы на *-l*. Среди морфологических особенностей сагайского диалекта следует выделить:

1) сохранение в говоре фонетически полного варианта аффикса направительного падежа: *-zagu/-zeri* < *sagu* 'сторона';

2) наличие своеобразных форм орудного падежа в говорах: в бельтирском *-baŋ/-beŋ* и т. д., в тейском *-bla/-bleŋ/-la/-le* и т. д. (аффикс *-bla* распространен и в шорском диалекте);

3) наличие аффикса сказуемости первого лица единственного числа *-zym/-zīm/-sym/-sīm* наряду с обычным *-byn/-bīn*: *pögerzīm* 'буду решать';

4) наличие вариантов форм дательного падежа личных местоимений: *ma:ya*, *ma*:, *me:ge*, *me*:, *mege* 'мне';

5) своеобразие по сравнению с литературным языком форм 1-го и 2-го лица множественного числа повелительного накло-

нения: *pireler* 'дадим /ка/ (мы)', *toŋuŋyla* 'работай (вы)';

6) наличие причастия на *-čap/-čup* в некоторых говорах (в литературном языке: *-čatxap*, в говоре шорцев верховья р. Кондомы *-čup*).

К числу наиболее интересных особенностей шорского диалекта можно отнести:

1) лабиализацию широких гласных: *čü-röktö* 'в сердце', *otox* 'шалаш' и т. д.;

2) случаи нарушения гармонии гласных, например, в матурском говоре: *abezu* 'его отец', *xaleš* 'хлеб', *pilba:ncam* 'не знаю';

3) редукцию *a* в многосложных словах в безударной позиции: *č(a)guštuŋaŋa* 'примирить', *pal(a)ler* 'дети';

4) соответствия диал. *e* (в корневом слове) ~ литер. *i*, *и* ~ литер. *о*, *й* ~ литер. *б*: *pebe* 'что', *eŋ* 'мясо', *xu:l* 'дупло', *pūrik* 'шапка', эти соответствия являются также и внутридиалектными: *ul ~ ol* 'он', *ül ~ öl* 'мокрый', *tebīr ~ tibīr* 'железо';

5) наличие *š* (в интервокальном положении *ž*): *šoxtanuŋ* 'баловство', *töžek* 'постель' и даже на месте этимологических *s* и *z*: *öžep* 'ядро' < **žep*;

6) дифтонгоидный характер *о*, *б* в начале слова.

В шорском диалекте отмечены личные местоимения 3-го лица множественного числа *ylar*, *ruŋar* (те же, что и в шорском языке), аффикс настоящего времени изъявительного наклонения *-čar*: *turčaruŋ* 'я стою' (ср. шор. *kelčaruŋ* 'я прихожу') и некоторые другие особенности.

В помещенной в сборнике статье Н. Ф. Катанова «О звуках сагайского диалекта» речь идет не только о фонетических явлениях, но и о морфологии. В частности, подробно описано образование падежных форм. Н. Ф. Катанов отметил, что аффикс творительного падежа — *ruŋa*, будучи древним, встречается в речи только некоторых стариков. Он упоминает также частицу *supa*, встречающуюся во 2-м лице единственного и множественного числа повелительного наклонения: *polzupa* 'будь же', *polŋa:zupa* 'будьте же', отрицательную форму глагола на *čö:yu:l*: *min si:nī pile čö:yu:lbyn* 'я тебя не знаю' (ср. чулымско-татарские формы на *-čöyu:l*).

В обстоятельной вводной части очерка М. И. Боргоякова, посвященного бельтирскому говору, говорится о происхождении этнонима *beltir*, об истории этого племени и его генетических связях. Касаясь фонетики говора, автор главное внимание обращает на соответствия бельтир. *y* ~ литер. *a* и, наоборот, бельтир. *a* ~ литер. *y*, а также *i*, *i ~ e*, *e ~ i*, *a ~ u*, *u ~ a*, *u ~ o* и *ü ~ ö* в системе гласных и *m ~ p*, *b* в системе согласных.

В описании морфологии говора отмечает, в частности, долгое произношение гласного в аффиксе дательного падежа (*atxa*: 'на коня', *künge*: 'на солнышке'), приводят парадигмы склонения имени, личных

местоимений, спряжения глаголов. Лексика говора представлена в виде небольшого тематического словарика.

Заметка В. Я. Бутанаева о лексике качинцев Енисея интересна тем, что в ней приводятся слова, не вошедшие в существующие словари хакасского языка, а также семантические диалектизмы.

Хотелось бы выделить такие лексемы, как:

kün 'народ', ср. древнетюрк. kün *id.* В. В. Радлов (со ссылкой на Н. Ф. Катанова?) приводит это слово для сагайского диалекта (Сл. II, стр. 1435—36);

čik 'дьявол', ср. у М. Рясанена в VEWT, стр. 194—195, где даются параллели из разных языков и диалектов;

aspan kizi 'евнух', ср. ног. azban 'кастрированный', 'холощенный', древнетюрк. azban 'кастрированный баран', 'валух' и т. д.;

künze 'ягненок, родившийся осенью', ср. тув. хепсе 'рожденный осенью', квал. кепзе козу 'ягненок, родившийся позже других' и т. д. <монг.;

köčik 'задняя часть барана', кир. köčük 'ягодица', МК köčük 'sağrı', РСл II, стр. 1289: сар. köčäk 'нижняя, задняя часть тела';

tirsek 'длина средней фаланги указательного пальца' (мера длины); в большинстве тюркских языков это слово имеет значение 'локоть'; к семантике: название части руки (ноги) → мера длины ср. общетюрк. (в том числе хака.) аја 'ладонь' ~ баш. 'ширины в четыре пальца' и т. д.

Словарные материалы по хакасским диалектам представляют большую ценность для историков языка. Так, в словаре Г. Ф. Миллера в анлауте качинского диалекта зафиксирован ž (это подтверждают и более поздние записи Г. И. Спасского²), а во всех диалектах начальный б-. Интересно и сама по себе диалектная лексика XVIII—XIX вв., которая содержит ценный материал для историко-лексикологических изысканий.

В будущих сборниках по хакасской диалектологии желательно было бы найти более подробную характеристику отдельных говоров, например, абаканского, староиюсского и других, а также статьи, посвященные сравнительному (= сопоставительному) и сравнительно-историческому изучению фонетической, морфологической и лексической систем отдельных диалектов или даже фрагментов этих систем. (например, склонения имен, спрягаемых форм и т. д.), проблемам взаимодействия диалектов и говоров.

Следующим этапом могло бы быть описание хакасских диалектов в сопоставлении с другими тюркскими языками и диалек-

тами с целью выделения их генетических общностей и типологических схождений, а также изучение фонетики диалектов, особенно ударения и интонации инструментальными методами, выявление следов субстрата³ в лексике и субстратных факторов в эволюции фонетической системы.

Приветствуя выход в свет сборника «Диалекты хакасского языка», позволим себе отметить некоторые общие и частные недочеты этой в целом, безусловно, полезной книги.

Приходится сожалеть, что в сборнике нет очерка по кызыльскому диалекту. Известно, что хакасские диалекты, будучи исторически племенными, в прошлом представляли собой относительно самостоятельные языковые единицы⁴. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы их описание носило системный характер, а не было лишь обзором различительных особенностей диалекта и литературного языка. Полное и подробное описание диалекта в системе (например, описание всех бытующих в диалекте форм времени, а не только расходящихся с литературным языком), конечно, не исключает и их лингвогеографического исследования — выявления изоглосс.

При описании фонетических явлений необходимы указания на позицию звука в слове (слоге), на тотальный, ограниченный или спорадический характер соответствия или чередования звуков.

Досадно, когда в интересном очерке встречаются фактические неточности: выделяются наречия на -а:п (стр. 21) вместо -ла:п: čaxsyla:п; как пример метатезы приводится глагол ilge- 'просеивать' (стр. 37) ~ общетюрк. elge-; наречие oğuşša 'порусски' (стр. 55) почему-то выводится из uğıştar, а не из *oğuşsa; pula- 'дыметь' ('дымить'? — точнее: 'лубиться'). — Л. Л.) и rus 'пар' подаются как иллюстрация к соответствию l ~ s, тогда как здесь представлены разные морфемы: pula- < ру 'пар' + la и ru-s.

Некоторые определения, по-видимому, нуждались в редакторских уточнениях. Так, на стр. 29 утверждается, что в сагайском диалекте «более краткое произношение гласных». Возникает вопрос: как это установлено и в сравнении с чем? Неудачна формулировка: «звук э в начале и в начальном слоге» (стр. 53). Читая статью автора о бельгирском говоре, трудно понять, как употребляются варианты аффикса направительного падежа: являются ли

³ См.: В. Я. Бутанаев. Некоторые особенности хакасской лексики. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ». Абакан, 1973, стр. 147.

⁴ По словам М. И. Боргоякова, «языковая преемственность диалектов не прерывалась в течение XVII—XIX вв.». См.: М. И. Боргояков. К истории формирования хакасского языка, стр. 161.

² Г. И. Спасский характеризует его как звонкий щелевой. В настоящее время он обнаружен лишь в усть-абаканском говоре качинского диалекта.

они параллельными или различаются в зависимости от возраста носителей говора, или в основе их распределения лежит какой-то иной принцип. На стр. 51 указывается, что в шорском диалекте «наблюдается лабиализация широких гласных», но при этом не уточняется: после каких губных она имеет место (судя по примерам, после *й, о*, а как ведут себя широкие гласные после *и* и *ё*, — остается неясным).

Очень ценными представляются образцы текстов, приведенные в сборнике и в известной степени иллюстрирующие наблюдения хакасских диалектологов. Однако, как нам кажется, было бы более целесообразным сопроводить их пусть менее литературным, но более адекватным переводом: *Пір хати усхунза, а:т тапсанча: Парза — уйаз(ы)нда ах кйчйгэчэк ча:дыр*

(стр. 24) 'Вот ⁵ однажды просыпаясь утром, услышал он голос птицы турпан. Подошел к гнезду ее и увидел там белого щенка'; а следовало бы перевести так: «Один раз, когда проснулся (услышал), турпан поет. Когда подошел — в его (турпана) гнезде белый щенок лежит». Максимально близкий к подлиннику перевод очень важен потому, что сборник рассчитан на широкий круг тюркологов-лингвистов, в разной степени владеющих хакасским языком.

Следует надеяться, что доброе начинание хакасских языковедов будет ими продолжено, и в недалеком будущем в распоряжение ученых поступят новые интересные публикации по хакасской диалектологии.

Л. С. Левитская

⁵ Мы выделяем слова, которых нет в хакасском тексте.

Х. ХАМИДОВ. ҚАРАҚАЛПАК ТИЛИ ТАРИИХЫНЫҢ ОЧЕРКЛЕРИ (СОВЕТ ДӘУИРИНЕ ДЕЙИНГИ БИРҚАТАР ЖАЗБА ДЕРЕКЛЕРДИҢ МАТЕРИАЛЛАРЫ ТИЙКАРЫНДА) «ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ. НӨКИС, 1974, 358 стр.

Рецензируемая книга является первым в каракалпакском языкознании трудом, посвященным вопросам истории каракалпакского языка.

Монографию Х. Хамидова следует отнести к историко-лингвистическим исследованиям, ибо автор, работая над ней, использовал не только языковые данные, но и весьма ценные материалы по истории, литературе и фольклору каракалпаков. Развитие каракалпакского языка рассматривается автором в непосредственной связи с историей народа, что дает ему возможность научно и исторически обосновывать свои выводы.

В своем исследовании Х. Хамидов руководствовался выдвинутым Н. А. Баскаковым положением о том, что «... одной из основных задач изучения истории каракалпакского языка является... учет и монографическое исследование всех письменных памятников и документов старого каракалпакского литературного языка, находящихся сейчас в архивах бывшего Хивинского ханства, Амударьинского Отдела Сырдарьинской области и Каракалпакской АССР, а также языка народных поэтов

Каракалпакии и героического эпоса, то есть всех исторически засвидетельствованных, непосредственных памятников каракалпакского языка»¹.

В процессе работы над монографией автор сопоставлял язык памятников древнетюркской и среднетюркской эпох с современным литературным каракалпакским языком.

Монография Х. Хамидова состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении автор определяет место каракалпакского языка в семье тюркских языков и останавливается на основных этапах его формирования и развития.

В пяти главах монографии рассмотрены такие вопросы, как связи и отношения каракалпакского языка с языком орхон-енисейских памятников (VII—VIII вв.), языком «Дивана» Махмуда Кашгари (XI в.), языком кыпчакско-огузских памятников (XIII—XV вв.) и письменных памятников XVIII, XIX и начала XX вв. и, наконец,

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 196.

языком каракалпакских поэтов XVIII—XIX вв.

В главе, посвященной отношению каракалпакского языка к языку орхоно-енисейских письменных памятников, автор пытается установить истоки формирования некоторых фонетико-морфологических и лексических признаков этого языка в упомянутых текстах.

В главе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и каракалпакский язык» Х. Хамидов находит некоторые аналогии вокализма и консонантизма фонетического строя каракалпакского языка в языке «Дивана».

В главе, посвященной памятникам кыпчакского и огузского языков XIII—XV вв., автор на основе трудов средневековых авторов о тюркских языках прослеживает особенности развития кыпчакских языков, в том числе и каракалпакского.

Следует отметить, что памятники кыпчакского и огузского языков XIII—XV вв. относятся к числу наиболее ценных источников для изучения истории каракалпакского языка. Материалы этих памятников указывают на то, что формирование звукового состава каракалпакского языка началось в XV—XVI вв.

Следующая, четвертая, и, по нашему мнению, наиболее значительная глава монографии посвящена языку каракалпакских письменных памятников XVIII, XIX и начала XX вв.

Работая в архивах, автор обнаружил ценный документ — «Каракалпакские присяги», относящийся к первой половине XVIII в. Х. Хамидову на основе проведенного им тщательного анализа удалось доказать, что эти документы написаны в 1742—1743 гг. каракалпакскими ханами Гайыбханом и Муратшайхом, правившими в низовьях Сырдарьи, на имя императрицы Елизаветы Петровны. «Присяги» содержат прошение ханов о принятии каракалпаками российского подданства.

Язык «Каракалпакских присяг» по своему фонетическому строю почти не отличается от языка делопроизводства в Хорезме в XIX в.

Результатом совместной работы с С. К. Камаловым и Б. Кетебаевой в архивах г. Оренбурга следует считать обнаружение Х. Хамидовым материалов, относящихся к освободительной борьбе каракалпаков под предводительством Ерназара-колдаулы в 1855—1856 гг. против Хивинского ханства и Кунградскому восстанию каракалпаков в 1858—1859 гг. против того же ханства. В этих документах нашли отражение события, последовавшие после попытки каракалпакского народа добровольно присоединиться к России в первой половине XVIII в.

Ученым удалось обнаружить также официальные бумаги, имеющие отношение к торговле, распределению земли, воды, за-

ключению браков, обложению налогами и т. д.

Язык всех этих памятников, получивших общее название «юридических документов», обнаруживает известную близость с современным каракалпакским языком, хотя в нем имеются и своеобразные отличительные черты в области фонетики, морфологии, лексики. На основании исследования последних материалов автор приходит к заключению, что каракалпакский народ, как и многие другие тюркоязычные народы нашей страны, имел в прошлом веке свою письменность, основанную на арабской графике.

Последняя глава монографии посвящена языку каракалпакских поэтов XVIII—XIX вв. (Жиена, Кунходжи, Ажинияза и Бердаха). Автор справедливо указывает, что до сих пор исследователи не располагают оригинальными рукописями их произведений. В первую очередь это касается Бердаха, опубликованные произведения которого содержат большое число искажений подлинного текста.

По мнению исследователя, две недавно найденные рукописи поэм Бердаха «Шежи-ре» и «Хорезм» более близки к оригиналам. Письменные памятники каракалпаков XVIII—XIX вв. свидетельствуют о том, что в ту эпоху уже существовала каракалпакская письменность, но литературный язык был достоянием немногих грамотных людей.

Автор монографии справедливо пишет, что в письменно-литературном языке каракалпаков наряду с элементами устного разговорного языка нашли отражение также черты традиционного среднеазиатского книжного языка, известного под названием «китабый тил», близкого по своим основным нормам к современному каракалпакскому литературному языку.

Язык произведений каракалпакских поэтов, исследованный автором, является связующим звеном между старыми и новыми нормами каракалпакского литературного языка.

Монография Х. Хамидова содержит ценные сведения об историческом пути становления и развития каракалпакского литературного языка в дооктябрьский период, опровергает необоснованные высказывания некоторых исследователей о якобы сплошной неграмотности каракалпаков в прошлом, об отсутствии у них письменности до Октябрьской революции.

Однако в книге наряду с несомненными достоинствами имеются, на наш взгляд, и некоторые недостатки.

Упущением, по нашему мнению, является отсутствие в книге найденных автором факсимиле рукописей, отражающих состояние письменности каракалпаков в XVIII—XIX и начале XX вв.

В исследовании слишком большое место отведено проблемам классификации тюрк-

ских языков, тогда как по этому вопросу имеется богатейшая литература. Автору в данном случае следовало остановиться лишь на критическом разборе высказанных учеными точек зрения о принадлежности каракалпакского языка к той или иной группе тюркских языков и изложить свою точку зрения по этому вопросу.

В заключение хочется подчеркнуть, что благодаря богатству использованного материала и удачным авторским наблюдениям книга Х. Хамидова заслуживает внимания не только специалистов по каракалпакскому языку, но и всех тюркологов — историков языка.

У. Доспанов

З. Ф. УРАКСИН, Ф. А. НАДРШИНА, Х. Ф. ИСОПОВ БАШКОРТСА-РУССА ФРАЗЕОЛОГИК ҺҮЗЛЕК

ӨФӨ, 1973, 168 стр.

Рецензируемый словарь представляет собой первое лексикографическое пособие по башкирской фразеологии и содержит около двух тысяч фразеологических единиц, поговорок и пословиц. Словарь, являясь изданием учебно-методического характера, предназначен для учителей школ, переводчиков, журналистов, массового читателя и поэтому, естественно, не претендует на полный охват фразеологического богатства современного башкирского языка. В него включены наиболее употребительные, характерные преимущественно для литературного языка фразеологизмы.

Словарю предпослана вводная статья З. Г. Ураксина, раскрывающая категориальные свойства фразеологических единиц, сравниваемых автором с переменными сочетаниями слов и отдельными словами. З. Г. Ураксин считает, что основными признаками фразеологизма является несвязанность или отдаленная связь выражаемого им значения со значением его компонентов, наличие особых форм сочетаемости с контекстом, относительная ограниченность парадигматики компонентов и т. п. С этим вполне можно согласиться. Во введении раскрываются также семантические категории фразеологических единиц, как, например, омонимия — *k'ünel töšöü* (в значении, с одной стороны, проявления сильного стремления к чему-либо и, с другой — падения духа); синонимия — *bilbau afty bušau, korhak asyu, estä as büre olou* 'проголодаться'; антонимия — *bagmak menäp hanarlyk—hanar bötk'öpöb* 'много' и т. д.

Словарь, на наш взгляд, отвечает современным требованиям лексикографии и лексикологии.

Составители избрали алфавитный порядок расположения материала, хотя ряд современных фразеологов отдает предпочтение алфавитно-гнездовому принципу.

Как нам кажется, алфавитное расположение материала вполне приемлемо для тюркских языков, отличающихся устойчивым порядком следования компонентов фразеологизмов. Лишь немногие из последних, в основном атрибутивные, могут менять свою структуру (*kaga joblō—jōbō kaga, altyn kully—kuly altyn* и др.).

Для перевода значений башкирских фразеологизмов составители словаря используют комбинированный способ: приводят прежде всего русские эквиваленты, если таковые совпадают по стилистике и грамматической структуре; например: *jelheḡ jarprak helkenmäj* 'нет дыма без огня'; *jāne kyl öftöndä* 'жизнь на волоске висит'; *k'äk'ere kajunpa teräteü* 'обвести вокруг пальца' и т. д. и следом дают описательный перевод: *itäk tuly (bala)* 'много (детей)' досл. 'полный подол (детей)'; *k'ünel askysyn tabyu* 'находить (найти) подход' досл. 'находить (найти) доступ (ключ) к сердцу' и др.

При передаче значения башкирских устойчивых словосочетаний авторы часто прибегают также к дословному и приближительному переводам. Трудности передачи в переводе значений фразеологизмов привели авторов к искажениям и неточностям: например, *gönah šomloyo* 'из-за грехов', *donja baḡyu* 'находиться под давлением повседневной жизни'; *dōjä tujuḡupaḡ da k'äk'ere* 'наверно, фальшиво (когда фальшь заметна)' и т. д.

К достоинствам словаря следует отнести наличие в нем лексических и грамматических вариантов фразеологизмов, что продиктовано стремлением авторов дать читателям наиболее полное представление о лексико-грамматической структуре фразеологизмов башкирского языка.

Для того чтобы показать условия лексико-грамматического окружения фразеоло-

гизмов, составители подызуются также постановкой вопросов косвенных падежей (например, *akyl kiteü nimaga?*, *k'ük'k'ä k'ütäreü (söjöü) k'emde?*, *küb uñynda totou kemde?* и т. д.), однако делают они это не всегда последовательно; значительная часть фразеологических единиц не сопровождается аналогичными вопросами.

В словаре нет стилистических помет, что объясняется неразработанностью стилистической классификации фразеологизмов.

Иллюстративный материал подобран удачно, он достаточно полно раскрывает значение и условия употребления фразеологизмов в контексте. Перевод этого материала на русский язык хотя и обогатил бы словарь, но привел бы к значительному и нежелательному увеличению объема его (в ущерб числу словарных статей).

К недостаткам словаря следует отнести и то, что, приводя иллюстративный материал, авторы во многих случаях ограничиваются одной, редко — двумя фразами, не раскрывающими в полной мере значения фразеологизмов, ибо фразеологические единицы, находясь в различных ситуациях, приобретают разные значения и оттенки. Та-

ким образом, многие устойчивые словосочетания представлены однозначными, хотя в предисловии к словарю справедливо подчеркивается многозначность большого числа фразеологизмов.

Некоторые фразеологические единицы вообще не сопровождаются иллюстративным материалом: *kojroçona bañtuğa toçan k'eşe tügel* 'ему (ей) на хвост не наступишь'; *kojroçon da tota almañhuñ* 'ищи ветра в поле'; *kodaçuy aşı menän kunak huylau* 'платить из чужого кармана' и т. д.

«Башкирско-русский фразеологический словарь» отличается от ранее изданных аналогичных лексикографических работ широтой представленного в нем фразеологического материала, а следовательно, и большей полнотой. Думается, что словарь с интересом и не без пользы будет прочитан всеми специалистами в области тюркской фразеологии.

Достойно сожаления, что полиграфическое оформление книги не совсем соответствует ее научному значению.

В. Ш. Псянчин

A. RONA-TAŠ, S. FODOR. EPIGRAPHICA BULGARICA

A VOLGAI BOLGAR-TÖRÖK FELIRATOK

SZEGET, 1973, 189 стр.

В настоящее время все более возрастает интерес ученых к языковым памятникам болгарской старины. Об этом свидетельствует и монография А. Рона-Таша и Ш. Фодора «Булгарская эпиграфика», изданная Сегедским университетом им. Аттилы Йозефа.

Книга включает помимо предисловия (7—9) следующие разделы: История изучения волго-булгарских надписей (10—37); Некоторые замечания о волго-булгарских надписях (38—40); Надписи XIII в. (41—53); Надписи XIV в. (55—147); Словник (149—156); Протобулгарский индекс (157); Индекс фразеологический (158—160); Индекс именной (161—162); Приложение, состоящее из перечня неаутентичных надписей (165—173), хронологического (174) и географического (175) указателей, библиографии (177—188) и дополнения (189).

В рецензируемой книге опубликованы 52 аутентичные надписи, из которых 6 относятся к XIII в., остальные — к XIV в. Кроме того, приводятся 34 неаутентичных надписи с соответствующими примечаниями (дата, место находки, автор находки и др.). Однако для читателя главный интерес представляет чтение надписей тех памятников, тексты которых можно сличать с фотокопиями.

Все надписи, приведенные в работе А. Рона-Таша и Ш. Фодора, документированы: из шести надписей XIII в. пять воспроизводятся по книге Г. В. Юсупова¹ [надпись № 4 (ЮсБТЭ, табл. 4), сделанная на арабском языке, почему-то включена в число булгаро-язычных памятников], одна — по публикации Н. И. Ашмарина². Из памятников XIV в.

¹ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960 (далее: ЮсБТЭ).

² «Известия Общества археологии, истории и этнографии», XXI. Казань, 1905.

35 являются фотокопиями из той же книги Г. В. Юсупова, три надписи воспроизводятся по публикациям С. Е. Малова³ и восемь надписей — по публикациям А. Б. Булатова⁴.

Таким образом, А. Рона-Таш и Ш. Фодор исследовали в своей работе 52 памятника. Они тщательно проанализировали тюркоязычную часть этих памятников и уточнили датировку некоторых надписей (как по мусульманскому, так и христианскому летоисчислению), дали огласовку многих болгарских слов, расставив недостающие или пропущенные прежними чтецами диакритические знаки (*фатху, кясру, дамму*), что должно, по замыслу авторов, способствовать правильному прочтению памятников.

А. Рона-Таш и Ш. Фодор внесли принципиальные уточнения в чтение ряда слов. Рассмотрим некоторые из них:

(1) ЮсБТЭ, табл. 11 — зетацерирующий вариант написания:

7 строка: *دينار ان* 'из мира',

8 строка: *جيات جور* 'семьсот'

Рона-Таш — Фодор, табл. 10 — ротацирующий вариант написания:

ان دينار 'из мира',

جور جيات 'семьсот'

(2) ЮсБТЭ, табл. 31 — йотирующий вариант написания:

3 строка: *بلغار تطي اول* 'болгарского Тотая сын'

Рона-Таш — Фодор, табл. 26 — ротацирующий вариант написания:

اول البلغاري نطر (?) 'болгарского Татара сын'

(3) ЮсБТЭ, табл. 41 — ротацирующий вариант написания и прочтения:

3 строка: *ططر* 'татар'

Рона-Таш — Фодор, табл. 36 — зетацерирующий вариант написания и ротацирующий вариант прочтения:

ططر 'татар'.

В то же время авторы «Булгарской эпиграфики» допускают ошибочное, по нашему мнению, прочтение некоторых слов. Например:

(4) ЮсБТЭ, стр. 87 Бул УЗ ЧНИИ, пам. № 3

Рона-Таш — Фодор, стр. 150

بالوى كى *bālū:ki* *балу(ü)ки*

بلوى كى، بلوى كى، بلوى كى
belüwi-kü

Чтение и перевод А. Рона-Таша и Ш. Фодора совпадает с чтением и переводом Г. Дёрфера **bälüvi kü 'sein Grabmal (ist) dies'*⁵ = венг. *emlékköve ez* (14:3, стр. 71) 'памятник его это' Г. Дёрфер, А. Рона-Таш и Ш. Фодор букву *кяф* выделяют из предыдущей части, преобразуя ее в *kü*, который якобы является исходной формой чувашского *ku* 'этот'. Между тем ни в орхонском, ни в позднейших тюркских языках форма *ku* не была обнаружена. Но главное не в этом, а в том, что неизменные на всех памятниках *ба, лам, вав, йа, кяф* (*بلوى كى*) эти авторы читают по-разному. К расхождениям приводит «арабская» транслитерация тюркского слова. Слово со значением «памятник», «знак», «примета» имеется во всех тюркских языках начиная с древнейших времен:

др.-тюрк. *belgü* (*𐰇𐰣𐰆𐰢* памятник Моюн-чуру, 20), чув. *palGä*. Что касается другого

варианта чувашского слова *paläk*, то ему соответствуют венгерское *bélyeg* и славянское *бѣлѣгъ ~ белѣгъ ~ билѣгъ*⁶ < др.-тюрк. *belgü* 'признак, примета' (ДТС, 93). Если орхонское письмо передавало слово *belgü* четырьмя буквами (три согласных и одна гласная), то в XI в. с переходом на арабскую графику турки (уйгуры) стали использовать пять букв. Это было связано с тем обстоятельством, что в передаче звуков *ö—ü* турки Средней Азии, Хорасана, Золотой Орды механически следовали орфографии прежнего «своего» письма. Механическая транслитерация привела к использованию арабских букв *вав* (و) и *йа* (ي). Подобный подход был характерен и для старомонгольской орфографии, поскольку монголы заимствовали уйгурскую письменность. По этому поводу

Б. Я. Владимирцов писал: «...знак *я* есть не что иное, как сочетание *Ц(waw)w ~ o*,

³ «Эпиграфика Востока». М.—Л., 1947 (I), 1948 (II).

⁴ «Эпиграфика Востока», XVI. М.—Л., 1963; «Ученые записки ЧНИИ», XXXVI. Чебоксары, 1967 (далее: Бул УЗ ЧНИИ).

⁵ Gerhard Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Altpersischen, Bd I. Wiesbaden, 1963, стр. 217.

⁶ Omeljan Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, стр. 71 (далее: Pritsak, Fürstenliste).

и и 1 (yod)y ~ i; получаемый таким образом знак, так же как и в уйгурском, служит для обозначения ö и ü⁷. Таким образом, приведенное слово следует читать *bälük ~ чув. paläk. Что же касается *даммы* над буквой *кяф*, имеющейся на некоторых отпечатках, то ее действительно надо читать kü, а все слово bälük-ü ~ чув. paläk-ë 'его (ее) памятник'⁸, но отнюдь не *belüwī-kü. Последнее прочтение следует отвергнуть хотя бы потому, что в тюркских языках, в том числе и чувашском, нет и не было формы *belüwī. Здесь корень слова *bäl ~ чув. *pal; от него произошли: bäl-ük||bäl-gü ~ чув. paläk||palGä [-q(-k); -iq, -ik; -uq, -ük; -aq, -äk — словообразовательный аффикс (ДТС, 660)], тур. bäl-lä 'обозначить знаком' ~ чув. pal-la, азерб. bäl-li 'известный, ясный' ~ чув. pal-lä.

(5) ЮсБТЭ

Бул УЗ ЧНИИ,
пам. № 5

Рона-Таш — Фодор, стр. 148

Prißsak,
Fürstenliste,
стр. 87
bolDuvī

بلطوی

не транскрибирует

بلطوی

бултавы

بلطوی، بلطوی، بلطوی

bältuwi

С нашей точки зрения, предложенная транслитерация вряд ли может быть приемлема. Данный глагол состоит из корня bol- (بول) и аффикса претеритума طوی, но последний нельзя превращать в tuwī, duwī или еще tawīj, ибо сочетание букв *вав* и *йа*, опять-таки согласно правилам уйгурского письма, передает ö или ü. Тогда слово بلطوی можно будет прочитать как *bol-tü или *bol-tö > чув. pol-T'ë. Начальное *ба* (ب) не мешает этому, поскольку, во-первых, чувашское начало слова всегда глухое, во-вторых, арабское *ба* служило и служит для обозначения как звонкого, так и глухого анлаута. Со времени орхонских надписей в тюркских языках претеритум передается аффиксом -dī (-di), -tī (-ti), который четко обозначен на татарском памятнике, хронологически в точности соответствующем остальным болгарским памятникам: بولدی bul-dī (ЮсБТЭ, табл. 10), بولطى bul-tī (ЮсБТЭ, стр. 85).

Таким же образом авторы монографии транслитерируют слово «день»:

(6) ЮсБТЭ, стр. 79

Бул УЗ ЧНИИ, пам. 5

Рона-Таш — Фодор, стр. 154

كوان коон

كوان коон

كوان، كوان، كوان küwēn

Отметим прежде всего, что в тюркских языках, за исключением чувашского, слово «день» пишется и произносится в переднеязычной огласовке: в орхонских надписях kün

(күн), в уйгурском, как было сказано выше, ü передается буквами *вав* и *йод*: بۇ

kün⁹, в татарских памятниках ü передается арабским *вав*: كون (ЮсБТЭ, табл. 12, 45)

> kün или köp 'день'. Но в других болгарских памятниках того же периода после *вав* стоит *алиф*, поэтому чтение Г. Булатова и Г. Юсупова точнее. Нами уже отмечалась справедливость высказанного Н. Ф. Катановым предположения, что сочетание буквы *вав* с *алифом* (و) в инлауте, судя по персидским примерам, также следует передавать звуком *о*, например: булг. كوان = чув. kop 'день', ср. перс. خواستم xostæt

'я хотел', خواندم xōndæt 'я прочитал' и т. д.¹⁰ Форма *küwēn трудно объяснима, поскольку подобный фонетический вариант нигде не обнаружен; кроме того, из формы *küwēn не может возникнуть чув. kop > kup 'день'. Это возражение усугубляется еще и непоследовательностью авторов книги. Так, в слове كوان *кяф* и *вав* читаются ими как küw, в слове طوخ (2:6) *та* и *вав* — как tū, а слово в целом — как tuhūr > чув.

⁷ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. стр. 80.

⁸ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968, стр. 62.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 161, 608₁₈.

¹⁰ Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 13; Е. Д. Поливанов. Введение в языковедение для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 17; М. Р. Федотов. К вопросу о древнечувашской письменности. — «Советская тюркология», 1972, № 5. стр. 113.

tāxāg. Впрочем, последнее совершенно верно, так как тюркоязычные народы, с переходом на арабскую графику, букву *va* использовали для передачи гласных *o*, *ö*, *u*, *ü* в неарабских словах. Эта норма установилась еще в XI в., в эпоху караханидов.

(7) Что касается числительных «3», «10», «30» и их производных форм, то они в книге транскрибированы правильно, и их анлаутный звук, переданный буквой *vav*, соответствует звуку *v* — в словах типа *vaqt* (ар. وقت) 'время' (ДТС, 632). Иное прочтение, допускаемое Г. В. Юсуповым, приводило к несуразностям. Например, слово *وطر* 'тридцать' у него превращалось в *otor* (ЮсБТЭ, стр. 79) 'сидеть'¹¹.

Поскольку авторы книги пользовались технически несовершенными отпечатками памятников, трудно судить о степени точности внесенных ими поправок.

Остается пожелать, чтобы тюркологи как можно скорее ввели в научный обиход аутентичный список всех имеющихся в их распоряжении болгарских надписей, опубликовав их в виде альбома в хорошем полиграфическом исполнении.

Выход в свет «Булгарской эпиграфики» — значительное событие для тюркологов. Эта книга окажет большую помощь исследователям языка, истории и этногенеза народов Волго-Камского ареала. Главная заслуга авторов заключается в том, что, обратившись непосредственно к исследованию самих болгарских надписей XIII—XIV вв., им удалось избежать различного рода ошибок, допущенных их научными предшественниками, и дать правильное чтение зафиксированных в них болгарских слов.

М. Р. Федотов

¹¹ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка., стр. 78.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ТОПОНИМИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

30—31 мая 1974 г. в Баку состоялась конференция по проблемам топонимии Азербайджана, организованная республиканским Географическим обществом и Институтом географии Академии наук Азербайджанской ССР. На конференции было заслушано 30 докладов и сообщений, посвященных разработке теоретических и методических вопросов, связанных с дальнейшим развитием топонимических исследований в республике¹. В обсуждении их приняли участие научные сотрудники различных институтов республиканской Академии наук, а также преподаватели вузов и школ.

Задачей конференции было подведение предварительных итогов проделанного в республике в области изучения топонимии и объединение усилий ученых различных профилей (лингвистов, историков, географов) для совместного исследования этой важной комплексной области науки. Необходимо было также критически оценить некоторые неверные толкования отдельных топонимов Азербайджана, наметить основные проблемы и сосредоточить внимание на исследовании этих проблем и создании топонимического фонда.

Конференцию вступительным словом открыл директор Института географии Академии наук Азербайджанской ССР, президент Азербайджанского географического общества академик Г. А. Алиев.

Вели заседания конференции в качестве председателей вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР академик М. А. Дадашзаде и проф. Б. А. Будагов.

В докладе Б. А. Будагова «Об изучении топонимии Азербайджана и ее задачах» был поставлен вопрос о необходимости более широкого изучения топонимии республики, в том числе ойконимов, этнотопонимов, оро-

нимов, гидронимов, зоонимов, фитонимов и микротопонимов Азербайджана. Б. А. Будагов подчеркнул важность планомерного проведения топонимических исследований и привлечения к созданию топонимического фонда республики, помимо ученых, также широких кругов интеллигенции. Докладчик указал на необходимость сравнительного изучения тюркских топонимов Азербайджана, Кавказа, Юго-Восточной Европы, Южного Урала, Центральной и Средней Азии, Казахстана, а также Иранского Азербайджана и Турции.

Б. А. Будагов особо отметил важность сохранения географических названий, переименование которых можно допускать лишь в исключительных случаях.

Р. М. Юзбашев в докладе «Научные основы топонимического словаря» указал, что топонимический словарь должен быть составлен на основе научно разработанных принципов и этимологического анализа каждого топонима, причем следует установить его первичность или заимствованность. Так, например, река *Аксу* — исконный первичный гидроним; *Аксу* (гора) и *Аксу* (город) свои названия заимствовали у одноименной реки. Поэтому значение названия должно быть дано только в словарной статье *Аксу* (река), а в двух других упомянутых случаях следует ограничиться соответствующей пометкой: *гидронимический ороним* или *гидронимический ойконим*, с пояснением происхождения их вторичных названий.

С докладом «Топонимия как исторический источник» выступил Ю. Б. Юсифов, подчеркнувший важную роль топонимии в проведении этногенетических исследований. Докладчик остановился на происхождении ряда топонимов Апшеронского полуострова: *Гюздек*, *Сангачал*, *Алатава*, *Туркян*, *Билья* и др.

М. Сейидов в докладе «Некоторые замечания о происхождении этнотопонимов *Аг-гоюнлу* и *Гарагоюнлу*» отметил, что у некоторых тюркских народов баран был символом изобилия, плодородия, плодovitости, и поэтому они избирали его своим онгоном.

¹ Основное содержание докладов и библиография по топонимике Азербайджана опубликованы в сборнике: «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана». Баку, 1973, 136 стр.

С. Ашурбейли, выступившая с докладом «Топоним Баку», высказала мнение, что в названии Баку отложилось наименование древнейших обитателей данной территории — племени *баканов* (*баганов*).

В докладе «Сущность и локальные изменения терминов *кара* и *аг* (*ак*, *ах*) в географических названиях» Э. К. Мехралиев говорил о том, что *кара* в топонимах *Караюней*, *Карабуджак*, *Караёхуш*, *Караязы* означает «западный»; *аг* в топонимах *Агюней*, *Агбуджак*, *Агёхуш*, *Агязы* — «восточный». Возможно также, что племена *Караююну* и *Аркоюну* получили свое название по местоположению территории их расселения относительно сторон света.

В докладе «Древнеазербайджанский этноним *гелы* и этнонимические закономерности» З. И. Ямпольский высказал мнение, что азербайджанские этнонимы типа *гелы* дают основание считать закономерной генетическую связь этнонимов с тотемизмом. Докладчик указал, что возникновение этнонимов обусловлено определенными этнотопонимическими закономерностями, выявление которых позволит получить важные данные.

Ш. З. Бахтиев в докладе «О топониме Баку» высказал мнение, что название Баку восходит к тюркскому слову *бакку*, обозначающему место (точнее — башню), откуда велись военные наблюдения за окружающей местностью.

А. Гусейнзаде в докладе «К этимологии топонима Загульба» утверждал, что все существующие интерпретации данного топонима ошибочно связываются с арабским языком, в то время как естественно предположить, что Загульба состоит из двух компонентов: *Загуль* < *Зухул* < *Зухур* и *ба* < *оба*. Первый компонент восходит к дагестанскому этнониму *цахур*, а второй является тюркским словом *оба*, что в целом означает «зимовка скотоводов».

К. Алиев в своем докладе «Географические и этнические названия Атропатены и древней Албании по Страбону» привел интересные данные о древнейших топонимах Азербайджана, упоминаемых Страбоном. По данным докладчика, азербайджанские топонимы *Бахарлы*, *Гырыглы*, *Гянджа* (ныне г. Кировабад), *Карапапах*, *Чигилчай* и другие связаны с тюркскими племенами (*бахарлы*, *кырык*, *кенджек*, *карапапах*, *чикил*).

В докладе «О топонимии Нахичеванской АССР» С. Я. Бабаев отметил недостаточную изученность этой темы. Предварительные исследования показывают, что в топонимии Нахичеванской АССР азербайджанские названия составляют 70%.

А. Фазили в докладе «О топониме Мугань» отметил, что этот топоним встречается в памятниках в различных написаниях, и указал на его этнонимическое происхождение.

Доклад Г. А. Гейбуллаева «Об этнонимах в топонимии Азербайджана» был посвящен исследованию наименования круп-

ных тюркских этнических групп, оставивших весьма заметный след в этнотопонимии Азербайджана. Докладчик считает, что современные наименования: *Болгарчай*, *Гуллар*, *Хубярлы*, *Чахырлы*, *Газанчы* этимологически связаны с древними булгарами и их племенами — *кул*, *кувээр*, *чакар*, *казан*. Названия кыпчакских племен *куч*, *ток*, *берендей*, *караборк*, *джужан*, *анджы*, *ков* составляют основу топонимов *Хуч*, *Туг*, *Веренде*, *Караборкли*, *Джужанлы*, *Онджалы*, *Говлар*. Названия печенежского племени *капан* и хазарского племени *кавар* нашли отражение в топонимах *Гапанлы* и *Кебирли* в Азербайджанской ССР.

В докладе Ш. М. Саадиева «Межойконимные связи на территории Азербайджана» основное внимание было уделено анализу межойконимных связей, установление которых в историческом аспекте может пролить свет на такой важный процесс, как миграция населения.

Н. Н. Аллавердиев в докладе «Об унификации употребления географических названий и терминов в школьной географии» подчеркнул необходимость координирования работы по унификации географических названий и терминов в республике.

В докладах Ш. Д. Алиева «Географические названия на картах», А. Г. Гасанова «О некоторых искажениях в написании ойконимов Азербайджанской ССР», Б. Т. Абдуллаева «О правописании азербайджанских географических названий», Т. Гамзаева «О некоторых диалектизмах и искажениях в азербайджанской топонимии», М. Г. Мирзоева «О некоторых искажениях и заменах в топонимии Азербайджана», Н. Г. Мамедова «Характерные типы искажений в топонимии Муганско-Сальянской равнины» приводились многочисленные факты разноречия и искажений в написании топонимов республики.

Доклад З. А. Хасиева «О некоторых топонимах, связанных с животноводством» был построен на диалектном материале западных районов Азербайджана. Докладчик указал, что слово *ман* исторически функционировало самостоятельно (в значении «четырёхлетняя овца»), а в настоящее время превратилось в формант, участвующий в образовании терминов *аламан*, *гараман*, *азман*, *дызман*, *гозман* и топонимов *Гарамандаг*, *Кэлэман*, *Манкуз* и др.

Р. А. Керимли в докладе «Некоторые замечания об азербайджанских ойконимах» остановился на ряде древних форм написания ойконимов, имеющих важное значение для расшифровки топонимов.

Доклад Ч. Х. Мирзазаде «Топоним Азербайджан в разноязычных источниках» был посвящен обзору многочисленных источников на персидском, азербайджанском и других языках, содержащих интересный топонимический материал.

В докладе А. И. Алиева «О некоторых этнотопонимах» рассматривался ряд геогра-

фических названий, связанных с этнонимии.

М. А. Аббасова в докладе «К вопросу об изучении микротопонимии Азербайджана» подчеркнула важность систематического и планомерного изучения названий мелких географических объектов для исследования топонимии в целом.

Исследованиям в области азербайджанской региональной топонимии были посвящены сообщения: Г. Ализаде на тему «Изучение тюркоязычных названий населенных пунктов Дманисского района Грузинской ССР», А. Бараташвили — «О топонимии Мингечаурского природного региона» и С. Керимова — «О некоторых топонимах Кубатлинского района». С докладом «К

использованию топонимов на уроках географии» выступил А. Ахундов.

В прениях по докладам приняли участие А. Гусейни, Э. Алибейзаде, Г. Зарине-заде, М. Абаслы, С. Онуллахи, Г. Джахани, К. Рамазанов, Д. Мирзаев, М. Гаджиев, Х. Мамедов, А. Имамалиев, М. Хатами и другие. В связи с отдельными докладами были высказаны критические замечания.

В постановлении конференции намечены пути дальнейшего изучения топонимии республики.

Было принято решение о созыве следующей топонимической конференции в 1976 г.

Р. М. Юзбашев, Б. А. Будагов.

ХРОНИКА

«СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ТУРКМЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ)»

12 апреля 1974 года на заседании Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Туркменской ССР состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, доцентом Турк-

менского государственного университета **Сарыевым Кумманом** на тему «Словосочетания в туркменском литературном языке (именные словосочетания)».

Диссертант в своей работе рассмотрел ряд проблемных вопросов, касающихся синтаксического строя тюркских языков.

Работа К. Сарыева построена на обширном фактическом материале. Диссертант в своей работе последовательно прослеживает место словосочетания в системе других языковых единиц, останавливается на формах и содержании словосочетаний в их диалектической связи и соотношении, анализирует специфические особенности семантико-структурной сочетаемости слов, сопоставляет самые различные модели именных словосочетаний.

Значительное место в диссертации отведено исследованию диалектической связи между лексической и грамматической кате-

гориями. Словосочетанию, как чисто грамматической категории, диссертантом дается научно обоснованное конкретное определение. В диссертации рассматриваются пути образования словосочетаний в туркменском языке, что в значительной мере может быть отнесено и к другим тюркским языкам, и виды подчинительной связи их компонентов.

Большая часть работы посвящена разбору семантико-структурных особенностей словосочетаний, что имеет важное значение в науке о языке. Диссертант подробно останавливается на многочисленных фактах образования именных словосочетаний и их семантических особенностях. Подробно рассматриваются им различные аспекты простых и устойчивых, простых и сложных (в том числе и осложненных) словосочетаний, а также способы образования именных словосочетаний. Рассмотрение каждого семантико-структурного разряда словосочетаний сопровождается богатым иллюстративным материалом и заключается ценными выводами.

Выступившие на заседании официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. Ю. М. Сейдов, д-р филол. наук, проф. А. С. Сафаев и д-р филол. наук, проф. Б. Ч. Чарыяров дали высокую оценку диссертации. Ученый совет проголосовал за присуждение К. Сарыеву ученой степени доктора филологических наук.

С. Куренов

«КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ»

18 апреля 1974 года на заседании Ученого совета Института языкознания Академии наук СССР состоялась защита диссертации

на тему «Кыпчакские языки Урало-Поволжья (опыт синхронической и диахронической характеристики)», представленной до-

центом кафедры общего и сравнительно - исторического языкознания Башкирского государственного университета **Гариповым Талмасом Магсумовичем** на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация Т. М. Гарипова

посвящена монографическому анализу процессов исторической эволюции кыпчакских языков восточно-европейского ареала от древнего засвидетельствованного письменными памятниками состояния до наших дней, когда эти языки функционируют в качестве национальных башкирского и татарского языков с их многочисленными (свыше 50) диалектами и говорами, распространившимися на обширной территории от Волги и Урала до Сибири.

В диссертации сделана попытка установить причины обособления урало-поволжской

подобности в массиве тюркских языков и внутри единой кыпчакской ветви этой языковой семьи. Диссертанту при этом удалось выяснить природу структурной близости башкирского и татарского языков, обусловленной как генетическими факторами, так и последующей конвергенцией. В работе оценивается также роль субстратных индоевропейских и финно-угорских языков, освещается более позднее по времени воздействие языков: арабского, персидского, монгольского, русского и др. В своем исследовании Т. М. Гарипов опирается на традиции исторической компаративистики, на достижения относительно новых для тюркологов наук — лингвogeографии и контактологии (теории и практики языковых контактов).

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов член-корреспондент Академии наук СССР А. Н. Кононов, д-р филол. наук, проф. Д. Г. Тумашева, д-р филол. наук, проф. Э. Р. Тенишев и неофициальный оппонент проф. В. Д. Аракин положительно оценили диссертацию и высказались за ее издание. Члены Ученого совета проголосовали за присуждение Т. М. Гарипову ученой степени доктора филологических наук.

Г. Б.

«К ТИПОЛОГИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

10 июня 1974 г. на заседании Ученого совета Московского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. В. И. Ленина состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой

степени доктора филологических наук, заведующим кафедрой фонетики и лексики английского языка Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков им. Ф. Энгельса **Абдуазизовым Абдузухром Абдумаджидовичем** на тему «К типологии фонологических систем (на материале английского и узбекского языков)».

Диссертация, состоящая из двух частей, включает введение, пять глав, заключение,

методические рекомендации и приложение (результаты экспериментально-фонетических данных).

Первая часть работы посвящена анализу фонологической и морфонологической систем современного узбекского языка. Здесь автором устанавливаются существующие оппозиции и корреляции, случаи нейтрализации, а также сила и функциональная нагрузка оппозиций и дистрибуция аллофонов фонем.

Во второй части дается типологический анализ фонологических систем английского и узбекского языков.

В диссертации делаются также некоторые диахронические экскурсы с целью выяснения динамики развития фонологических систем исследуемых языков на современном этапе, подробно сравниваются системы вокализма и консонантизма английского и узбекского языков, рассматриваются вопросы взаимовлияния сегментной и суперсегментной сфер и т. д.

Морфонологические особенности исследуемых языков обнаруживаются при ана-

лизе определенных чередований как словообразующих суффиксов (что характерно для германских языков), так и словоизменяющих суффиксов (что специфично для тюркских языков).

В работе даются также методические рекомендации для обучения английскому произношению в тюркоязычной аудитории.

Официальные оппоненты — академик Академии наук Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, д-р филол. наук, проф. В. А. Васильев, д-р филол. наук, проф. Е. С. Клыч-

ков и д-р филологических наук О. С. Широков, а также выступившие на защите доктора филол. наук, профессора О. С. Ахманова, Ю. В. Рождественский, В. А. Редькин, З. М. Цветкова дали высокую оценку диссертации.

Ученый совет проголосовал за присуждение А. А. Абдуазизову ученой степени доктора филологических наук.

С. Ризаев

«ЛЕКСИКА ЯЗЫКА ЕНИСЕЙСКО-ОРХОНСКИХ И ТАЛАССКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ»

29 июня 1974 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита старшим научным сотрудником Института языкозна-

ния Академии наук Казахской ССР **Айдаровым Губайдуллой** диссертации «Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

В диссертации исследуется лексика енисейско-орхонских и таласских памятников VII—VIII вв. н. э.

В диссертации предпринята попытка дать характеристику особенностей древнетюркского слова как основной единицы словарного состава, проследить пополнение словаря языка памятников посредством различных способов словообразования и заимствований из других языков, дифференцировать лексику памятников по характеру семантических и фонетических связей меж-

ду словами и по структурно-семантическим особенностям слов. Особое внимание диссертант уделил общетюркской лексике, а также установлению некоторых типов древнетюркских этнических и топонимических названий.

В диссертации широко используются факты многих современных тюркских языков.

Отдельные главы диссертации посвящены семасиологическим особенностям языка енисейско-орхонских памятников древнетюркской письменности, общетюркской лексике, путям пополнения словарного состава языка памятников, прослеживанию следов говоров и анализу устаревших слов и фразеологизмов в языке памятников.

Диссертационная работа Г. Айдарова насыщена богатым фактическим материалом и содержит ценные научные выводы.

Официальные оппоненты — член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР А. М. Демирчизаде, д-р филол. наук, проф. М. А. Хабицев, д-р филол. наук, проф. Т. И. Гаджиев отметили большую работу, проделанную диссертантом, и высказались за присуждение Г. Айдарову ученой степени доктора филологических наук.

Ученый совет проголосовал за это предложение.

Г. К. Кулиев

НЕКРОЛОГ

ДЖЕРАРД КЛОСОН

1 мая 1974 г. в Лондоне скончался сэр Джерард Клосон, выдающийся английский тюрколог.

Дж. Клосон родился в 1891 г. в г. Лавалетта (о. Мальта), в семье британского офицера; получил классическое (латинская и греческая филология) образование в Оксфордском университете, который окончил в 1914 г. со степенью бакалавра. Еще до поступления в университет Дж. Клосон проявлял интерес к восточным языкам: в 1907 г., будучи учеником Итонского колледжа, Дж. Клосон опубликовал небольшую статью об одной санскритской рукописи буддийского содержания, обнаруженной им в библиотеке колледжа.

Дж. Клосон получил солидную подготовку в ряде областей востоковедения: индологии, тибетоведении, семитологии, арабистике. В 1912 г. им был опубликован каталог санскритских рукописей из коллекции А. Стейна. В годы первой мировой войны Дж. Клосон участвовал в военных действиях на Ближнем Востоке.

После демобилизации в 1919 г. в чине капитана Генерального штаба Дж. Клосон поступил на службу в Министерство колоний; в дальнейшем он занимал ряд крупных должностей в английской государственной администрации; вышел в отставку в 1951 г.

Давний интерес к тюркской филологии реально проявился только в 1928 г.; в этом году была издана его первая тюркологическая работа: «Описание рукописи „Мухаббат-наме“» из коллекции Британского Музея (Лондон)¹.

В начале 50-х годов Дж. Клосон возобновил научную работу в области тюркологических исследований, успев опубликовать до своей смерти около 50-ти статей и монографий.

¹ G. Clauson. A hitherto unknown Turkish manuscript in «Uighur» characters. — JRAS, January, 1928.

Среди его работ важное место занимают труды по лексикографии и лексикологии². В числе изданных им в этой области работ следует отметить «Санглях» Махди-хана³ и особенно «Этимологический словарь тюркских языков до XIII века»⁴.

Ряд работ Дж. Клосо́на посвящен проблемам алтаистики, главным образом исследованию тюрко-монгольских языковых взаимоотношений⁵.

Дж. Клосон проявлял значительный интерес к тюркской этнонимике (в связи с критикой алтайской теории), исторической топонимике, а также к изданию и анализу древнетюркских памятников рунического и уйгурского письма⁶.

Наряду с научно-исследовательской работой Дж. Клосон немало времени уделял и научно-организационной деятельности: он был президентом Королевского Азиатского

² G. Clauson. 1. Turkish ghost words. — JRAS, October, 1955; 2. The earliest Turkish loan words in Mongolian. — CAJ, IV, 3, 1959; 3. The Turkish elements in 14th century Mongolian. — CAJ, V, 4, 1960.

³ G. Clauson. Sanglax, a Persian guide to the Turkish language, by Muhammad Mahdi Xan. Facsimile text, with an introduction and indices. E. J. W. Gibb Memorial. New Series, XX, 1960.

⁴ G. Clauson. A Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. — Рецензия: А. М. Щербак («Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 108—110).

⁵ G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962. См. еще: А. М. Щербак. Работы Дж. Клосо́на по алтаистике. — «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 150—153.

⁶ G. Clauson. 1. A note on Qapqan. — JRAS, April, 1956; 2. The Ongin inscription. — JRAS, October, 1957; 3. Ak-Beslim-Suyab. — JRAS, April, 1961; 4. Notes on the «Irk Bitig». — UAJ, XXXIII, № 3-4, 1961; 5. The origin of turkish «runics» alphabet. — Acta Orientalia, XXXII, Copenhagen, 1970, стр. 51—76.

общества (Лондон), вице-президентом Королевского Археологического Института.

За свои многолетние выдающиеся исследования по тюркологии Дж. Клосон в 1969 г. был награжден золотой медалью Индианского университета (США), ежегодно присуждающейся очередной сессией Постоянной Интернациональной Алтаистической конференции (ПИАК), и золотой медалью Королевского Азиатского общества (1973).

Сэр Джерард Клосон был одним из наиболее видных современных тюркологов. Его трудами серьезно продвинуты вперед исследования в области древнетюркской филологии; изданные им древнетюркские памятники и словарь древнетюркского языка

являют собой блестящие примеры глубоких текстологических и лексикографических разработок на уровне последних требований современной науки и на долгое время сохраняют в этой области тюркологии свое фундаментальное значение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- CAJ* — Central Asiatic Journal, Leiden.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London.
UAI — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.

А. Н. Кононов,
С. Г. Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. А. Ганиев (Казань). Глагольные образования на -ла/-лэ в современном татарском языке	3
Р. Х. Халикова, Ф. Н. Хисаметдинова (Уфа). К вопросу о реликтовых звукосочетаниях, сохранившихся в лексике башкирского языка	13
А. Меметов (Ташкент). Синонимы в современном крымско-татарском языке	16
Э. А. Умаров (Ташкент). Фразеологическая контаминация в языке Алишера Навои	23

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Г. Ф. Благова (Москва). Причуды заимствования	28
И. Бажина (Фрунзе). Орфография киргизских слов в русских текстах	37
А. М. Асланов (Кировабад). Азербайджанская модель личного согласования в дагестанских языках	46

ОНОМАСТИКА

Дж. Латыпов (Москва). Этнотопонимы Маргилана	51
Б. М. Улаков (село Гунделен, К.-Б.АССР). К вопросу о балкарской антропонимии	56

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ж. М. Гусев (Нальчик). Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка	62
---	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Матгазиев (Фергана). Семантическое изменение слов — внутренний фактор развития языка	67
И. Г. Добродомов (Москва). К историографии изучения тюркизмов в русском языке	72
С. Хаттори (Иокогама, Япония). Изучение тюркских языков в Японии	76

РЕЦЕНЗИИ

Э. И. Фазылов (Ташкент). <i>Divanü Lûgat-it-türk dizini</i>	90
К. Атаев, Б. Мамедязов (Ашхабад). Критический текст дастана «Юсуп и Зулейха» Андалыба	95
Н. Н. Джанашиа (Тбилиси). «Восточная филология, III»	97
Л. С. Левитская (Москва). «Диалекты хакасского языка»	99
У. Доспанов (Нукус). Х. Хамидов. <i>Қарақалпақ тили тарихының очеркleri</i>	102
В. Ш. Псянчин (Уфа). З. Ф. Ураксин, Ф. А. Надршина, Х. Ф. Иосопов. Башкортсарусса фразеологик һүзлек	104
М. Р. Федотов (Чебоксары). А. Rona-Taš, S. Fodor. <i>Epigraphica Bulgarica</i>	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Р. М. Юзбашев, Б. А. Будагов (Баку). Научная конференция по проблемам топонимии Азербайджана	109
---	-----

ХРОНИКА

«Словосочетания в туркменском литературном языке»	112
«Кыпчакские языки Урало-Поволжья»	112
«К типологии фонологических систем»	113
«Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности»	114

НЕКРОЛОГ

А. Н. Кононов, С. Г. Кляшторный (Ленинград). Джерард Клосон	115
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

F. A. Ganiyev (Kazan). Verbal -ла/-лэ- formations in the modern Tatar language	3
R. Kh. Khalikova, F. N. Khisametdinova (Ufa). Towards the problem of relic clusters remained in vocabulary of the Bashkir language	13
A. Memetov (Tashkent). Synonyms in the modern Crimea-Tatar language	16
E. A. Umarov (Tashkent). Phraseological contamination in Alisher Navoi's language	23

LANGUAGES IN CONTACT

G. F. Blagova (Moscow). Whims of the borrowing	28
I. Bazhina (Frunze). Orthography of Kirghis words in Russian text	37
A. M. Aslanov (Kirovabad). The azerbaijani model of personal agreement in Dagestan languages	46

ONOMASTICS

J. Latypov (Moscow). Ethnotoponyms of Margilan	51
B. M. Ulakov (the village Gundelen, K.-B. ASSR). Towards the problem of Balkar personal names	56

DISCUSSIONS

Zh. M. Guzeye'v (Nalchik). The phonetic features of the Malkar dialect of the Karachai-Balkar language	62
--	----

REPORTS, SURVEYS

A. Matgazyev (Fergana). Semantic change of words as an inner factor of the development of language	67
I. G. Dobrodomov (Moscow). Towards the historiography of investigations of turkizms in Russian	72
Sh. Hattori (Yokohama, Japan). The studies of the Turkic languages in Japan	76

REVIEWS

E. I. Fazylov (Tashkent). Divanü Lûgat-it-türk dizini	90
K. Atayev, B. Mamedyazov (Ashkhabad). The critical text of the dastan of «Ysup-Zuleykha» by Andalib	95
N. N. Janashia (Tbilisi). «Philologia Orientalis, III»	97
L. S. Levitskaya (Moscow). «Диалекты хакасского языка»	99

<i>U. Dospanov</i> (Nukus). X. Хамидов. Қарақалпақ тили тарихының очеркleri	102
<i>V. Sh., Psyanchin</i> (Ufa). З. Ф. Ураксин, Ф. А. Надршина, X. Ф. Йосопов. Башкорт- са-русса фразеологик һүзлек	104
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksary). A. Rona-Taš, S. Fodor. Epigraphica Bulgarica	105

SCIENTIFIC LIFE

<i>R. M. Yuzbashev, B. A. Budagov</i> (Baku). Scientific conference on problem of the to- ponymy of Azerdaijan	109
---	-----

CHRONICLE

«Word-combinations in the Turkmen literary language»	112
«Kypchak languages of the Ural-Volga-area»	112
«Towards the typology of phonological systems»	113
«Lexics of the language of Orkhon-Enisei and Talas ancient turkic inscriptions»	114

OBITUARY

<i>A. N. Kononov, S. G. Klashtorny</i> (Leningrad). <u>Gerard Clauson</u>	115
---	-----

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректоры А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.

Рукописи не возвращаются.

Сделано в набор 29/VIII 1974. Подписано к печати 22/XI 1974 г. ФГ 09722. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 10,4
Заказ 5334. Тираж 3920. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.